

НПО «Издательство «Наука» РАН

Редакция журнала «Славяноведение»

119334, Москва, ул. Мясницкая, д. 26

Тел. 336-18-12

e-mail: jurstav@rambler.ru

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО · ВЕДЕНИЕ

2006

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

2006

МАЙ

ИЮНЬ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Станков Н.Н.</i> (Волгоград). Рапальский договор 1922 года и Чехословакия	3
<i>Марьина В.В.</i> (Москва). Еще раз о “мюнхенском сговоре” (Новые документы из чешских архивов).....	16
<i>Морозов С.В.</i> (Москва). Польша и Чехословакия в дни майского кризиса 1938 года	38
<i>Сальков А.П.</i> (Минск). Урегулирование трансильванской проблемы во внешней политике СССР (1945–1947 годы).....	44
<i>Петровская О.В.</i> (Брест). Высшая школа Болгарии и Польши: апробация “сталинской” модели (1948–1956 годы).....	62
<i>Хорев В.А.</i> (Москва). Тень войны в поэзии Тадеуша Ружевича	80

СООБЩЕНИЯ

<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). СССР – Югославия: зигзаги двусторонних отношений (вторая половина 1950-х – начало 1960-х годов)	95
<i>Тимофеев А.Ю.</i> (Белград). К вопросу об историографии понятия “Старая Сербия”	103

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Серационова Е.П.</i> Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948.....	115
<i>Стыкалин А.С.</i> Ар.А. Улуян. После режима. Греция: от военно-политической системы к парламентской демократии (1974–1981 гг.)	118
<i>Лескинен М.В.</i> Н.М. Куренная. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. Из опыта восточноевропейских литератур. 1930–1970 годы.....	122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (и.о. главного редактора),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Якушкина В.И.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2006 г. Н. Н. СТАНКОВ

РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР 1922 ГОДА И ЧЕХОСЛОВАКИЯ

16 апреля 1922 г. Советская Россия и Германия подписали в Рапалло договор. Это событие достаточно полно отражено в историографии. Однако исследователи, отмечая большое значение Рапалльского договора для развития советско-германского сотрудничества, не касались вопроса о том, какое воздействие он оказал на международные отношения в Центрально-Восточной Европе, на отдельные государства этого региона¹. В настоящей статье предпринята попытка показать, как было воспринято подписание Рапалльского договора в Чехословакии, какое влияние он оказал на ее внешнюю политику².

Политические лидеры ЧСР – президент Т.Г. Масарик и председатель правительства и министр иностранных дел Э. Бенеш – предвидели Рапалло и предполагали, что германо-советский союз окажет сильное воздействие на систему международных отношений в Европе.

19 декабря 1921 г. в беседе с британским посланником в Праге Дж. Клерком Э. Бенеш отметил, что для государств Центральной Европы “настают тяжелые времена”. Германия рано или поздно снова станет великой и процветающей державой, и чехословацкому премьер-министру казалось неизбежным ее сотрудничество с Россией. “Если государства-преемники, – говорил Бенеш, – не будут готовы к такой расстановке сил, то перспективы будут самые серьезные”. Поэтому его целью было сплочение группы центральноевропейских государств, которые смогли бы “существовать самостоятельно, независимо от того, как будут развиваться отношения между Германией и Россией” [4. Р. 632. Дос. 578].

Похожие идеи изложены в меморандуме “Помощь Европы и Америки России”, подготовленном президентом Т.Г. Масариком в начале 1922 г. Он также обращал внимание на растущее сотрудничество Германии и Советской России [5. S. 12]. Масарик указывал, что Германия и Россия имеют давние исторические связи, обусловленные их географической близостью и взаимной заинтересованностью в развитии двусторонних отношений. Он был уверен, что боль-

---

Станков Николай Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Волгоградского государственного университета.

¹ Исключение составляет документальный очерк В. Соколова, И. Фетисова (см.: [1]).

² Автор статьи выражает глубокую благодарность член-корр. РАН В.К. Волкову за предоставленные копии материалов из архивов бывшей ЧССР [2] и профессору Кельнского университета М. Александру за разрешение использовать подготовленные им к печати документы германского посольства в Праге [3].

шевики будут сотрудничать с Берлином, поскольку почти все они подолгу жили в Германии и были воспитаны на немецкой культуре. С другой стороны, по наблюдениям Масарика, многие немцы знали русский язык, проявляли интерес к России и стремились установить с ней прямые контакты.

Отмечая перспективы сотрудничества Германии с Советской Россией, чехословацкий президент обращал внимание союзников на сложные проблемы находившихся между ними малых государств Центральной и Восточной Европы. Процесс их экономического и политического сближения, необходимый для того, чтобы они могли противостоять давлению Германии и Советской России, не был завершен, хотя, по мнению Масарика, Чехословакия много сделала для консолидации этого пояса малых государств: ЧСР, Югославия и Румыния достигли соглашения о взаимопомощи против внешней угрозы; в рамках Малой Антанты осуществлялось активное экономическое сотрудничество; в конце 1921 г. Чехословакия подписала договоры с Польшей и Австрией [5. S. 16–17].

Т.Г. Масарик и Э. Бенеш опасались, что создание советско-германского союза нарушит *status quo* в Центрально-Восточной Европе, вызовет рост коммунистического движения в ЧСР, приведет к усилению активности судето-немецких политических партий, выступавших с критикой системы версальских мирных договоров, за переориентацию внешней политики страны на сотрудничество с Германией.

Большую обеспокоенность в Праге вызвало обострение противоречий в стане Антанты накануне Генуэзской конференции, поскольку оно могло привести к кризису всей Версальской системы, которая была гарантом безопасности Чехословакии, и создать благоприятные условия для укрепления международных позиций Германии и Советской России. Поэтому Бенеш вынужден был в начале 1922 г. предпринять энергичные меры с целью примирения Великобритании и Франции и выступить в роли посредника между двумя странами (подробнее см.: [6. С. 99–106]). Результатом его переговоров в Париже и Лондоне явилась встреча Д. Ллойд Джорджа и Р. Пуанкаре 25 февраля 1922 г. в Булони, в ходе которой стороны пришли к соглашению.

Одновременно с переговорами на Западе Бенеш разрабатывал общую политику Малой Антанты на предстоящей конференции. В течение месяца состоялись три встречи представителей этого блока: 20–24 февраля в Бухаресте, 3 марта в Братиславе и 9–12 марта 1922 г. в Белграде. К сотрудничеству с Малой Антантой была привлечена Польша. Ее представители участвовали в Белградском совещании, на котором было достигнуто соглашение об общей платформе на конференции в Генуе: 1) мирные договоры должны быть сохранены и проведены в жизнь; 2) четыре союзные государства, т.е. Малая Антанта и Польша, должны принимать участие в восстановлении Европы; 3) по вопросу о признании Советской России они займут в Генуе выжидательную позицию [7. Ф.04. Оп. 43. П. 275. Д. 53947. Л. 40]. С белградскими договоренностями в основном совпадали решения совещания министров иностранных дел четырех балтийских государств, состоявшегося по инициативе Польши 13–17 марта 1922 г. в Варшаве (см.: [8. С. 48–50]).

Министерство иностранных дел ЧСР накануне конференции стремилось договориться о солидарном выступлении в Генуе и с другими государствами, в частности, с Австрией, Бельгией и Италией [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 247. Д. 53940. Л. 66; П. 275. Д. 53947. Л. 140.].

Однако, несмотря на очевидные достижения чехословацкой дипломатии в деле координации политики великих и малых европейских государств в преддверии Генуэзской конференции, чувство реализма не изменяло Бенешу. Он ожидал нового обострения франко-британских отношений. Одному из своих ближайших сотрудников Бенеш говорил, что “на втором же заседании Генуэзской конференции выплывут противоречия различных точек зрения – и соглашение полетит прочь” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 247. Д. 53940. Л. 87].

Не прибавляли оптимизма и донесения из Берлина чехословацкого посланника В. Тусара, который настойчиво обращал внимание Праги на растущее сотрудничество Германии с Советской Россией во всех областях, включая военные отношения [9. S. 56], и на возможность заключения в скором времени советско-германского договора. 4 апреля 1922 г. он сообщал в Прагу о своей встрече с наркомом иностранных дел РСФСР Г.В. Чичериным, который посетил Германию, направляясь на Генуэзскую конференцию. “О переговорах, которые велись вчера в течение всего дня в Берлине между Советами и германским правительством, я узнал, что они продвинулись очень далеко”, – отмечал Тусар [10. С. 40].

Эти сообщения вызывали большую тревогу у Бенеша, но по иронии судьбы именно он явился одним из виновников, ускоривших подписание за спиной участников Генуэзской конференции советско-германского договора.

Генуэзская конференция открылась 10 апреля 1922 г. В первые же дни ее работы западные державы вручили советской делегации лондонский меморандум экспертов, который требовал от Советской России выплаты долгов прежних российских правительств, отмены монополии внешней торговли и компенсации национализированной собственности. Но в то же время России предоставлялось право требовать от Германии компенсации военного ущерба по ст. 116 Версальского договора (подробнее см.: [8. С. 92–105]).

Союзники были намерены вести переговоры с советской делегацией в узком кругу в отсутствие представителей Германии. Беседы проходили 14–15 апреля в неофициальной обстановке в резиденции Ллойд Джорджа на вилле Альбертис. Сразу же появились слухи об успешном ходе переговоров. Как отмечал в своем дневнике статс-секретарь МИД Германии А. Мальтцан, к вечеру 15 апреля отовсюду поступали сообщения, будто между приглашающими державами и Россией соглашение уже достигнуто. Среди прочих источников Мальтцан ссылаясь на высказывание Бенеша на эту тему, о чем вечером 15 апреля рейксканцлеру Й. Вирту сообщил эксперт Хаген [11. S. 128. Dok. 59]. Эта информация, по словам Мальтцана, оказала решающее влияние на поведение германской делегации, которая, отказавшись в начале апреля 1922 г. от подписания предложенного Россией советско-германского договора, приехала в Геную со “свободными руками”, чтобы сотрудничать с Антантой, теперь же оказалась в состоянии изоляции перед фактом заключения между западными державами и Советской Россией соглашения, наносящего ущерб национальным интересам Германии. Поэтому, когда во втором часу ночи 16 апреля Мальтцану позвонил член советской делегации А.А. Иоффе и предложил германской делегации вновь вступить в переговоры, это предложение было принято [11. S. 129. Dok. 59].

Однако не все исследователи склонны безоговорочно доверять свидетельству Мальтцана. В частности, современный германский историк П. Крюгер утверждает, что статс-секретарь сознательно умолчал о некоторых важных событиях,

предшествовавших ночному звонку Иоффе, в частности о содержании переговоров, которые Мальтцан вел днем 15 апреля с советскими представителями и о телефонном разговоре с ними канцлера Й. Вирта [12. Р. 54–55].

В качестве косвенного доказательства верности этой гипотезы может рассматриваться свидетельство члена советской делегации Н.Н. Любимова, подчеркивавшего в своих воспоминаниях, что в ночь с 15 на 16 апреля Мальтцану звонил не Иоффе, а начальник экономико-правового отдела НКВД А.В. Сабанин, который попросил германского статс-секретаря “передать рейхсканцлеру Йозефу Вирту, что Чичерин просил бы германскую делегацию приехать в гостиницу “Палаццо империале” в Санта-Мargarита часам к двум, с тем чтобы продолжить переговоры о советско-германском соглашении, начатые 4 апреля 1922 г. в Берлине”. Н.Н. Любимов отметил, что “разговор был коротким – не более трех минут” [13. С. 70]. Краткость телефонного разговора, его содержание, невысокий ранг А.В. Сабанина позволяют предположить, что, действительно, советско-германские переговоры на более высоком уровне имели место до ночного звонка, который лишь уточнял время и место встречи.

По мнению П. Крюгера, “именно Мальтцан фактически отвечает за создание ситуации, когда стало возможно заключение договора в Рапалло”. Мальтцан и Вирт с самого начала настаивали на подписании договора с Советской Россией и воспользовались создавшейся ситуацией для достижения своей цели. В. Ратенау же до последней минуты сомневался в целесообразности такого шага, и только угроза Вирта, что он сам подпишет договор с Россией побудила рейхсминистра отправиться в Рапалло [12. Р. 53–56].

16 апреля 1922 г. германская и советская делегации встретились в Рапалло и подписали договор, согласно которому стороны отказывались от взаимных финансовых претензий: РСФСР – от претензий на репарации, а Германия – от претензий на возмещение за национализированную собственность. Договор предусматривал восстановление дипломатических и консульских отношений между Германией и Россией, развитие экономического сотрудничества и торговли на основе наибольшего благоприятствования [14. С. 223–224. Док. 121].

Заключая договор в Рапалло, германская делегация предвидела неоднозначную реакцию на него и в Берлине, и в Генуе, что должно было сказаться на атмосфере конференции и на положении Германии. В. Ратенау в своем выступлении на заседании кабинета 17 апреля сказал, что со стороны Франции следовало ожидать “сильной атаки”. Со стороны же Великобритании и Италии он не предполагал встретить значительного противодействия [15. R 43 I/132. Vl. 309; 16. Bd. 2. S. 705–706. Dok. 246]. Однако действительность превзошла его ожидания.

19 апреля Э. Бенеш писал президенту Т.Г. Масарику, что заключение советско-германского договора “вызвало ужасное возмущение всех союзнических делегаций и большое недовольство нейтралов” [17. S. 36]. Он отмечал, что Рапальский договор осудили все, а “наиболее остро” – британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж [17. S. 36]. Его выступление на заседании 18 апреля отличалось крайней эмоциональностью. Ллойд Джордж заявил, что Рапалло – это “проявление германского вероломства и глупости”. В то время как участникам конференции германский канцлер говорил об “искренней лояльности и дружбе”, он в тот самый момент был занят согласованием договора, который не соответствует ни духу лояльности, ни духу дружбы – возмущался британский премьер [18. Р. 432. Doc. 76]. Он считал, что необходимо предпринять ша-

ги по предотвращению союза Германии и России, так как такой союз представлял бы серьезную угрозу европейской безопасности. “Если Россия окажется способной обеспечить оружием Германию, никто не сможет остановить ее”, – говорил Ллойд Джордж [18. Р. 433. Дос. 76]. Он предлагал направить германской делегации ноту протеста и отстранить ее от участия “в обсуждении статей соглашения между представляемыми ими странами и Россией” [8. С. 307]. “Франция поддержала Ллойд Джорджа, но была безынициативна”, – писал Бенеш Масарику [17. S. 36]. По его словам, многие участники заседания, в частности, представители итальянской и польской делегаций призывали британского премьера к умеренности. Сам Бенеш в своем выступлении сказал, что его мнение в основном совпадает с предложением Ллойда Джорджа. Он был уверен в необходимости “сохранить честь конференции”, “первоочередной задачей которой было восстановление взаимного доверия...”. Поэтому, по его мнению, следовало “выразить величайшее сожаление по поводу того, что Германия оскорбила их чувства таким образом”. Но Бенеш считал, что “переговоры необходимо вести по возможности с величайшей осмотрительностью” [18. Р. 436. Дос. 76]. В целом в оценке Рапалльского договора Э. Бенеш был согласен с союзниками в том, что “Германия, подписав свое собственное соглашение, не может более участвовать в переговорах с Россией” [17. S. 36], и 18 апреля 1922 г. вместе с представителями девяти государств он подписал ноту протеста Германии [8. С. 306–308].

Бенеш считал, что Рапалльский договор “очень повредит положению Германии и вероятно окажет влияние и на репарационную политику” [17. S. 36]. Сообщая 20 апреля в Прагу о состоявшихся накануне переговорах Великобритании и Италии с Германией с целью “разрешения конфликта, порожденного русско-германским договором”, он отмечал: “Германская делегация оказалась по существу и формально в очень тяжелом положении, так как Ллойд Джордж поставил ей совершенно ультимативное условие, чтобы либо был расторгнут германо-русский договор, либо германская делегация не будет участвовать в последующих политических переговорах”. По мнению Бенеша, “договор не дает Германии никаких выгод” и является лишь “маневром против союзников”. Этим, считал Бенеш, “было задето самолюбие Ллойда Джорджа, в результате чего становится почти обреченным положение самого Ратенау” [17. S. 37].

22 апреля Бенеш информировал Пражский Град о германском ответе на ноту союзников, в котором подчеркивалось, что Рапалльский договор ни в какой мере не означает вмешательства в отношения третьих держав с Россией. По мнению Бенеша, ответ германской делегации не решал проблему, а являлся лишь формальной попыткой оправдаться за допущенные ошибки. Он считал, что как бы вопрос не обсуждался, “русско-германский договор окажет влияние на всю конференцию и будет иметь далеко идущие последствия”. “Атмосфера в Генуе напряжена и не улучшится до конца конференции”, – писал Бенеш в Прагу [17. S. 38].

Работа продолжалась в обстановке всеобщей подозрительности в отношении Германии и РСФСР. Ходили слухи о коммунистическом заговоре Советской России и III Интернационала, в котором Германии большевики отводили роль “базы в оперативных действиях против западных держав”, о военных приготовлениях Москвы к мировой революции [15. R 43 I/132. Вл. 345–351]. Отовсюду поступали сведения, будто Рапалльский договор предусматривал

создание русско-германского военного союза, что во время его подготовки обсуждался вопрос о военных мероприятиях против Польши [15. R 43 I/132. V. 363]. Генеральный штаб чехословацких вооруженных сил информировал Бенеша, что по сообщениям печати, Рапалльский договор содержал тайные статьи, предусматривавшие военное сотрудничество (обязательство Германии не допускать провоз военных материалов в Польшу и в другие государства, производство в России вооружения для Германии) [2. Hlavní štáb Čs. branné moci. Týdenní zpráva čís. 17 (6. – 12. dubna 1922)].

Бенеш реалистически оценивал ситуацию. 24 апреля он писал в Прагу: “Русско-германский пакт не оформился, но будет непременно еще одним большим препятствием на пути мирного сотрудничества в Европе” [17. S. 38]. Поэтому чехословацкий премьер-министр стремился не допустить дальнейшего укрепления русско-германского блока, старался предотвратить “насильственный разрыв между Россией и остальной Европой”, “продвинуть вперед переговоры с Россией”, избегая, однако, при этом признания Советской России *de jure* [17. S. 46].

Помимо советско-германского договора Бенеш был озабочен также активностью венгерской дипломатии на Генуэзской конференции. Премьер-министр Венгрии И. Бетлен пытался привлечь внимание ее участников к бедственному положению венгерских меньшинств в соседних государствах и предлагал рассмотреть эту проблему на конференции, чему решительно воспротивился Бенеш, заявив, что вопросами меньшинств занимается Лига Наций [19. P. 197]. Он также не склонен был одобрять требования Венгрии подписать с ней торговые договоры на условиях наибольшего благоприятствования, специальные экономические соглашения между государствами-преемниками монархии Габсбургов. Не без тревоги в Чехословакии отнеслись к сообщениям о советско-венгерских переговорах в Генуе и о возможном подписании советско-венгерского договора, аналогичного Рапалльскому [2. Hlavní štáb Čs. branné moci. Týdenní zpráva čís. 17 (6. – 12. dubna 1922)].

Кроме того Бенеш был явно обеспокоен обострением англо-французских противоречий и бескомпромиссной политикой Парижа в отношении Германии. Французский премьер-министр Р. Пуанкаре представил советско-германский договор на рассмотрение Репарационной комиссии, поскольку, по его мнению, “договор затрагивает условия Версальского мира” [17. S. 38]. Пуанкаре считал, что нота союзников была “слишком слабой для французского общественного мнения”, Германию следовало бы исключить из числа участников конференции. Руководителю французской делегации в Генуе Л. Барту он рекомендовал в случае отклонения немцами требований союзников “покинуть конференцию для консультаций со своим правительством”. Премьер требовал, чтобы Л. Барту оказал давление на союзников, прежде всего на Ллойд Джорджа, и убедил их в необходимости проводить более жесткую линию в отношении Германии. Сам Пуанкаре 24 апреля публично заявил, что если Великобритания не поддержит Францию в Репарационной комиссии, то Франция предпримет самостоятельные шаги, даже если они будут противоречить британской позиции. Раскольническое по своей сути заявление Пуанкаре поставило французскую делегацию в Генуе в сложное положение. Л. Барту, хотя и возражал против дальнейших уступок Германии, но вынужден был взять под защиту Ллойд Джорджа, так как боялся, что Пуанкаре спровоцирует раскол Антанты, который привел бы к блокированию всех договоренностей и согла-

шений с Великобританией и изоляции Франции на международной арене [20. P. 288–289].

Бенеш критически оценивал политику французского правительства в отношении Германии. Ее слабость он видел в том, что французский премьер-министр выступил против предложений Ллойд Джорджа с собственной программой, наполненной негативом, но лишенной какого-либо позитива. В своих депешах в Прагу Бенеш отмечал, что в отличие от Пуанкаре французская делегация на Генуэзской конференции более реалистически оценивает события и “ведет себя осмотрительно” [17. S. 38].

Со своей стороны Бенеш предпринимал усилия, чтобы предотвратить окончательный разрыв между Францией и Великобританией, и в ходе переговоров проявлял большую осторожность, чтобы Чехословакию и ее союзниц по Малой Антанте не втянули в конфликт [17. S. 46]. 29 апреля он писал в Прагу: “Я того мнения, что ситуация в Европе будет сильно осложнена, если после Генуи не будет сохранено францужско-английское согласие”. В этом же сообщении Бенеш отмечал: “Не было и не может быть и речи о каких-либо санкциях против Германии”. Он считал, что германская проблема урегулирована мирными договорами [17. S. 40].

19 мая 1922 г. Генуэзская конференция завершила свою работу. Как и предсказывал за месяц до этого Бенеш, она закончилась “более или менее без каких-либо срывов, но и без положительного результата” [17. S. 38].

В Чехословакии неуспех Генуэзской конференции вызвал обвинения в адрес Бенеша. Появились слухи о скорой отставке его правительства. Газета “Bohemia” 17 мая писала в передовице о возможной отставке Бенеша не только с поста председателя правительства, но и с поста министра иностранных дел, который он занимал с момента создания ЧСР, подчеркивая, что “правительственные партии не раз выступали против генуэзской политики Бенеша”, франкофильская политика которого вела страну в тупик. “Bohemia” называла его вероятным преемником на посту главы правительства лидера аграриев А. Швеглу, а на посту министра иностранных дел – В. Тусара, в котором газета видела “зачинателя новой, существенно отличающейся от прежней внешней политики” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53 948. Л. 11–12.].

Однако, вопреки этим прогнозам, в отличие от Польши, где Рапалльский договор привел к падению кабинета А. Пониковского [15. R 43 I/119. Вл. 418–419; 21. S. 84], в ЧСР не произошло смены правительства.

Тем не менее во второй половине мая 1922 г. внимание прессы было приковано к Тусару. “Tribuna” сообщала, что 23 мая Тусар был принят президентом Т.Г. Масариком и “имел с ним длительную беседу” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 52.]. В тот же день вечером он выехал в Париж. Немецкие газеты писали, что цель поездки Тусара – довести до сведения французского руководства реальное положение дел в Германии, которое он считал взрывоопасным, и обсудить вопрос о германских репарациях. Чехословацкие газеты опровергали эти сообщения, утверждая, будто Тусар решил в Париже провести отпуск, занимаясь усовершенствованием своего французского языка. Но по-видимому на подлинную причину поездки В. Тусара во Францию указал британскому посланнику в Праге Дж. Клерку Э.Бенеш. Он сказал, что Тусар направлен в Париж “потому, что он абсолютно проникся германской точкой зрения и необходимо, чтобы у него было понимание французской позиции” [22. P. 213. Doc. 69].

29 мая 1922 г. “Neues Wiener Tagblatt” опубликовала интервью с Тусаром, в котором он дал оценку ситуации в Европе после Генуэзской конференции. Тусар отметил, что “Германия отказалась от пассивности во внешней политике и заключила договор с Советской Россией”. Рапалльский договор, по его мнению, “по существу ничего не изменил. Союзники, как каждому ясно, прошли через тяжкие испытания. Антанты осталась той же группировкой держав, какой была и прежде, и это гарантирует Европе эволюционное развитие. Малая Антанты проявила в Генуе свою силу и авторитет. Она шла в Геную без преувеличенных надежд, но она готова была предпринять все, что могло бы улучшить европейскую ситуацию... Правда, не все попытки, предпринятые Малой Антантой, удались. Но она может быть довольна и тем, что достигла. Генуэзская конференция не ухудшила европейского положения, и можно надеяться в недалеком будущем на улучшение” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 79–80].

Интервью Тусара не вызвало сенсации. Данные им оценки итогов Генуэзской конференции и Рапалльского договора были в русле официальной политики Праги. В основном они совпадали с положениями экспозе Э. Бенеша, с которым тот выступил 23 мая 1922 г. в Национальном собрании (см.: [23. S. 175–192]).

В сравнении с Тусаром Бенеш дал более критическую оценку итогам Генуэзской конференции. Он заявил, что программа конференции была ошибочной. “Европейская реконструкция должна начаться с решения проблемы репараций в ходе прямых переговоров между Англией, Францией и Германией, – подчеркнул Бенеш. – Затем должен быть решен вопрос о межсоюзнических военных долгах...” [23. S. 189]. По его мнению, урегулирование проблемы репараций и военных долгов создало бы условия для улучшения экономической ситуации в Европе, после чего можно было бы приступить к решению экономических проблем России [23. S. 189].

Как отмечали советские и германские дипломаты, экспозе Э. Бенеша вызвало в парламенте острые и длительные споры. Даже среди чехословацких политических партий, на которые опиралось правительство Бенеша, не было единства в оценке итогов Генуэзской конференции. Чехословацкий аграрий М. Годжа выразил полное одобрение деятельности чехословацкой делегации в Генуе, указав, что она “отстаивала наши интересы весьма достойно и корректно, не ангажировала в пользу чьих-либо чужих интересов и с большим успехом наряду с нашими интересами защищала общеевропейские”. Годжа и другой депутат от аграрной партии Гнидек подчеркивали необходимость соблюдения мирных договоров и сохранения согласия между союзниками [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53 948. Л. 72, 88.].

Крайне критически отнеслись к итогам Генуэзской конференции чехословацкие национальные демократы. К. Крамарж, выступая 28 мая 1922 г. на собрании национальных демократов в Кралупах, указал на “полный неуспех конференции”. Он также подчеркнул, что Рапалльский договор представляет серьезную угрозу для Чехословакии. “В Германии будет контролироваться оружие, а в России оружие для Германии будет производиться. Пока в России большевики, – говорил Крамарж, – вне всякого сомнения и в России решать дела будут немцы” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 92; 24. S. 64]. Антигерманским духом было проникнуто выступление в парламенте депутата от национально-демократической партии Гайна, который обвинил Германию в саботаже мирных договоров и требовал наказать ее как виновницу войны.

Он особо подчеркнул, что Чехословакии необходимо иметь превосходную национальную армию [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 77–78].

Внимание германского посланника в Праге В. Коха привлекло выступление депутата от Чехословацкой социал-демократической рабочей партии А. Немца, который осудил политику Франции в отношении Германии, в частности, в вопросе о репарациях и поведении французских войск в оккупированной ими области [3. Док. А. 12 Анн. 1].

Депутаты от оппозиции подвергли действия правительства Бенеша на международной арене острой критике. Лидер КПЧ Б. Шмераль в своем выступлении сказал, что Чехословакии необходим “новый курс внешней и внутренней политики”, который предусматривал бы “отказ от односторонней зависимости от Франции, имевшей место до сих пор, новый курс в отношении к рабочему движению и национальным меньшинствам; новое отношение к Германии, к репарациям и к санкциям, а в особенности новые отношения к России” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53 948. Л. 76]. Депутаты от всех судето-немецких партий (от социал-демократов до нацистов) осуждали одностороннюю ориентацию ЧСР на Францию, пиетет чехословацкого правительства по отношению к мирным договорам, призывали к установлению дружественных отношений с Веймарской республикой и Советской Россией. Они высоко оценивали Рапалльский договор, видя в нем важный шаг на пути к ликвидации последствий войны, “освобождения от послевоенного психоза”, пересмотра мирных договоров. Один из лидеров немецких национал-социалистов Г. Книрш в своем выступлении в Национальном собрании подчеркнул, что “Генуэзская конференция свидетельствует о новом политическом и экономическом курсе Европы, уклоняющемся от мирных договоров”. По его мнению, “интересы Европы и в частности Чехословакии лежат не в сохранении, а в пересмотре этих договоров. Первым этапом на этом пути является германо-русский союз” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53 948. Л. 94.]. Высокую оценку советско-германскому договору дал депутат от немецкого “Союза сельских хозяев” Ф. Шпина, который отметил: “Германо-русское соглашение создало в Европе германо-славянскую сферу интересов... Реальная чешская политика должна смотреть на 3.5 млн немцев в Чехословакии как на естественный мост между Германией и ЧСР и привлечь их как посредника” [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 97]. Шпина также подчеркнул, что интересам Чехословакии отвечало бы улучшение германо-французских отношений. Кроме того, он говорил о необходимости установления добрососедских отношений с Венгрией [7. Ф. 04. Оп. 43. П. 275. Д. 53948. Л. 97].

Выступление Ф. Шпины привлекло особое внимание германского посланника в Праге В. Коха. Очевидно, оно в наибольшей степени соответствовало целям Берлина в судето-немецком вопросе. Германская дипломатия стремилась с первых месяцев существования ЧСР склонить богемских немцев к конструктивному сотрудничеству с чехами с тем, чтобы они смогли завоевать соизмеримое с их численностью политическое влияние и способствовать более благожелательному отношению Праги к Германии. В своем донесении на Вильгельмштрассе от 31 мая 1922 г. Кох с удовлетворением отмечал, что у Ф. Шпины много сторонников среди богемских немцев. Посланник также подчеркивал, что выступление немецкого депутата-агрария с одобрением встретила чехословацкая пресса. В частности “Prager Presse” положительно оценила

его высказывание о посредничестве ЧСР в смягчении франко-германских отношений [3. Dok. A. 12 Anm. 1].

После подписания Рапалльского договора Бенеш стал проявлять больший интерес к развитию отношений с Германией и Советской Россией, уклоняясь в то же время от настойчивых предложений Парижа расширить военные связи и укрепить франко-чехословацкий союз [25. S. 64]. Он полагал, что чехословацкое “влияние на Францию постоянно и долговременно” [17. S. 46], а интересы безопасности государства в условиях осложнения международной ситуации требуют расширения внешнеполитических связей. По наблюдениям британского посланника в Праге Дж. Клерка, после подписания Рапалльского договора во внешней политике ЧСР начала проявляться “тенденция к разрыву с Францией и присоединению к англо-германо-русскому пониманию”. В беседе с ним 25 мая 1922 г. Э. Бенеш не скрывал “своей точки зрения, что разделение между Францией и Великобританией очевидно, и европейская политика двух держав стремится к размежеванию”. Он считал, что французская политика “для того, чтобы отвечать практическим соображениям сегодняшнего дня”, слишком обременена доктринами, “процесс дезинтеграции будет медленным”, поскольку “ни Россия, ни Германия еще фактически не созрели, чтобы быть участниками какой-либо европейской комбинации, и сотрудничество между Францией и Великобританией все еще также необходимо для Германии, как и для самих этих держав” [22. P. 212. Doc. 69]. Бенеш также изложил Клерку свою точку зрения на чехословацко-германские отношения: “Чехословакия никогда не может быть тесно связана с Германией: подобное объятие задушило бы ее”. Но в то же время чехословацкий премьер выразил готовность “работать над самыми лучшими отношениями и не видел причин, почему таким отношениям не следовало бы иметь место”, – писал британский посланник [22. P. 212. Doc. 69].

2 мая 1922 г. в Генуе состоялась встреча Э. Бенеша с министром иностранных дел Германии В. Ратенау. Чехословацкий премьер-министр заявил о желательности постепенного достижения лучших отношений между Францией и Германией и предложил выступить в качестве посредника. Ратенау поблагодарил Бенеша и сказал, что ему видятся два варианта улучшения отношений между Германией и Францией. Первый – путем заключения гарантийного договора между Англией и Францией, к которому присоединится Германия, а второй – путем расширения Антанты с приглашением Германии. Однако, отметил Ратенау, предпосылкой такого сближения в обоих случаях является прекращение существовавшего состояния войны с Францией и разрешение спора об освобождении оккупированных германских областей, в частности трех рейнских городов. Тогда же в ходе переговоров Бенеш выразил пожелание в скором времени заключить соглашение об экономическом сотрудничестве, которое бы соответствовало интересам современного хозяйственного развития обоих государств [11. S. 166–167. Dok. 82.].

Проблемы чехословацко-германских отношений обсуждались Э. Бенешем во время его поездки в Белград 6–11 июня 1922 г. с германским посланником в Королевстве сербов, хорватов и словенцев Ф. фон Келлером. Чехословацкий премьер-министр “с удовлетворением” упомянул о своих переговорах с В. Ратенау в Генуе и заявил, что “он имеет обоснованные надежды на успешное дальнейшее развитие добрососедских отношений с Германией” [11. S. 260. Dok. 124].

Слова Бенеша были не только проявлением дипломатической вежливости. Летом и осенью 1922 г. в чехословацко-германских отношениях наметились определенные сдвиги. Правительства ЧСР и Веймарской республики урегулировали международно-правовые вопросы сообщения между двумя странами, подписали конвенцию о выдаче преследуемых лиц [16. Bd. 2. S. 882. Dok. 294.], договоры о правовой защите и правовой помощи в гражданских делах, в вопросах налогообложения и другие [16. Bd. 2. S. 1112. Dok. 381]. С германской стороны заключению некоторых из них и скорейшему проведению их через рейхстаг содействовал лично рейхсминистр иностранных дел В. Ратенау [15. R 43 I/149. Bl. 171].

Тогда же произошли положительные перемены и в чехословацко-советских отношениях. 5 июня 1922 г. в Праге был заключен временный договор между РСФСР и ЧСР [14. С. 441–446. Док. 180]. Большинство статей договора касались экономического сотрудничества. Он предусматривал развитие торговых и экономических отношений между Советской Россией и Чехословакией, но содержал много политических положений. Во введении говорилось о необходимости соблюдения каждой из договаривавшихся сторон нейтралитета в случае конфликта одной из них с третьей державой. Ст. 1 предусматривала создание представительств Чехословацкой республики в РСФСР, Советской России – в Праге, причем в договоре отмечалось, что “каждое из этих представительств является единственным представительством подлежащего государства в другой стране...” По настоянию чехословацкой стороны в ст. 1 было внесено замечание, что “вопрос о признании де-юре правительства другой страны не предрешается настоящим договором”. Характерно, что статья содержала примечание, согласно которому оба правительства обязывались “прекратить всякие официальные сношения с разного рода учреждениями и представительствами организаций и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны”. Это положение предусматривало как отказ ЧСР от поддержки русской политической эмиграции, прежде всего, эсеров, так и отказ РСФСР от поддержки КПЧ и других леворадикальных организаций Чехословакии. Ст. 8 договора содержала обязательства обоих правительств “воздерживаться от всякой пропаганды, направленной против правительства, государственных и иных общественных учреждений или социально-политической системы другой договаривающейся стороны”, и “не ...принимать участия в политических и социальных конфликтах, могущих произойти в этих государствах” [14. С. 443]. Данному пункту, как свидетельствует переписка Т.Г. Масарика и Э. Бенеша, чехословацкие лидеры придавали особое значение [10. С. 494]. Подписывая договор с Советской Россией, они стремились оградить себя от подстрекательской коммунистической пропаганды, призывавшей к свержению существовавшего строя и к установлению советской республики.

Важнейшим направлением внешней политики ЧСР после подписания Рапалльского договора была консолидация Малой Антанты. “Государства Малой Антанты осознавали, что в той международной ситуации мир в Центральной Европе зависит в первую очередь от их энергии, единства и сотрудничества ...”, – отмечал в мемуарах ответственный сотрудник чехословацкого МИД Р. Кюнцль-Йизерский [26. S. 80]. 9 июня 1922 г. в Белграде состоялось совещание министров иностранных дел ЧСР, Югославии и Румынии, на котором были рассмотрены проблемы укрепления отношений, в частности, вопрос о заключении нового чехословацко-югославского договора. Его предполагалось

подписать во время предстоявшего визита югославского премьер-министра Н. Пашича в Прагу. Его действие предусматривалось в течение более продолжительного срока и на более широкой основе в сравнении с договором 1920 г. Как сообщал Бенеш из Белграда в Прагу, новый договор должен был гарантировать неуклонное соблюдение не только Трианонского мирного договора, но и Версальского и Сен-Жерменского. Он предполагал политическое, военное, дипломатическое и экономическое сотрудничество Чехословацкой республики и королевской Югославии [17. S. 49]. Договор был подписан 31 августа 1922 г. в Марианске-Лазне (см.: [27. S. 189–191]). И не только расширил сферу сотрудничества двух стран, но и завершил процесс оформления Малой Антанты как важного звена Версальской системы в Центрально-Восточной Европе.

С целью оздоровления и стабилизации международной ситуации в этой части Европы Чехословакия взяла на себя инициативу в решении экономических проблем Австрии, оказавшейся летом 1922 г. в столь бедственном положении, что возникла угроза ее независимости. Благодаря активности чехословацкой дипломатии 4 октября 1922 г. были подписаны Женевские протоколы, которые предусматривали предоставление Австрии большого международного займа и гарантировали ее политическую независимость, территориальную целостность и суверенитет (подробнее см.: [28. S. 428–437. Dok. 707]).

Таким образом, действия чехословацкой дипломатии дали ей возможность довольно быстро приспособить свою линию к новым условиям, сложившимся после подписания Рапалльского договора. Намечившаяся трансформация системы международных отношений, сопровождавшаяся ослаблением позиций Франции и нарастанием англо-французских разногласий, поставила Прагу перед необходимостью частичной переориентации своей внешней политики на Великобританию, расширения связей с Советской Россией и Веймарской республикой, укрепления сотрудничества с союзниками по Малой Антанте и с другими странами центрально-европейского региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соколов В., Фетисов И.* Рапалло и довоенная Польша // *Международная жизнь*. 1993. № 3.
2. Архив Института славяноведения РАН. Коллекция документов.
3. *Deutsche Gesandtschaftsberichte aus Prag. Innenpolitik und Minderheitenprobleme in der Ersten Tschechoslowakischen Republik. T. 2. Vom Kabinett Beneš bis zur ersten übernationalen Regierung unter Švehla 1921–1926.*
4. *Documents on British Foreign Policy 1919–1939.* London, 1980. Ser. I. Vol. 22.
5. *Masaryk T.G.* Pomoc Rusku Evropou a Amerikou // *Masaryk T.G., Beneš E.* Otevřít Rusko Evropě. Praha, 1992.
6. *Станков Н.Н.* Подготовка Генуэзской конференции 1922 г. и чехословацкая дипломатия // *Вестник Волгоградского государственного университета.* Волгоград, 2001. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 6.
7. Архив внешней политики Российской Федерации.
8. Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.). М., 1922.
9. *Olivová V.* Politika Československa v ruské krizi roku 1921 a 1922 // *Masaryk T.G., Beneš E.* Otevřít Rusko Evropě. Praha, 1992.
10. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1973. Т. 1.
11. *Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945.* Göttingen, 1988. Ser. A: 1918–1925. Bd. 6.
12. *Krüger P.* Rainy Day, April 16, 1922: The Rapallo Treaty and the Cloudy Perspective for German Foreign Policy // *Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922.* Washington (Cambridge), 1991.

13. *Любимов Н.Н., Эрлих А.Н.* Генуэзская конференция (Воспоминания участников). М., 1963.
14. Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5.
15. Bundesarchiv. Koblenz.
16. Akten der Reichskanzlei Weimarer Republik. Die Kabinette Wirth I und II. 10. Mai 1921 bis 26. Oktober 1921, 26. Oktober 1921 bis 22. November 1922. Boppard am Rhein, 1973.
17. Edvard Beneš (diplomat na cestách). Depeše z padesáti zahraničních cest ministra Beneše 1919–1928. Praha, 2000.
18. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. London, 1974. Ser. I. Vol. 19.
19. *Ádám M.* The Genoa Conference and the Little Entente // Genoa, Rapallo, and European Reconstruction in 1922. Washington (Cambridge), 1991.
20. *Keiger J.F.V.* Raymond Poincaré. Cambridge, 1997.
21. *Kaminski M.K., Zacharias M.J.* Politika zagraniczna II Rzeczypospolitej 1918–1939. Warszawa, 1987.
22. Documents on British Foreign Policy 1919–1939. London, 1983. Ser. I. Vol. 24.
23. *Beneš E.* Problémy nové Evropy a zahraniční politika Československa. Praha, 1924.
24. *Herman K., Sládek Z.* Slovanska politika Karla Kramáře. Praha, 1971.
25. *Marès A.* Francouzsko-československé vztahy v oblasti vojenství 1918–1924 z pohledu Paříže // Český časopis historický. 1999. № 1.
26. *Künzl-Jizerský R.* V diplomatických službách ČSR. Praha, 1947.
27. Diplomatické dokumenty o spojeneckých smlouvách Republiky Československé s Královstvím Srbů, Chorvatů a Slovinců a s Královstvím Rumunským. Prosinec 1919 – srpen 1921. Praha, 1923.
28. Aussenpolitische Dokumente der Republik Österreich 1918–1938. Wien; München, 1998. Bd. 4.

© 2006 г. В. В. МАРЬИНА

ЕЩЕ РАЗ О “МЮНХЕНСКОМ СГОВОРЕ” (Новые документы из чешских архивов)

29–30 сентября 1938 г. в Мюнхене состоялась конференция глав правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини), где без участия представителей Чехословакии было подписано соглашение об отторжении от ЧСР Судетской области и присоединении ее к Германии. Просуществовавшая двадцать лет Чехословацкая республика, потерявшая около четверти своей территории и населения, стала нежизнеспособным государством, которое полгода спустя, 14–15 марта 1939 г., в результате нового насильственного акта нацистской Германии прекратило свое существование. Название “Мюнхен” стало нарицательным, символизирующим агрессивную сущность гитлеровской внешней политики, преступное невыполнение международных обязательств западными державами и несовместимость с основными принципами международного права. Это был очередной шаг на пути развязывания Второй мировой войны и первый шаг к потере чехословацкой государственности, важнейшее свидетельство ликвидации системы коллективной безопасности и окончательного устранения Лиги Наций от решения значимых вопросов европейской и мировой политики. С точки зрения советско-чехословацких отношений Мюнхен означал фактическую денонсацию советско-чехословацкого договора о взаимной помощи от 16 мая 1935 г.

По договору между Чехословацкой социалистической республикой и Федеративной республикой Германией, подписанному 11 декабря 1973 г., мюнхенское соглашение было объявлено ничтожным, т.е. признавалось юридически недействительным с самого начала.

Мюнхен, настолько значимое событие в истории XX в., что постоянно привлекает к себе внимание исследователей и публицистов. Ему посвящены сотни, если не тысячи, исторических трудов и документальных публикаций. Что касается последних, то российский читатель может узнать о мюнхенском соглашении и его рождении из ряда вышедших в СССР сборников документов (см., например: [1; 2; 3. Т. 2; 4. Т. 3; 5; 6. Т. 1; 7. Т. 1]). Насколько известно автору, в России в последние 15 лет не появлялось новых публикаций о Мюнхене.

За границей очередной виток внимания к истории мюнхенского сговора обозначился в связи с его 65-летием (2003 г.). Инициатива исходила от скорых на

Марьяна Валентина Владимировна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

суждение и падких на сенсацию представителей средств массовой информации, настойчиво поднимавших вопросы о том, шла ли тогда речь о “предательстве”, и если да, то было ли это вообще предательством и по отношению к кому оно было совершено; была ли Чехословакия как объект мюнхенского соглашения демократическим государством или являлась страной, раздираемой внутренними противоречиями и по сути лишь недемократическим инструментом реализации групповых интересов; достигала ли ее политика в отношении национальных меньшинств достаточно высокого уровня или же после 1918 г. она стала новой “тюрьмой народов” и не заслужила ничего иного, кроме деструкции, которая лишь по стечению неблагоприятных обстоятельств была проведена никем иным как гитлеровским нацизмом; являлась ли она сообществом граждан, готовых к борьбе за свободу и самостоятельность, или же режимом, недостаточно заботящимся о собственной обороне, рассматривающим строительство пограничных укреплений главным образом как инструмент коррумпированного передела государственного бюджета партийными боссами. «Для современной сцены масмедиа, – по словам бывшего директора Института истории АН ЧР Я. Панека, – и для их стремления быстро покончить с действительными и мнимыми мифами характерно, что к наиболее часто озвучиваемым проявлениям “новой” интерпретации мюнхенского соглашения относится утверждение о “тотальной военной неподготовленности” Чехословакии и о “тотальной несостоятельности чехословацкой государственности»» [8. S. 11–12]. Официальная чешская позиция на сегодняшний день сводится к следующему: мюнхенское соглашение явилось “результатом политики умиротворения, опасной и безуспешной в любое время и в любой среде, целенаправленным примиренчеством демократии с диктатором, который объявил войну демократии” [8. S. 7]. Об этом говорилось на международной конференции “Мюнхенское соглашение – путь к деструкции демократии в Европе”, состоявшейся в Праге 24–25 октября 2003 г. и посвященной 65-й годовщине этого события. Обсуждался широкий круг вопросов, касавшихся внешней и внутренней, в том числе национальной, культурной, политики Чехословакии в конце 30-х годов XX в., политико-правовых аспектов соглашения, историографии проблемы. Конференция продемонстрировала наличие довольно широкого спектра оценок, как среди чешских, так и иностранных участников (см.: [8]).

Незадолго до конференции в серии “Документы чехословацкой внешней политики” вышли два тома публикации “Чехословацкая внешняя политика в 1938 году”. В подготовке труда участвовали Институт международных отношений (Прага), Карлов Университет – издательство “Каролиnum”, Институт истории Академии наук ЧР, Центральный государственный архив (Прага). Над публикацией работали Й. Деймек в сотрудничестве с историками и архивистами Я. Немечком, Х. Новачковой и И. Штевичеком [9].

Предисловие к сборнику написано Р. Квачеком; показаны организационная структура и персональный состав чехословацкой дипломатической службы в 1938 г. (Й. Деймек); дан обзор ранее вышедших сборников дипломатических документов, касающихся 1938 г. Наиболее важные и интересные из них включены в состав нового труда. Его ядром стали материалы ряда фондов Архива Министерства иностранных дел ЧР. Особое внимание при этом публикаторы уделяли шифrogramмам, поступавшим в МИД ЧСР от чехословацких дипломатических представителей, а также циркулярным инструкциям, направляемым им из Праги. При селекции первой категории документов (до вынужденной от-

ставки президента ЧСР Э. Бенеша 5 октября 1938 г. МИД получил более 1060 таких шифрограмм) предпочтение отдавалось приходившим из Германии, Великобритании, Франции, Италии и СССР, а также из соседних с Чехословакией стран, Польши и Венгрии, и союзниц ЧСР по Малой Антанте – Румынии и Югославии. Важную часть документов сборника составили записи выступлений министра иностранных дел Чехословакии К. Крофты на совещаниях с руководящими сотрудниками МИД. Наконец, еще одной важной составляющей публикации явились записи бесед с иностранными дипломатами, как в Праге, так и за рубежом. Большинство документов из фондов Архива МИД ЧР впервые увидели свет.

Исключением, пожалуй, являются донесения посла ЧСР в СССР З. Фирлингера о позиции Москвы, составленные на основании бесед с народным комиссаром иностранных дел СССР М.М. Литвиновым и его заместителем В.П. Потемкиным. Большинство этих донесений было впервые опубликовано самим Фирлингером в первом томе его мемуаров в конце 1940-х годов [10. Д. I], а затем включено в различные сборники документов. Надо сказать, что современные чешские исследователи полагают, что известные на сегодняшний день документы о позиции СССР в период мюнхенского кризиса (донесения Фирлингера и опубликованные документы НКВД СССР) не дают полного ответа на этот вопрос, поскольку, как известно, подобные проблемы решались даже не политбюро ЦК ВКП(б), а лично И.В. Сталиным. “Действительные намерения И.В. Сталина, – считает, в частности, Й. Деймек, – из-за недоступности части советских материалов нам неизвестны, и представить их в лучшем случае в будущем нам смогут русские историки”. Опровергая созданную “коммунистическими идеологами” и долгое время ими проповедуемую легенду, Деймек полагает, что в изолированный конфликт между Германией и ее возможными союзниками, с одной стороны, и Чехословакией, с другой, Москва вряд ли вмешалась бы. К такому утверждению, считает он, помимо прочего приводит анализ тогдашней международной ситуации, которая способствовала росту советских опасений относительно возможного объединения западных держав против СССР [8. S. 30–31]. Критически оценивает советскую версию интерпретаций позиций Советского Союза в период мюнхенского кризиса и сути политики “умиротворения”, возникшую в период холодной войны, и Р. Квачек [8. S. 245]. Однако пока это лишь словесно-тезисные опровержения указанной версии, не базирующиеся на документальных исследованиях. А между тем, материалы рассматриваемой публикации подтверждают, что Англия и Франция, исходя из своих национально-государственных интересов, стремились направить гитлеровскую агрессию на Восток, против СССР, а также превратить нацистскую Германию в барьер против проникновения “большевизма” на Запад. В советской версии мюнхенского кризиса, основанной на многих документах, если отвлечься от идеологической словесной шелухи, несомненно, есть достойное внимания исследователей рациональное зерно. Так или иначе, но правда состоит в том, что, видимо, еще известны не все важные документы, которые могут пролить свет на политику СССР, на его стратегию и тактику в период Мюнхена, выявить тайные, если таковые существовали, намерения Москвы, помогут отделить зерна от плевел, показать, способен ли был Советский Союз в тех конкретных условиях оказать помощь Чехословакии в одиночку. В любом случае, здесь есть еще пространство для исследовательской работы. Учитывая, что в публикации нет важ-

ных ранее неопубликованных документов, касающихся позиции Москвы в 1938 г., автор оставляет эту тему за скобками дальнейшего обзора.

Что касается политики Англии и Франции, то рассматриваемые документы подтверждают преобладающую в историографии ее оценку как направленной на умиротворение агрессора, на сговор с нацистской Германией за счет Чехословакии. Об этом свидетельствуют в первую очередь донесения чехословацких послов в Англии (Ян Масарик), Франции (Штефан Осуский) и Германии (Войтех Мастны), а также заявления английского и французского послов в Праге. Вместе с тем эти документы показывают, что среди английской и французской политической элиты не было единодушия в вопросе о помощи Чехословакии со стороны западных держав. Отставка 20 февраля 1938 г. с поста министра иностранных дел Великобритании сорокалетнего А. Идена, укрепила позиции премьера правительства семидесятилетнего Н. Чемберлена, последовательного сторонника политики умиротворения. Как сообщал Я. Масарик в Прагу 24 февраля: “Мы не должны отрицать, что наша ситуация в Англии с отставкой Идена ухудшилась... Представляется, что особенно неблагоприятную роль в последние месяцы играл английский посол в Берлине, сэр Невилл Гендерсон, который, как мне известно из надежных источников, одобрял и поддерживал антиавстрийский и античехословацкий курс в Берлине... Мы вообще должны немного показать зубы. Надо, чтобы англичане поняли, что наше терпение безгранично, и что мы защищались бы, если бы на нас напали” [9. Sv. I. S. 136–137]. Против политики сговора с Германией за счет Чехословакии был и У. Черчилль, тогда первый лорд адмиралтейства, который даже после подписания мюнхенского соглашения, 1 октября 1938 г., советовал, по словам Я. Масарика, “после совещания со многими” не отступать с чехословацкой оборонительной линии, не отдавать “жизненно важные укрепления”. “Он убежден, – писал Масарик, – что здесь появилась и нарастает сильная реакция против совершенного по отношению к нам предательства” [9. Sv. II. S. 471]. Эти настроения действительно имели место, но стали усиливаться гораздо позднее, когда оказалось, что гитлеровская Германия не соблюдает взятые на себя обязательства.

С уходом из английского правительства противников умиротворения агрессора позиции Чемберлена и нового министра иностранных дел Э. Галифакса значительно упрочились; желание сговориться с нацистской Германией, развязывая ей руки в Центральной и Восточной Европе, обозначилось весьма четко. Франция, имевшая с Чехословакией союзный договор, все более склонялась к поддержке внешнеполитического курса Англии из-за боязни остаться один на один с агрессором и малой веры в возможность советского вмешательства в конфликт, несмотря на неоднократные заявления Москвы об оказании помощи Чехословакии при условии такой помощи с французской стороны. Немалую роль при этом играли опасения распространения “бацилл большевизма” и укрепления влияния СССР на европейские дела.

Как следует из донесений чехословацких послов в Лондоне и Париже, существовали и объективные причины нежелания Англии и Франции вступать тогда в схватку с гитлеровской Германией. Во-первых, возможность конфронтации с общественным мнением: и в той, и в другой стране были сильны антивоенные настроения, в памяти их народов, особенно французов, еще не стерлись ужасы Первой мировой войны и не были забыты миллионы потерянных человеческих жизней, положенных на алтарь победы. Если для правящей верхушки Англии и Франции главным было, соглашаясь с гегемонией Гитлера в Центральной и

Восточной Европе, предотвратить потерю своих колониальных владений, то у простых людей превалировало желание сохранить мир любой ценой, а мысль о возможных последствиях политики умиротворения агрессора и предательства по отношению к Чехословакии отошла на второй план. Недаром после возвращения Чемберлена и Даладье в Лондон и Париж их встречали, как героев миротворцев, не допустивших начала новой войны.

Во-вторых, ни Англия, ни Франция в военном отношении не готовы были тогда вступить в схватку с Германией. Французская армия, численно превосходившая немецкую и рассчитывавшая на неприступность линии Мажино, с 1936 г. находилась в состоянии радикальной модернизации, которая еще не была завершена и которой препятствовала недостаточная мощность французской промышленности. Кроме того, разработанная во второй половине 1930-х годов французская военная доктрина имела оборонительный характер, и война с Германией из-за Чехословакии, несмотря на существование союзного договора между государствами, не укладывалась в планы французских военных. Даладье, который до того, как стать премьер-министром несколько лет являлся министром обороны Франции, был прекрасно осведомлен об этом, заявляя в то же время публично (15 июля), что “наши торжественные обязательства по отношению к Чехословакии являются для нас неотступными и святыми” [9. Sv. II. S. 31]. Месяц спустя министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в конфиденциальном разговоре, согласно сообщению Масарика в Прагу, заявил, что “мир следует сохранить и за счет ЧСР, и что Франция не готова и не хочет воевать за нас” [9. Sv. II. S. 275–276]. Во всяком случае не хотела в одиночку, без Англии, которая развила чрезвычайную активность в проведении политики умиротворения гитлеровской Германии, особенно в последний месяц перед Мюнхеном. Чемберлен тоже полагал, что есть объективные причины для такой политики: неготовность к войне английской авиации, находившейся в процессе обновления, которое, как предполагалось, может быть завершено не раньше, чем через два года. В августе–сентябре 1938 г. английские и французские политические и военные верхи в своем большинстве выражали явное желание договориться с Гитлером, развязав ему руки в отношении Чехословакии. Вот как, согласно чешскому историку В. Кралу, Н. Чемберлен представлял себе ситуацию накануне встречи с Гитлером в Берхтесгадене: “Я сумею убедить его, что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. Обрисую перспективы, исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России” [11. С. 226]. Документы, представленные в публикации, по сути еще раз подтверждают эту позицию. О последовательности указанного курса говорит и тот факт, что на следующий день после подписания Мюнхенского соглашения, 30 сентября, Чемберлен и Гитлер подписали декларацию, в которой говорилось о желании немецкого и английского народов “никогда более не воевать друг с другом”, использовать метод консультаций для решения всех важных вопросов, касающихся обеих стран, и “таким образом содействовать укреплению мира в Европе” [7. Т. 1. С. 29]. 6 декабря 1938 г. Ж. Бонне и И. Риббентроп подписали аналогичную франко-германскую декларацию, в которой говорилось, что “мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существеннейших элементов упрочен-

ния положения в Европе и поддержания всеобщего мира” [7. Т. 1. С. 136–137]. Все это было бы хорошо, если бы не знать о последующих событиях, о том, что 1 сентября 1939 г. нацистская Германия, напав на Польшу, развязала Вторую мировую войну, что 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили войну Германии. Англо-германская и франко-германская декларации как результат сговора Лондона и Парижа с Берлином за счет Чехословакии явились как бы предтечей соглашения о ненападении, подписанного между Москвой и Берлином 23 августа 1939 г. тоже за счет третьих стран.

Если Англия и Франция в отношении Чехословакии с января по сентябрь 1938 г. проявляли определенную непоследовательность, публично и в общении с чехословацкими политиками заявляя о желании поддержать эту страну в ее противостоянии с гитлеровской Германией (правда, на все более жестких условиях), а закулисно сговариваясь с нацистским агрессором за счет ЧСР, то политика Берлина в отношении Праги в этот же период была более чем последовательной и характеризовалась непрерывным и все более усиливавшимся нажимом. Публикуемые в сборнике документы – ясное подтверждение тому. 20 февраля 1938 г., выступая в рейхстаге, Гитлер заявил об особых правах Германии на охрану немецкого меньшинства, проживавшего в других странах. При этом назывались следующие цифры численности немецкого населения в европейских странах: в Австрии 6.5 млн, в Чехословакии 3.5 млн, Польше 1150 тыс., Франции (Эльзас-Лотарингии) 1.5 млн, Швейцарии 2.9 млн, Гданьске (Данциге) 350 тыс., Венгрии 350 тыс., Южном Тироле 240 тыс., Румынии 800 тыс., Югославии 700 тыс., Бельгии 100 тыс., Клайпеде 140 тыс., России 200 тыс. Всего в европейских странах вне пределов третьего рейха согласно его статистике проживало 20 069 тыс. немцев [9. Sv. I. S. 130]. Все они, по Гитлеру, должны были раньше или позже воссоединиться с “материнской” нацией третьего рейха. Пока же на повестку дня ставилась задача присоединить к Германии близлежавшие территории с наибольшим по численности немецким населением – Австрию и Судетскую область Чехословакии. 12 марта немецкие войска вступили в пределы Австрии, а еще через день она была включена в состав германского рейха. О том, как происходил аншлюс, подробно описано в донесении чехословацкого посла в Вене Р. Кюнцла-Ййзерского в Прагу 15 марта 1938 г. [9. Sv. I. S. 205–209] В то же время в беседе с чехословацким послом в Берлине В. Мастным Г. Геринг, один из ближайших подручных Гитлера, говоря от его имени, заверил посла, что “у Чехословакии нет ни малейшей причины для беспокойства”, что “вопрос Австрии – дело чисто семейное”, что “Германия не имеет в отношении Чехословакии никаких враждебных намерений и что, наоборот, хочет идти по пути дальнейшего сближения” [9. Sv. I. S. 185–186]. О том же говорил с Мастным один из видных политиков рейха К. Нейрат, в 1939–1941 гг. германский наместник в Протекторате Богемия и Моравия. Однако он подчеркнул, что предпосылкой улучшения чехословацко-германских отношений является улучшение в Чехословакии отношения к судетским немцам, “по крайней мере, некоторые уступки” их требованиям, касающимся культурной автономии [9. Sv. I. S. 187–189]. Президент ЧСР Э. Бенеш в тот момент твердо стоял на своем: политика в отношении немецкого меньшинства – внутреннее дело Чехословакии [9. Sv. I. S. 99–101, 125–126]. Лондон, по словам Я. Масарика, рекомендовал Праге поспешить с выработкой конструктивных предложений, касающихся улучшения положения немецкого меньшинства в ЧСР [9. Sv. I. S. 228]. Бенеш смягчил свою позицию и в беседе с английским послом в Праге Б. Нью-

тоном 19 марта 1938 г. заявил, что президент и правительство подготавливают проект “достаточно широкой акции, чтобы во всех спорных вопросах, касающихся меньшинств, можно было идти настолько, насколько это позволяет единство государства” [9. Sv. I. S. 234].

Гитлер продолжал настаивать на ревизии политики в отношении немецкого меньшинства в ЧСР, действуя через Судето-немецкую партию в Чехословакии, возглавляемую К. Генлейном (“Сегодня тактика Германии состоит в том, чтобы использовать Судето-немецкую партию для политического ослабления Чехословакии” [9. Sv. I. S. 307], – писал В. Мастны в МИД ЧСР 7 апреля). 12 апреля чехословацкий министр иностранных дел К. Крофта сообщил послам ЧСР в Лондоне, Париже и Берлине принципы проекта о положении национальных меньшинств, который разрабатывается правительством [9. Sv. I. S. 314–315]. Но правительство продолжало настаивать на том, что их статус является внутренним делом Чехословакии [9. Sv. I. S. 367]. Однако вопрос все более и более приобретал международное звучание. О необходимости улучшения положения польского и венгерского национальных меньшинств в ЧСР и о территориальных претензиях к ней заговорили в Варшаве и Будапеште [9. Sv. I. S. 285–288, 316–319, 353–355, 359–362]. Чехословацкий посол в Венгрии М. Кобр сообщал в Прагу 8 апреля о том, что Генеральный штаб готовит планы оккупации Словакии [9. Sv. I. S. 308].

В начале мая 1938 г. в Германии началась широкая античехословацкая кампания, подхваченная польскими средствами массовой информации [9. Sv. I. S. 406–408, 417–420]. Усилилась напряженность в чехословацко-германских отношениях; военные круги третьего рейха начали подготовку к нападению на Чехословакию; было зафиксировано передвижение немецких военных частей на границе с ЧСР; партия Генлейна по указаниям из Берлина активизировала свою деятельность и прибегла к провокациям; произошли столкновения между нарушителями порядка и правительственными войсками. Выборы в местные органы власти, прошедшие в ЧСР 22 мая 1938 г., показали, по сведениям публикаторов, что партия Генлейна получила примерно 88–91% голосов немецких избирателей [9. Sv. I. S. 466]. Однако Гитлер, тогда еще неуверенный в том, как поведет себя в случае военного конфликта Англия, временно вынужден был отступить. По словам В. Мастного, глава СС Г. Гиммлер заявил в разговоре с французским послом, что «считает чехов “невозможным” народом, а Чехословацкую республику образованием, которое должно раньше или позже исчезнуть с карты Европы» [9. Sv. I. S. 542]. 30 мая Гитлер подписал распоряжение, в котором говорилось: “моим неизменным решением остается ликвидация Чехословакии посредством военной акции в ближайшем будущем” [9. Sv. I. S. 549]. Пока же, в июне–июле 1938 г., продолжились переговоры чехословацкого правительства с Генлейном, который выдвигал все новые и новые требования, касающиеся организации жизни немецкого меньшинства в ЧСР. Когда казалось, что компромисс может быть достигнут, генлейновцы радикализировали свои требования в расчете на то, что власти откажутся их принять. Всего же, как свидетельствуют опубликованные документы, судето-немецкой партией было отвергнуто четыре варианта статута о национальных меньшинствах, предложенных правительством. 27 июня Я. Масарик сообщал в Прагу: “Галифакс просит передать, что английское правительство обеспокоено медленным ходом переговоров. Оно снова говорит о необходимости ускорения хода переговоров и далеко идущих уступках (судетским немцам. – В.М.)” [9. Sv. I. S. 582]. 29 июня Чем-

берлен, выступая на заседании кабинета министров, согласно сообщению Масарика в МИД ЧСР, “прямо обвинил президента Бенеша и правительство, что они умышленно медлят с переговорами, и потребовал от Галифакса, чтобы он снова обратился в Париж с предложением совместного нажима на нас (Чехословакию. – *В.М.*)”. Берлин угрожал вторжением. 12 июля Мастны сообщал в Прагу, что согласно имеющимся у него сведениям, “Германия, в случае если в ближайшее время переговоры с судетскими немцами не закончатся успешно, готовит военное нападение на Чехословакию в середине сентября” [9. Sv. II. S. 25].

20 июля правительство Великобритании направило чехословацкому правительству ноту, содержащую предложение о посредничестве в его переговорах с генлейновцами. Первая реакция Бенеша на это предложение была резко отрицательной. Но, поразмыслив, президент согласился его принять, о чем и было сообщено в Лондон 23 июля [9. Sv. II. S. 4–41, 58]. В качестве посредника англичане предложили лорда В. Ренсимена, бывшего министра торговли. Вот как характеризовал его Я. Масарик: “Ренсимен – это умный (*chytrý* – это слово может быть переведено и как хитрый. – *В.М.*), упрямый, не склонный к конформизму клерикал, абстинент и богач. Является искренним почитателем президента-Освободителя (Т.Г. Масарика. – *В.М.*), с которым имел хорошие отношения. Его (Ренсимена. – *В.М.*) миссия мне вообще не нравится, хотя я не придаю ей такого значения, как здешняя печать” [9. Sv. II. S. 66].

Бенеш не оставлял еще надежду на возможность договориться с Берлином. 27 июля во время встречи с немецким послом в Праге Е. Айзенломером он говорил: “Правда, что взаимное недоверие существует. Но такое малое государство, как наше, после всего того, что случилось, имеет все же больше доводов не доверять большому, чем большое малому. Мы ведь не представляем опасности для Германии. У нас, в Праге, не такие сумасшедшие, чтобы хотели пойти на конфликт с Германией. ...Мы ничего не выиграем путем конфликта”. И далее: “...и сегодня я говорю о ф и ц и а л ь н о (разрядка в оригинале. – *В.М.*): можете от меня как от президента сообщить правительству в Берлин, что ... мы хотим достичь соглашения и что полагаем, что именно сегодня настал тот момент, который мог бы открыть новую главу в наших взаимоотношениях” [9. Sv. II. S. 72–73]. Однако их улучшение вовсе не устраивало нацистскую верхушку, у нее были другие планы. Г. Геринг, как сообщал Мастны в Прагу 4 августа, «в узком военном кругу недавно сетовал, что Германия при аншлюсе Австрии проморгала возможность присоединить одновременно судетскую территорию. Тогда, дескать, западные страны даже не шевельнулись бы. Однако Германия, дескать, не может так долго колебаться в ожидании пока Англия вооружится, и поэтому использует при случае ближайшую возможность “разрешить” вопрос о Чехословакии». Фюрер, продолжал Геринг, сейчас понял, “что уже недостаточно присоединить судетскую территорию, чтобы в центральной Европе наступило успокоение, и его планы сегодня идут гораздо дальше. Если Германия будет располагать 3 000 самолетов, а это произойдет осенью, то она прорвется через Чехословакию и затем Венгрию к Черному морю” [9. Sv. II. S. 102–103]. 6 августа Мастны сообщил о совещании у Гитлера в Оберзальцбурге (14 июля), на котором канцлер заявил, что в течение шести месяцев Чехословакия будет разделена между Германией, Польшей и Венгрией [9. Sv. II. S. 113]. Берлин снова активизировал античехословацкую кампанию, угрожая военным конфликтом и стремясь изолировать ЧСР, лишив ее франко-английской поддержки.

Миссия Ренсимена не имела видимых успехов. 25 августа Крофта сообщал чехословацкому посольству в Лондоне: “Переговоры Ренсимена с Генлейном не дали особых результатов. Снова стало ясно, что Генлейн делает общие и несамостоятельные заявления.... Ренсимен и его миссия пока никакой своей позитивной программы не предложили и не сказали, что предложат” [9. Sv. II. S. 175]. 27 августа Ренсимена принял Бенеш. Согласно записи шефа Канцелярии президента ЧСР Я. Смутного, Ренсимен заявил, что дело идет к войне, “которую надо предотвратить любой ценой; он имеет приказ из Лондона влиять в этом смысле на обе стороны, на нас и С-НП (судето-немецкую партию. – В.М.)...В качестве информации он сообщил господину президенту, что Англия весной (1939 г. – В.М.) будет готова к войне, что он знает, что за всем этим стоит Гитлер, что это – дело внешнеполитическое, но именно поэтому надо во имя предотвращения войны идти как можно дальше” [9. Sv. II. S. 192]. 31 августа Я. Масарик сообщал из Лондона в Прагу: “Англия может повернуть на сто процентов и поставить нас в невозможное положение” [9. Sv. II. S. 205].

Выступая на съезде национал-социалистской партии в Нюрнберге 12 сентября 1938 г., Гитлер резко критически отозвался о Чехословакии как о “недалеко-видной конструкции Версала”, обвинил чехословацкие власти в целенаправленной тирании в отношении судетских немцев, требовал для них права на самоопределение и заявил о готовности Германии оказать им помощь [9. Sv. II. S. 264]. В ночь с 12 на 13 сентября во многих пограничных районах на севере и северо-западе Чехии и на севере Моравии генлейновцы организовали античехословацкие выступления, подавленные правительственными войсками. Имелись убитые и раненые. В восьми районах было введено военное положение; по всей республике запрещены политические акции и собрания; в Пограничьи предприняты меры по укреплению обороноспособности страны. Генлейновцы ультимативно предложили правительству отменить военное положение и отправить войска в казармы. Сам Генлейн и руководство С-НП 14 сентября бежали в Баварию, откуда по радио, констатируя невозможность сосуществования судетских немцев с чехами, потребовали присоединения территорий, на которых немцы составляли более половины населения, к Германии. “Мы хотим жить как свободные мужчины и женщины. Мы снова хотим иметь мир и работу на нашей родине. Мы хотим домой, в Рейх” [9. Sv. II. S. 290], – заявил Генлейн. На немецкой стороне начались военные маневры.

Политика умиротворения агрессора в Англии и Франции набирала обороты. Даладьё, по сообщению Ш. Осуского, высказал опасение, что Германия может использовать ситуацию для нападения на Чехословакию. Во Франции развернулась кампания против ее помощи ЧСР в этом случае. Бонне, по сведениям Я. Масарика, заявил, что следует сохранить мир ценой Чехословакии и что “Франция не готова и не хочет за нас воевать” [9. Sv. II. S. 272, 275]. Англия выступила с предложением об отказе Чехословакии от части территории в пользу Германии, обещая в этом случае ЧСР гарантии со стороны западных держав. Возник план прямых переговоров Чемберлена с Гитлером, который выразил согласие принять главу британского правительства 15 сентября. Предложение Даладьё о совместной поездке к Гитлеру Чемберлен отклонил. “Отлет Чемберлена, – сообщал Масарик в Прагу, – был абсолютно тайным... Я очень опасуюсь, что старческие амбиции Чемберлена быть миротворцем Европы толкнул его к успеху любой ценой, возможно и за наш счет”. В следующей телеграмме говорилось: “В правительственных кругах распространено мнение, что Фран-

ция готова к любым уступкам, чтобы не воевать за нас. Готовится возможность свалить вину на нас и предлог отступить от нас” [9. Sv. II. S. 278, 283]. “Поездка Чемберлена была встречена с необычными симпатиями французским народом, который видит в ней, с одной стороны, стремление сохранить мир, с другой, помочь Чехословакии избежать нападения”, – говорилось в телеграмме Ш. Осуского в МИД ЧСР 15 сентября [9. Sv. II. S. 281].

В этих условиях Бенеш стал склоняться к решению уступить часть районов ЧСР с немецким большинством Германии. Такие инструкции были даны министру социального обеспечения социал-демократу Я. Нечасу, направлявшемуся во Францию и Англию для переговоров соответственно с социалистами (Л. Блюмом) и лейбористами (К.Р. Эттли). Предполагалось, что Германия могла бы получить 4–6 тыс. кв. км. территории “с условием взять по меньшей мере 1.5–2 млн немецкого населения. Это означало бы таким образом перемещение населения, причем демократы, социалисты и евреи остались бы у нас” [9. Sv. II. S. 284–285].

План, предложенный Чемберленом Гитлеру с одобрения Даладье, сводился к следующему: передать без плебисцита Германии территории с более чем 50% немецким населением (Карловы Вары – Марианске Лазне – Хеб), остальным районам предоставить широкую автономию без плебисцита; новые границы ЧСР должны быть гарантированы Германией, Францией, Англией и Италией. В случае непринятия этих предложений, Франция и Англия “умывали руки”, отказывая ЧСР в своей поддержке. Без Англии, по заявлению Бонне, французская помощь Чехословакии была бы неэффективной [9. Sv. II. S. 330–331]. 21 сентября французский и английский послы в Праге предприняли демарш перед Бенешем, настаивая на принятии англо-французского плана. В записи беседы значится: “Что бы не произошло, они (Англия и Франция. – В.М.) снимают с себя ответственность. Президент Бенеш: Это ультиматум. Они: Нет, только советы” [9. Sv. II. S. 346]. 23 сентября Бенеш направил инструкцию Осускому для информирования Даладье, в которой говорилось: “То, что нам было предложено Францией и Англией, мы посчитали ужасным, мы не могли поверить своим глазам, что Франция способна на нечто подобное... нажим был таким, что это имело характер ультиматума... Это навсегда останется позором Франции, а также Англии. Я продемонстрировал на карте, насколько эти условия чудовищны, я просил, чтобы они подчеркнули необходимость изменений. Они заявили, что имеют указание требовать принятия без (каких-либо. – В.М.) исключения и условий... Повторяю: то, что произошло, не имеет аналогов в истории” [9. Sv. II. S. 369]. 23 сентября К. Крофта передал по телефону инструкции чехословацким послам в Париже и Лондоне: попытаться внести поправки в англо-французский план решения судето-немецкого вопроса; “особенно нужно показать на карте, насколько бессмысленными стали бы потом границы и как глубоко врезалась бы Германия в чехословацкую территорию. Государство оказалось бы стратегически несостоятельным... Подчеркните, что принцип о пятидесятипроцентных районах должен быть скорректирован так, чтобы новая граница отвечала потребностям, прежде всего коммуникационным, экономическим и географическим, и что международная комиссия получит право действовать в этом духе. Сделайте, что удастся, возможно также путем обращения к отдельным политикам, парламентариям и даже оппозиционерам” [9. Sv. II. S. 370].

Но было уже поздно. 23 сентября на встрече с Чемберленом в Годесберге Гитлер ультимативно выдвинул более жесткие, чем англо-французские условия

решения судето-немецкого вопроса. Слабые попытки Чемберлена возразить со ссылкой на то, что Прага не примет подобные требования, не увенчались успехом. Английский премьер согласился передать их Бенешу и чехословацкому правительству, что и было сделано в тот же день послом Великобритании в Праге Б. Ньютоном [9. Sv. II. S. 375–376]. 24 сентября Э. Галифакс принял Я. Масарика и заявил ему, что ни он, ни премьер не могут советовать Чехословакии принять эти требования. Он настаивал, как сообщал Масарик в МИД ЧСР, на необходимости подумать о том, не лучше ли уступить Гитлеру, чем быть разбитыми. Премьер, по заявлению Галифакса, уверен в том, что Гитлер, “получив судетские области, навсегда оставит Европу в покое”. Масарик, по его словам, ужаснулся этой преступной “наивности” и выразил крайнее удивление по поводу того, что английский премьер стал “почтальоном” “убийцы и гангстера Гитлера”. “Галифакс, глубоко взволнованный, повторил: к сожалению, это так”. Далее он сообщил Масарику, что английский Генеральный штаб ожидает нападения на Чехословакию без объявления войны в ближайшее время, еще до первого октября. Масарик от своего имени заявил Галифаксу, что считает “ужасный документ Гитлера неприемлемым”, и сказал: “скорее мы все умрем, чем переживем такое унижение” [9. Sv. II. S. 387].

24 сентября Э. Ньютон передал К. Крофте меморандум Гитлера, переведенный на английский язык. При этом он подчеркнул, что имеет указание только передать документ, без каких-либо советов и давления. Министр иностранных дел ЧСР в телеграфном сообщении о меморандуме, направленном в чехословацкие посольства в Лондоне и Париже, подчеркнул, что он содержит “требования, далеко выходящие за рамки англо-французских предложений, которые мы рассматривали как свою максимальную уступку” [9. Sv. II. S. 387–388]. Новое чехословацкое правительство во главе с генералом Я. Сыровы, сменившее 23 сентября правительство М. Годжи, приняло англо-французские рекомендации, о чем 25 сентября Крофта сообщил в Лондон и Париж. “Чехословацкое правительство, – говорилось в переданной по телеграфу инструкции, – настоятельно обращает внимание на то, что если бы, несмотря на условия и гарантии, которые содержались в англо-французских предложениях сегодня был осуществлен нажим на ЧСР, и французское и английское правительства потребовали бы немедленно освободить какие-то территории, и особенно оставить наши укрепления, этим они нас полностью выдали бы в руки врага, который на этом не успокоился бы. Как только мы покинем границы и станем бессильными, он пойдет дальше. Это означало бы сдачу всего государства. Ни одно слово Германии не стоит ломаного гроша” [9. Sv. II. S. 388].

26 сентября Гитлер произнес во Дворце спорта речь с резкими обвинениями в адрес Чехословакии и особенно Бенеша. Присоединение к Германии судето-немецкой области было представлено как “последнее требование, которое он может предложить Европе”. Чехословацкое правительство обвинялось в истребительной войне против судетских немцев, а Бенеш – в вынашивании планов искоренения всего немецкого и распространения большевизма в Европе. Одновременно Гитлер заверил, что “после разрешения этой проблемы в Европе уже не будет никакой другой территориальной проблемы”, и как только ЧСР решит вопрос о национальных меньшинствах, чешское государство уже не будет интересоваться немцев, и Берлин в этом случае станет гарантом его существования. Бенеш, по словам Гитлера, “держит таким образом в своих руках мир или вой-

ну. Или он примет сегодня это предложение и, наконец, даст немцам свободу, или же эту свободу мы сегодня возьмем сами” [9. Sv. II. S. 418].

Англия и Франция к этому времени уже приняли окончательное решение согласиться со всеми требованиями Гитлера, и все призывы Праги к здравомыслию остались без ответа. Накануне совещания в Мюнхене, 28 сентября, Масарик направил еще одну ноту Галифаксу: “Сэр, согласно инструкции прилагаю две карты, которые ясно показывают, как территориальные претензии господина Гитлера распространяются на чисто чешские районы, а также на районы с преобладающим чешским населением, в отличие от англо-французского плана, который был принят моим правительством и согласно которому Германии должны быть переданы только районы, в которых проживает более пятидесяти процентов немецкого населения... Я рад бы был напомнить два факта. На территориях, обозначенных в англо-французском плане, Германии были бы переданы 382000 чешских граждан, в то время, как на территориях, которые должны быть переданы Германии 1 октября в соответствии с планом господина Гитлера (на карте обозначены красным цветом), Германии должны быть переданы 836000 чехов. Далее, в области, которая окрашена на карте господина Гитлера зеленым цветом, проживают 1116000 чехов и только 144000 немцев” [9. Sv. II. S. 396]¹. Все эти факты не были приняты в расчет Чемберленом и Даладьё. Накануне Мюнхена чехословацкое правительство, исходя из англо-французского плана, пошло на дальнейшие уступки, но это тоже не помогло [9. Sv. II. S. 441]. 29 сентября в Мюнхене было подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, которое гласило: “Германия, Соединенное королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное королевство, Франция и Италия согласились, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте, будут заняты германскими войсками в следующем порядке.

Зона, обозначенная цифрой I, – 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II – 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III – 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV – 6, 7 октября.

---

¹ Подробно о распределении чешского и немецкого населения в районах, на которые претендовал Гитлер, а также о последствиях принятия его требований для Чехословакии говорилось в сообщениях Крофты в чехословацкое посольство в Лондоне 26 сентября [9. Sv. II. S. 400–403].

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует принять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам – Германии, Соединенному королевству, Франции и Италии – незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть проведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Приложения к соглашению.

Правительство Его Величества в Соединенном королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Дополнительная декларация

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г. [9. Sv. II. S. 452–454]².

Текст соглашения на английском языке был передан в Прагу в 5.45 30 сентября 1938 г. Чехословацкая делегация (В. Мастны и Г. Масаржик), прибывшая в Мюнхен, в переговорах не участвовала, а была лишь информирована об их результатах. Г. Масаржик так описывал ее пребывание в Мюнхене: “Встреча на аэродроме имела преимущественно полицейский характер. На полицейском автомобиле в сопровождении гестаповца нас отвезли в отель “Регина”, где была размещена также английская делегация. Поскольку конференция уже шла полным ходом, нам было трудно связаться с руководящими лицами английской делегации”. Лишь в 10 вечера Масаржику и Мастному по поручению Чемберлена было сообщено содержание соглашения и передана карта, где обозначались районы, которые немецкая армия должна была немедленно оккупировать. В 1.30 уже 30 сентября они были приглашены в покои Чемберлена, где находились также Даладь и ряд английских и французских дипломатов. Чемберлен вручил Мастному текст соглашения на немецком языке, который зачитал вслух. На вопрос, нужен ли какой-либо ответ от чехословацкого правительства, было заявлено, что в этом нет необходимости. Следует лишь прислать уполномоченного на заседание международной комиссии в Берлине, чтобы обсудить вопрос об освобождении первой из обозначенных на карте территорий. “Ситуация для всех присутствующих становилась действительно тяжелой, нам было в достаточно грубой форме объяснено, конкретно французом, что это – приговор без обжалования и без возможности исправления; Чемберлен открыто демонстрировал свою усталость... мы простились и ушли. Чехословацкая республика в границах 1918 года перестала существовать” [9. Sv. II. S. 455–456, 513–516].

Более того, Гитлер питал личную ненависть к Бенешу и не мог допустить, чтобы он продолжал стоять во главе чрезвычайно ослабленной, но все-таки демократической ЧСР. Чехословацкий дипломат А. Гейдрих, возглавлявший чехословацкую делегацию на переговорах о реализации Мюнхенского соглашения, на допросе в министерстве внутренних дел ЧСР показал 1 января 1946 г.: “4 октября (1938 г. – В.М.) после окончания переговоров, государственный секретарь имперского министерства иностранных дел барон Вайцзеккер сказал мне, что если Чехословакия хочет добиться приличных результатов на берлинских переговорах, то президент Бенеш, к которому Гитлер питает особую нелюбовь, должен уйти в отставку. В тот же вечер я выяснил, что аналогичный разговор Геринг имел с послом Мастным. Посол Мастны просил меня передать это президенту”. 5 октября А. Гейдрих вылетел в Прагу и доложил об этом президенту [9. Sv. II. S. 493]. О желательности отставки Бенеша в целях смягчения территориальных требований Германии Мастны говорил и с участником переговоров с чехословацкой стороны генералом К. Гусарекон, который тоже вы-

---

² Опубликовано на английском языке. Документ не озаглавлен и не подписан. На русском языке см.: [6. Т. 1. С. 237–239; 7. Т. 1. С. 27–29]. В русскоязычном варианте по иному расположены и поименованы тексты Приложения и Дополнительных деклараций к Соглашению; кроме того, документ озаглавлен и имеет соответствующие подписи.

летел в Прагу 4 октября, где встречался с председателем правительства генералом Сыровым и членами его кабинета, с главами партий бывшей правительственной коалиции и с генералом Л. Крейчи. Оба генерала посетили Бенеша и, по всей видимости, настаивали на его отставке, как и представители политических партий. Крейчи писал впоследствии: "...речь не шла о нашей инициативе. Это было рекомендовано английским и французским послами в Берлине, предполагавшими, что отставка господина президента поможет ослабить жесткие условия пятого этапа (немецкой оккупации. – В.М.), которые рвали нас на куски" [12. S. 78]. Как известно, 5 октября Бенеш подал в отставку и вскоре эмигрировал в Англию. На дальнейшие переговоры с гитлеровцами по территориальным вопросам это не оказало никакого влияния: чехословацкое правительство вынуждено было принять их требования. 10 октября оккупация пограничных областей ЧСР частями вермахта завершилась.

Однако Мюнхенским соглашением дело не закончилось. Предстояло еще раз обратиться с ультиматумами, предъявленными Чехословакии ее ближайшими соседями, Польшей и Венгрией. В сборник "Чехословацкая внешняя политика в 1938 году" включено множество документов, касающихся их позиций в период мюнхенского кризиса, что делает публикацию особенно интересной. Для внешней политики обеих стран в 1938 г. в целом было характерно следование в фарватере внешней политики Германии. Обе они предъявляли претензии Чехословакии, критикуя ее политику в отношении польского и венгерского меньшинств, и намеревались, вслед за Германией заполучить территории ЧСР, на которых проживали поляки и венгры. Однако на позиции этих стран, несомненно, влияла и линия поведения Англии и Франции в чехословацком вопросе. Варшава и Будапешт встали безоговорочно на сторону Берлина тогда, когда стало совершенно очевидно, что Лондон и Париж "отступились" от Чехословакии и готовы на любые уступки Гитлеру во имя иллюзорного представления о сохранении мира в Европе. Колебания в позиции Польши и Венгрии четко прослеживаются по документам сборника. Античехословацкая кампания набирала силу в этих странах тогда, когда наблюдался всплеск агрессивности по отношению к ЧСР в Германии. В канун Мюнхена и Венгрия, и Польша все более склонялись к поддержке третьего рейха.

В конце августа 1938 г. официальная венгерская делегация в составе регента М. Хорти, премьера Б. Имреди и министра иностранных дел К. Кани посетила Германию. Посол ЧСР в Будапеште М. Кобр сообщал в Прагу 2 сентября на основании беседы с Каней, что вопрос о внутреннем кризисе в Чехословакии являлся "главным предметом политического обмена мнениями во время визита". На вопрос Кобра о возможном поведении Венгрии в случае немецкой агрессии против Чехословакии министр дал уклончивый ответ, заявив все же, что сначала Венгрия сохранит нейтралитет и посмотрит, как будут развиваться события. "Вы ведь знаете, – сказал он, – что свобода действий и соблюдение нейтралитета всегда были аксиомой моей политики; ситуация, однако, с самого начала могла бы сложиться так, что обстоятельства пересилили бы политические принципы и пакты". Согласно комментарию публикаторов к этому документу, по свидетельству немецких источников венгерские деятели действительно подчеркивали в разговорах с нацистскими политиками опасения Венгрии в связи с возможностью возникновения широкомасштабной войны и стремились убедить Гитлера отложить нападение на Чехословакию. В ином случае венгры обещали вступить в войну против ЧСР лишь при условии, если это будет локальный кон-

фликт и только по истечении нескольких недель, т.е. после того, как большая часть чехословацких вооруженных сил будет связана на фронте против Германии. Позиция венгерской делегации не изменилась и после предложения Гитлера Венгрии аннексировать всю Словакию и Подкарпатскую Русь, что повлекло за собой его известное выражение: “есть могут лишь те, кто участвует в приготовлении пищи”. Будапешт после этого мог рассчитывать уже только на некоторую немецкую поддержку в вопросе ректификации чехословацко-венгерских границ, а не на получении всей территории бывшей “короны св. Стефана” [9. Sv. II. S. 222–225, 230–231].

2 сентября английская “Daily Telegraph” опубликовала интервью с Б. Имреди, в котором он отрицал наличие какого бы то ни было соглашения о сотрудничестве между Венгрией и Германией и наоборот заявил о нейтральности Венгрии в случае войны в Европе. На следующий день венгерское агентство печати опровергло это сообщение. Выступая перед дипломатами и журналистами 9 сентября и оценивая позицию Венгрии, Крофта утверждал: “Скорее всего Имреди так говорил, но поскольку это было неосторожно, он это опроверг. Но все выступления подтверждают, что венгры, особенно Хорти, отвергли предложение дать какие-либо обязательства идти вместе с Германией. Там немцы не получили того, чего бы хотели. Я уверен, что желание сохранить нейтралитет искренне. Вовсе не из любви к нам, а из-за опасения, что подвергнутся нападению со стороны Румынии и Советов... Они знают, что Югославия и Румыния (партнеры ЧСР по Малой Антанте. – *В.М.*) категорически заявили, что не потерпели бы даже пассивного сотрудничества Венгрии с Германией, что расценили бы это, как нападение на Чехословакию и встали бы на нашу сторону” [9. S. 250–252].

Однако мысль о том, чтобы присоединить к Венгрии территории ЧСР, населенные венграми, не оставляла венгерских политиков. 20 сентября Кобр сообщил в МИД ЧСР: “Под влиянием последних событий – национальное движение на подъеме. Правительство все энергичнее проводит военные приготовления. Это свидетельствует о том, что правительство полно решимости всеми средствами содействовать тому, чтобы венгерский вопрос в Словакии был решен аналогично судетскому. Я не сомневаюсь, что тайно ведутся переговоры с Германией”. В тот же день в дополнительном сообщении Кобр уведомлял, что Имреди встретился с английским послом в Будапеште и просил Лондон, чтобы вопрос о венгерском меньшинстве в Словакии был решен аналогично судетскому, и что “Хорти отправился на охоту в Германию, чтобы просить Геринга о поддержке венгерской точки зрения”. Встреча состоялась в тот же день в Альтштернберке (Восточная Пруссия) во время “охоты”. 21 сентября в Германию вылетел и Имреди, которого сопровождали Каня и начальник Главного штаба Ф. Керештес-Фишер. В тот же день в Оберзальцбурге венгров принял Гитлер. Венгерские политики сформулировали свои требования, которые Гитлер должен был изложить Чемберлену при встрече с ним в Годесберге. При этом они полностью солидаризировались, как пишут публикаторы, с гитлеровской программой полной ликвидации Чехословацкого государства либо путем прямой агрессии, либо путем реализации требования о праве на самоопределение для всех нечешских народностей, включая словаков. Однако они снова отказались начать военную акцию против ЧСР одновременно с немецким нападением и обещали лишь позднее вступить в войну в зависимости от развития международной ситуации. Гитлер, согласно сообщению Кобра в Прагу, обещал поддер-

жать просителей в вопросе о праве на самоопределение для венгерского меньшинства в ЧСР [9. Sv. II. S. 340–341, 345–346, 352].

22 сентября Кобр с тревогой сообщал: “Национальные страсти, как свидетельствуют вчерашние демонстрации, накалены до крайности. Проводятся масштабные военные приготовления в направлении словацких границ, организуются добровольческие формирования. У меня впечатление, что замышляется *fait accompli* в Словакии и что на последних совещаниях в Берхтесгадене создан немецко-польско-венгерский фронт с целью отторжения польских и венгерских территорий (от Чехословакии. – *В.М.*)” [9. Sv. II. S. 365]. О создании подобного фронта сообщал в Прагу 23 сентября и чехословацкий посол в Варшаве Ю. Славик [9. Sv. II. S. 370]. Между тем в печати появились сообщения, правдивость которых подтверждал Крофта, что Румыния и Югославия предприняли в Будапеште демарш, информируя венгерское правительство о том, что в случае нападения на чехословацкую территорию эти страны должны были бы выполнить свои обязательства перед Чехословакией как членом Малой Антанты. Кобр считал эти сообщения безосновательными и утверждал: «Поведение венгерского правительства в случае общего конфликта характеризуется словами: “*Wait and see*” (выжидать и наблюдать. – *В.М.*)» [9. S. 399, 403].

Правительство ЧСР было готово признать за чехословацкими гражданами венгерской национальности права в рамках подготавливаемого им статута о национальных меньшинствах [9. Sv. II. S. 404–406]. 29 сентября посланник Венгрии в Чехословакии передал ее правительству ноту, касающуюся положения венгерского меньшинства в ЧСР с пожеланием разрешить вопрос аналогично тому, как он был решен в отношении немецкого населения [9. Sv. II. S. 439–440, 443]. В тот же день Кобр сообщил в МИД ЧСР о сделанных Имреди заявлениях: “Венгерское требование территориального решения по судетскому образцу включает кроме отказа от чисто венгерских областей проведение плебисцита не только на национально-смешанных, но и на чисто словацких и русинских территориях” [9. Sv. II. S. 446]. Мюнхенское соглашение в части, касающейся требований Венгрии, вызвало, по словам Кобра, разочарование как венгерской общественности, так и правительственных кругов, которые чувствовали себя обманутыми тем, что вопрос относительно венгерского меньшинства в Чехословакии не был решен аналогично судетскому. 1 октября Крофта предложил венгерскому правительству создать экспертную комиссию для решения вопроса о венгерском меньшинстве в ЧСР [9. Sv. II. S. 476, 479–480]. Будапешт, заявив о желании вести переговоры в “дружественном духе”, вместе с тем выразил пожелание, чтобы предварительно были выполнены некоторые его условия: немедленно выпущены все политзаключенные венгерской национальности, демобилизованы солдаты и офицеры венгерской национальности, созданы в целях поддержания порядка формирования под смешанным командованием, переданы Венгрии символически два или три приграничных города, которые были бы заняты венгерскими войсками (назывались, в частности, Комарно, Паркань, Чоп, Берегово и др). Переговоры по предложению венгерского правительства должны были начаться 6 октября в Комарне. Видимо, для того, чтобы подкрепить свои требования, венгры устроили провокацию на чехословацко-венгерской границе: несколько частей регулярной армии перешли ее на участке южнее Римасеч; дело дошло до перестрелки между венгерскими и чехословацкими войсками. 4 октября Италия заявила о поддержке территориальных претензий Венгрии к Чехословакии. 9 октября в Комарне начала работать смешанная комис-

сия, но из-за чрезмерных венгерских требований (территорий с венгерским большинством на 1910 г.) переговоры закончились безрезультатно [9. Sv. II. S. 500, 509–510]. В результате Первого венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г. Венгрии были переданы южные районы Словакии и Подкарпатской Руси общей площадью 11 927 кв. км с населением свыше 1 млн человек [13. С. 185].

Безвыходным положением Чехословакии, отданной на растерзание гитлеровской Германии, не преминула воспользоваться и Польша, выступившая с территориальными претензиями к ЧСР. Напор Варшавы на Прагу возрастал по мере усиления агрессивности Берлина и сдачи позиций Лондоном и Парижем. Однако еще в начале сентября, как отмечал Крофта, Польша, решительно отказавшаяся пропустить советские войска через свою территорию в случае нападения Германии на ЧСР, колебалась в вопросе о том, идти ли ей вместе с Англией и Францией, если они поддержат Чехословакию, или с Германией. Во всяком случае, разные взгляды на этот счет в польской верхушке существовали [9. Sv. II. S. 250]. После того, как ЧСР под давлением Англии и Франции вынуждена была согласиться на ряд территориальных уступок третьему рейху, окончательно осмелела и Польша, заявившая о претензиях на часть Тешинской области, которая в 1920 г. согласно решению великих держав вошла в состав Чехословакии. Тогда она получила 1273 кв. км. тешинской территории с 297 тыс. населения, а Польша – 1013 кв. км. со 137 тыс. жителей. Теперь же она потребовала, чтобы Чехословакия добровольно отказалась от этой территории, населенной в значительной степени поляками [9. Sv. II. S. 348–349, 360–361]. На границе началась концентрация польских войск. В связи с этим советское правительство 23 сентября официально заявило, что “на основе ст. 2 Договора о ненападении, заключенном между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, в случае допущения Польшей агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения объявить указанный договор недействительным” [9. Sv. II. S. 372].

Ю. Славик сообщал в Прагу о позиции Польши, изложенной ее министерством иностранных дел на пресс-конференции 22 сентября: “а) Польша приветствует развитие ситуации. Долой эру Локарно. В будущем дела Восточной Европы не будут решаться без Польши; б) начинается эра реорганизации новой Европы. Судетская проблема разрешена. Годесберг может решить венгерские и польские претензии (во время встречи с Чемберленом в Годесберге Гитлер, по словам публикаторов, внес также предложение об удовлетворении требований Венгрии и Польши. – *В.М.*). Польша желает получить Тешин, скрытно угрожает *fait accompli*; в) на втором этапе будет решена проблема Словакии... Польша бы теперь реализовала претензии на польские этнографические территории Чадца, Орава, Спиш и Яворина... ж) чехофильские статьи конфискуются. Давление на прессу усиливается. Самые невинные нападки на Германию под запретом” [9. Sv. II. S. 374]. По словам Славика, В. Сикорский, польский лидер оппозиции, заявил ему, что она “сделает все возможное, чтобы положить конец маневрам министра Бека (главы МИД Польши. – *В.М.*), который не только сконструировал польско-немецко-венгерский фронт, но всеми средствами толкает Польшу на войну вместе с Германией [9. Sv. II. S. 409].

В сложившихся условиях Бенеш пытался улучшить взаимоотношения с Польшей, пойдя на территориальные уступки ей, для чего подготовил личное письмо польскому президенту И. Мосьцицкому, доставленное ему 26 сентября.

Славик, принятый президентом, в беседе с ним подчеркнул, что “вопрос может быть безусловно обсужден, независимо от вопроса о немецком и венгерском меньшинствах” [9. Sv. II. S. 411]. Английский посол в Праге Б. Ньютон посоветовал К. Крофте 27 сентября прекратить всякие дипломатические маневры и немедленно начать переговоры с Польшей об уступке ей территорий с польским большинством [9. Sv. II. S. 423]. В тот же день Бенеш получил ответ польского президента на свое письмо, в котором улучшение польско-чехословацких отношений связывалось с решением вопроса о польском меньшинстве в ЧСР путем территориальных уступок Польше со стороны Чехословакии [9. Sv. II. S. 424–426]. 29 сентября польский посланник в Праге К. Папэ настаивал в беседе с К. Крофтой, чтобы Чехословакия освободила от своего присутствия районы с большинством польского населения [9. Sv. II. S. 443]. 30 сентября Ю. Бек направил письмо Папэ с инструкцией передать чехословацкому правительству ноту, которую он назвал ультиматумом и которую следовало “любой ценой вручить до 23 часов 59 минут сегодняшнего дня, так как срок данного ультиматума истекает завтра, 1 октября, в 12 часов дня... Прошу не предпринимать какой-либо дискуссии по вопросу содержания ноты, так как это требование является безоговорочным”, – писал Бек [7. Т. 1. С. 31–32]. В тот же день нота была вручена Крофте. В ней выдвигалось требование в течение 24 часов эвакуировать чехословацкие войска и полицию с указанной в ноте территории, и окончательно передать ее польским военным властям; эвакуация должна была осуществляться “без нанесения ущерба, приведения в негодное состояние или вывоза предприятий и объектов общественного назначения”; сооружения и строения оборонного характера следовало разоружить, а также уволить от службы в чехословацкой армии всех жителей Тешина и Фриштата, говорящих на польском языке. Польское правительство ожидало “недвусмысленного ответа” чехословацкой стороны до 1 октября и заявляло, что в противном случае оно “будет считать чехословацкое правительство единственным ответственным за последствия” [9. Sv. II. S. 460–462]³.

Бенеш в телефонных разговорах с Б. Ньютоном и французским послом в ЧСР В. де Лакруа в 9.00 и 10.00 1 октября обратился к английскому и французскому правительствам с просьбой, раз уж Чехословакия приняла Мюнхенское соглашение, защитить ее от диктата Польши и угроз нападения на ЧСР. “Поляки хотят сначала оккупировать, а потом уж вести переговоры. Территории, которые они хотят занять, это преимущественно области с польским большинством, но есть и с чешским большинством... Британское правительство должно потребовать от Варшавы, чтобы поляки остановились, не нападали и вступили в переговоры... Невозможно выполнить в течение 24 часов то, что поляки требуют. Если великие державы допустят, чтобы были одобрены такие действия, то это будет означать конец Европы” [9. Sv. II. S. 471–472], – заявил Бенеш. Предприняло ли что-либо английское правительство не известно, Бонне же провел два слабых демарша перед Варшавой. Однако одновременно, согласно сообщению Осуского в Прагу в 12. 50, генеральный секретарь французского МИД А. Леже считал, что “если требования поляков остаются в рамках того, что президент Бенеш сам хотел отдать, то следовало бы быстро с поляками договориться”. Западные державы в очередной раз предали Чехословакию, не-

³ Публикация на французском языке. На русском языке см.: [7. Т. 1. С. 32–34].

смотря на их мюнхенские обещания гарантировать ее новые границы. В 13.00 1 октября К. Крофта передал польскому посланнику в ЧСР ноту, в которой сообщалось о принятии требований польского ультиматума от 30 сентября [9. Sv. II. S. 474–475, 481]. 2 октября чехословацкое правительство дало согласие на создание экспертной комиссии по делимитации чехословацко-польской границы. Польская армия начала занимать ультимативно потребованные территории Чехословакии.

Союзницы Чехословакии по Малой Антанте, Румыния и Югославия, в преддверии кризиса и в его ходе вели себя несколько иначе по отношению к ЧСР. Румыния, не давшая согласие на пропуск советских войск через свою территорию для оказания помощи Чехословакии, в то же время, по свидетельству документов публикации, не делала нелояльных к ней заявлений, хотя в румынских верхах, несомненно, были как “ястребы” германофилы, так и миротворцы, ориентировавшиеся на Запад. Это, видимо, подтверждается и время от времени появлявшимися слухами о готовности Румынии предоставить коридор для пропуска советских войск. Кстати, такие утверждения имеют место и в наше время. В книгах И. Пфаффа о советской политике в отношении Чехословакии в 1934–1938 годах говорится в частности, о наличии такого документа [14]. Речь идет о письме министра иностранных дел Румынии Н. Петреску-Комнена от 24 сентября 1938 г. М.М. Литвинову, в котором говорилось о согласии Румынии на пропуск Красной Армии через румынскую территорию и предлагался подробный план этой операции. Американский историк чешского происхождения М. Гаунер, исходя из тщательного анализа документа⁴, обсуждения вопроса с коллегами из разных стран, а также из того, что ни оригинал письма, ни его копии до сих пор не обнаружены в архивах Бухареста, Праги, Москвы, обвинил автора в манипулировании документами и пришел к выводу, что письмо является фальсификацией. Документ на французском и в переводе на чешский язык опубликован Гаунером в журнале “Современная история” (“Soudobé dějiny”) [15. S. 545–557].

Но вернемся к обозреваемой нами публикации. 21–22 августа в Бледе (Югославия) состоялось очередное заседание Постоянного совета Малой Антанты с участием премьер-министра Югославии М. Стоядиновича, министров иностранных дел Румынии и Чехословакии, соответственно Н.П. Комнена и К. Крофты. Заседание, по словам Крофты, “снова продемонстрировало решительную волю стран Малой Антанты сохранить единство действий во всех международных вопросах” [9. Sv. II. S. 164–172]. 8 сентября поверенный в делах представительства Чехословакии в Бухаресте М. Крупка сообщил в Прагу, что в решении судетской проблемы «вся бухарестская печать выступает очень решительно на стороне ЧСР. Высказывания серьезных, крупных газет таких, как “Universul”, “Timpul” и “Le Moment”, весьма остро направлены против Германии... Исключение составляет лишь правая “Curentul”». Особенно обсуждались в румынской печати, по словам Крупки, два вопроса: как поведет себя Румыния в случае возникновения военного конфликта и пропустит ли через свою территорию советские войска, спешащие на помощь Чехословакии. Официальные же круги, по мнению Крупки, напротив “сохраняют предельную осторожность и избегают всего того, что могло бы быть истолковано как румынская официальная точка

---

⁴ В нем, по словам Гаунера, обнаружено “более пятидесяти грубых грамматических и стилистических ошибок, частое изменение рода, орфографические ошибки с большим количеством англицизмов и т.д.”, имеются “неточности топографического характера” и др. [15. S. 566–567].

зрения”, в том числе и по вопросу о пропуске советских войск. «Поэтому сообщение из Таллина и Риги, которое распространилось по Бухаресту, о предполагаемом соглашении между Советами и Румынией о пропуске советских войск, – писал Крупка, – очень энергично было опровергнуто румынским министерством иностранных дел. Это произошло по требованию германского поверенного в делах, и министр иностранных дел Комнен его якобы заверил, что “подобное разрешение не могло быть дано, поскольку тогда Советы из Румынии уже не ушли бы» [9. Sv. II. S. 241–243]. В связи с угрозами со стороны Венгрии в случае непринятия ее требований начать военные действия против Чехословакии Румыния заявила 21–22 сентября о своей верности обязательствам, вытекающим для нее как члена Малой Антанты, и необходимости согласовывать свои действия с Югославией. При этом просматривалось явное намерение уклониться от прямого ответа и потянуть время в ожидания развития ситуации.

Стоядинович, согласно сообщению чехословацкого посла в Югославии Я. Липы от 24 сентября в МИД ЧСР, постоянно тянул с ответом на вопрос относительно реакции на венгерские угрозы и утверждал, что “не хочет брать на себя никаких обязательств, которые он не мог бы выполнить”. Он собирался встретиться с Комненом, чтобы согласовать совместную позицию. Югославский дипломат И. Андрич, по словам Липы, заявил, что Комнен, находившийся в Женеве, “решиительно отверг все сообщения о гарантиях румынской помощи нам (Чехословакии. – *В.М.*) и особенно о разрешении пропуска русских (войск. – *В.М.*)”. Вместе с тем, сообщения об объявленной в Чехословакии мобилизации, как сообщал Липа, “вызвало волнения во многих местах, в стране проводятся манифестации в нашу поддержку. Заявляют о себе тысячи добровольцев, которые хотят тайно переправиться в Румынию, а потом к нам. Они требуют, чтобы румыны разрешили их пропуск” [9. Sv. II. S. 382]. 26 сентября Крофта отправил в чехословацкие посольства в Румынии, Венгрии и Югославии инструкцию с просьбой подтвердить информацию, касающуюся румынского и югославского демарша перед венгерским правительством по вопросу о выполнении обязательств в отношении Чехословакии как члена Малой Антанты. В тот же день Липа телеграфировал в Прагу: “Югославия неформально обратила внимание Берлина, Будапешта и Рима на то, что у нее есть определенные обязательства в отношении ЧСР, имея в виду Венгрию. Комнен и Стоядинович договорились, что в случае чего (po pŕípadě) предпримут формальный демарш перед Будапештом. Здесь (в Югославии. – *В.М.*) ожидают ответа румынского правительства”. М. Кобр на запрос Крофты тоже 24 сентября ответил из Будапешта: “Сообщения о демарше послов Малой Антанты перед венгерским правительством не имеют под собой оснований”. 26 сентября Крупка сообщил из Бухареста о беседе с Комненом, содержание которой по сути свидетельствовало о желании Румынии остаться в стороне от конфликта Чехословакии с Германией [9. Sv. II. S. 399, 401–402, 404–405]. 1 октября М. Крупка после встречи с Комненом телеграфировал в Прагу, что румынское правительство обеспокоено опасным для дела мира польско-чехословацким конфликтом, что оно не может давать советы чехословацкому правительству, но просит его в интересах всей Европы и стран Центральной и Юго-Восточной Европы предотвратить конфликт. Комнен сожалеет, сообщал Крупка, что румынское правительство в истекшие недели не могло нам дать ничего кроме своей искренней дружбы [9. Sv. II. S. 476–477]. Мюнхенское соглашение положило конец Малой Антанте. После него правящие круги Румынии все более склонялись к тому, чтобы улучшить отношения с третьим рейхом, о чем свидетельствовало неофициальное посещение Германии

румьнским королем Каролем II в конце ноября 1938 г., где он тайно встречался с Гитлером и Герингом.

Оставленная европейскими “друзьями” Чехо-Словакия, так она стала именоваться после Мюнхена, оказалась один на один со своим главным тогдашним недругом, нацистской Германией. Участь малого государства, расположенного в центре Европы, фактически была предreshена. Английские и французские гарантии новых чехо-словацких границ остались лишь на бумаге (см.: [16. S. 88–109]). Существовала ли альтернатива решения, принятого ЧСР в конце сентября 1938 г.? Один из основных публикаторов сборника Й. Деймек пишет по этому поводу: “Решение Бенеша принять под угрозой развязывания войны мюнхенское соглашение современниками и многими историками и публицистами впоследствии подвергалось острой критике как, так сказать, единственный случай капитуляции... Если же проанализировать фактические позиции малых государств в международных отношениях XX века, станет ясно, что было лишь немного случаев, когда малая страна решилась бы на отпор агрессии со стороны великой державы, не имея по крайней мере косвенных международных гарантий со стороны другой державы. Бенеш (а с ним и часть чехословацкого генералитета) многократно предполагал, что Чехословакия в случае новой войны может стать некоей новой Сербией или Бельгией, сопротивление которых в 1914–1915 гг. могло продолжаться и после оккупации большей части их территорий. С отказом Франции (и, следовательно, СССР) от выполнения своих союзнических обязательств такая альтернатива исчезла”. Деймек проводит мысль о минимальных возможностях малых государств, соседствующих с тоталитарными державами. “В водовороте великодержавной политики, – считает он, – Мюнхен предстает не только как крах чехословацкой государственной идеи или же продукт личных сомнений второго президента Чехословацкой республики, а более как общая проблема существования малых государств в Европе и, конечно, в других частях света, если эти страны становятся объектом своеволия сильнейших соседей” [8. S. 32, 37, 39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.
2. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 – август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.
3. Документы внешней политики СССР. М., 1977.
4. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1978.
5. Документы по истории мюнхенского сговора. 1937–1939 гг. М., 1979.
6. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981.
7. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М., 1990.
8. Mnichovská dohoda. Cesta k destrukci demokracie v Evropě. Praha, 2004.
9. Československá zahraniční politika v roce 1938. Praha, 2000; Sv. I (1 leden – 30 červen 1938). Praha, 2001. Československá zahraniční politika v roce 1938. Sv. II (1 červenec – 5 říjen 1938).
10. Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, 1947.
11. Крап В. План Зет. М., 1978.
12. Šrámek P. Odhodlání versus lojalita. Náznaky a postoje velení československé armády v roce 1938 // Soudobé dějiny. 2004. № 1–2.
13. Дипломатический словарь. М., 1985. Т. 1.
14. Pfaff J. Sovětská zrada 1938. Praha, 1993; Pfaff J. Die Sowjetunion und die Verteidigung der Tschechoslowakei 1934–1938: Versudit der Revision einer Legende. Köln/R. 1996.
15. Hauner M. Zrada, sovětizace, nebo historický lapsus? Ke kritice dvou dokumentů k československo-sovětským vztahům z roku 1938 // Soudobé dějiny. 1999. № 4.
16. Smetana V. Zatracené závazky. Britové, Francouzi a problém garance pomnichovského Československa // Soudobé dějiny. 2004. № 1–2.

© 2006 г. С. В. МОРОЗОВ

ПОЛЬША И ЧЕХОСЛОВАКИЯ В ДНИ МАЙСКОГО КРИЗИСА 1938 ГОДА

В последнее время многие польские историки усиленно пытаются поднимать на щит так называемую политику равновесия или равноудаленности Варшавы от Берлина и Москвы, которую проводил в предвоенный период режим “санации” Ю. Пилсудского. В частности, ее стремятся представить лишь в качестве “одной из гарантий безопасности” Польши [1. С. 36]. В качестве одного из наиболее активных представителей политики равновесия выступал министр иностранных дел Ю. Бек, вся деятельность которого в течение второй половины 1935 – марта 1939 г. была посвящена созданию так называемого “нейтрального блока” с установлением общей польско-венгерской границы (см.: [2]), что планировалось произвести за счет “расчленения Чехословакии” [3. С. 348]. Наиболее ярко и наглядно эта политика польской дипломатии проявилась осенью 1938 г., когда у ЧСР была отчуждена Тешенская Силезия¹. Весной же 1938 г. имел место так называемый “майский” германо-чехословацкий кризис, когда Польша хотела, однако не решилась выступить против Чехословакии на стороне Германии.

Советский полпред в Праге С. Александровский сообщал в НКВД 16 мая 1938 г., что, “хотя внешне польская печать за последнее время несколько смягчила свою античехословацкую кампанию”, вопрос польско-чехословацких взаимоотношений приобрел особую остроту. Он считал, что это было связано с деятельностью Бека, усиленно агитировавшего за прямой раздел Чехословакии, “в результате которого должно наступить как бы успокоение в Средней Европе”. Венгрия бы получила Словакию и отказалась от претензий на Трансильванию, а поскольку у нее не было серьезных споров с Югославией, то это, по его мнению, создало бы солидную основу для упразднения Малой Антанты и организации так называемого “нейтрального блока”. В его состав вошли бы Венгрия, Югославия, Румыния, опираясь, с одной стороны, на Италию, а с другой – на Польшу. Он “представлял бы собой такой барьер против гитлеровской экспансии, который бы позволил и Польше смелее смотреть в глаза Гитлеру”. Советский дипломат делал вполне уместный вывод: “Этим путем Бек хотел бы забежать вперед событиям и подготовить Польшу к тому моменту, когда Гитлер захочет вернуться к отложенным, но вовсе не упраздненным спорным вопросам

Морозов Станислав Вацлавович – канд. ист. наук, докторант истфака МГУ.

¹ В правописании этого термина автор ориентировался на западноевропейскую историографию (от немецкого Teschen).

между Польшей и Германией, вроде того же Данцигского коридора или судеб Познани и Силезии” [4. С. 270–271].

Другими словами, Александровский верно определил, что “нейтральный интермариум”, от Балтики до Черного моря, был необходим Беку для того, чтобы сразиться с Гитлером за Гданьск и западные польские границы, и что ради этого он готов принести в жертву Чехословакию. Его решительный настрой и нетерпение взять реванш у Праги за события 1919–1920 гг.² настолько бросались в глаза, что это даже вызывало реакцию со стороны западных дипломатов. В середине мая глава французского МИД Ж. Боннэ дал аудиенцию польскому послу Ю. Лукасевичу и выразил свою обеспокоенность в связи с античехословацкой политикой Польши. Он высказал предостережение, что если Чехословакия исчезнет с политической карты Европы, то Париж не сможет оказать Варшаве военной помощи в случае польско-германского конфликта [5. S. 255; 6. S. 163]. 18 мая английский посол Г.В. Кеннард рекомендовал Беку попридержаться деятельности античехословацких элементов в Польше, однако его слова встретили прохладную реакцию со стороны польского министра [7. P. 315–316].

Все более убеждаясь в нежелании Германии и Польши развивать мирные отношения, чехословацкое руководство стало учитывать возможность немирного развития событий. Поскольку конфликт с кем-то из соседей мог привести к войне и тогда потребовалась бы максимальная концентрация власти, Бенеш стал рассматривать возможность расширения полномочий президента. С этой целью он пригласил “отца чехословацкой конституции” адвоката Боучека, который “получил от него задание вновь проштудировать смысл и букву (особенно букву) чехословацкой конституции с точки зрения возможности легализации прямой диктатуры президента республики”. Как сообщал полпред Александровский 16 мая со ссылкой на беседы во многих кругах, Бенеш мог организовать и возглавить “драку за чехословацкую независимость” [4. С. 270]. И это было еще не все.

В условиях более чем недоброжелательного отношения со стороны Бека к ЧСР, чехословацкий президент определенные надежды возлагал на сотрудничество с СССР. Хотя чехословацкая сторона не спешила согласовывать с Генеральным штабом РККА план конкретных действий на случай вооруженного конфликта с Германией, военное сотрудничество с СССР имело достаточно активный характер. Агентурные источники польской военной разведки отмечали, что с января 1938 г. в министерство национальной обороны Чехословакии прибывали советские офицеры-советники. Только в мае их прибыло 48 человек, в том числе в Моравскую Оставу и Нитру³. Наряду с этим имелись сообщения о регулярных перелетах на чехословацкую территорию советских военных самолетов. Например, в донесении от 9 мая 1938 г. сообщалось, что “с 1 по 26 апреля перелетело 46 трехмоторных бомбардировщиков”. В донесении от 31 мая 1938 г., была помещена информация: “На ужгородском аэродроме быстрыми темпами складировают бензин. Заполнены оба подземных резервуара, а также 200 бочек прямо на земле” [8. Д. 425. Л. 176, 196]. Информация о советской помощи для ЧСР в этот период находит подтверждение и в других источниках. Например, в

² Богатый углем и промышленно развитый район Тешенская Силезия, на который претендовали и поляки, и чехи, по решению Совета послов от 28 июля 1920 г. был передан Чехословакии.

³ Донесение источника “Ральф” [8. Д. 426. Л. 13–19].

беседе с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным 26 марта 1938 г. чехословацкий посланник З. Фирлингер от имени правительства благодарил его “за скорое разрешение продать Чехословакии добавочных 20 самолетов” [4. С. 158]. Ускоренными темпами шло строительство через Румынию так называемой буковинской железной дороги, которая должна была соединить Советскую Украину с Чехословакией [9. Ф. 4459. Оп. 28 / 2. Д. 333. С. 77].

Негласная поддержка со стороны Москвы, несомненно, вселяла в чехословацкого президента веру в торжество добра над злом, солидарность славянских народов. Но будущее ЧСР он все же связывал с Западом. 18 мая 1938 г. он сделал британскому посланнику Б. Ньютону следующее заявление, которое тот передал в Форин офис: “Отношения Чехословакии с Россией всегда были и будут второстепенным фактором, зависящим от позиции Франции и Англии. Нынешние связи Чехословакии с Россией зависят исключительно от франко-российского договора, но если Западная Европа перестанет быть заинтересованной в России, Чехословакия также утратит интерес к ней. Его страна... всегда будет следовать за Западной Европой и будет связана с ней и никогда – с Восточной Европой” [10. С. 205].

Убежденность в правильности его расчетов мешала Бенешу реально оценивать международную ситуацию, особенно отношения ЧСР с Германией. Так 18 мая он заявил Александровскому: “Германия в данное время не только не может, но и не хочет произвести прямого нападения на Чехословакию или на кого бы-то ни было другого в Средней Европе” [4. С. 715]. А через день после этого разговора разразился так называемый майский германо-чехословацкий кризис: активисты судето-немецкой партии Генлейна прервали переговоры с правительством и подняли путч на границе. После его провала, 20 мая 1938 г. министр иностранных дел третьего рейха И. фон Риббентроп вызвал чехословацкого посланника В. Мاستного и заявил ему, что для защиты судетских немцев, которые якобы подвергаются нападениям, Германия может сосредоточить свои войска, которые будут передвинуты “с быстротой молнии” [11. Ser. D. Vol. II. P. 298–299]. Посол Н. Гендерсон телеграфировал из Берлина в Лондон, что германские войска стягиваются к чехословацкой границе [12. С. 627].

После долгих и тяжелых консультаций Бенеша с министрами и руководителями политических партий, длившихся с половины пятого до девяти часов вечера 20 мая, было принято решение, не проводя полной мобилизации, призвать резервистов одного года, т.е. примерно 170 тыс. человек и направить войска в пограничные укрепления [13. S. 83]. 21 мая началась и быстро была завершена частичная мобилизация чехословацкой армии. Главнокомандующий вермахтом В. фон Браухич заявил на совещании в Генеральном штабе, “что Германия не в силах нанести поражение Чехословакии, даже если война будет вестись один на один, так как по всем видам оружия чехи превосходят рейх” [14. С. 492].

В директиве Гитлера от 20 мая высказывалось предположение, что в случае нападения Германии на Чехословакию следует рассчитывать на участие в войне на стороне рейха Польши и Венгрии. В ней же речь шла о том, что вооруженное столкновение с ЧСР в ближайшее время не произойдет [15. S. 419]. Тем не менее, германское руководство спешно подтягивало войска к границе. Британское правительство сочло необходимым предупредить Берлин, что дальнейшая концентрация войск у границы Чехословакии неминуемо вызовет мобилизацию вооруженных сил Франции, а тогда и Великобритании не удастся более остаться

в стороне. Гитлеровцы были вынуждены отступить. 26 мая партия Генлейна возобновила переговоры с чехословацким правительством [12. С. 628–629].

Во время “майского” кризиса нацистским руководством был запущен “пробный шар” в сторону Польши. 21 мая состоялась беседа Геринга с польским послом Ю. Липским. Прусский премьер предложил польскому правительству совместно с Германией и Венгрией объявить Чехословакии экономический бойкот. Липский пообещал посоветоваться с Бекем. Польское руководство лишь ожидало удобного момента для своего более активного участия в майском германо-чехословацком противостоянии. Начиная с середины мая польские войска начали сосредотачиваться на границе с ЧСР, были прекращены приграничные контакты и проезд туристов [16. С. 413–414]. Глава польского МИД решил было уже отложить свой визит в Стокгольм, но 22 мая его посетили французский посол Л. Ноэль и английский – Г.В. Кеннард. Последний в деликатной форме предостерег польское правительство от вмешательства в выяснение отношений Праги с Берлином [7. Р. 351; 15. S. 409]. Несмотря на желание поквитаться с чехами, Бек счел за благо не испытывать судьбу и решил не откладывать запланированный визит, чтобы ни у кого не возникло впечатление, что Польша “что-то комбинирует с Германией” [15. S. 410–411; 17. S. 410–411].

Составив соответствующую инструкцию для зарубежных дипломатических учреждений и внушив на вокзале своему заместителю Я. Шембеку мысль о недопустимости проведения каких-либо польских демаршей в Берлине⁴, Бек 23 мая отбыл в Стокгольм. В инструкции, полученной в Париже Лукасевичем, среди прочего говорилось, что прекращение античехословацкой кампании в Польше невозможно “до тех пор, пока чехословацкое правительство будет относиться к польскому меньшинству нынешним образом”⁵.

Устный инструктаж, сделанный Бекем перед отъездом за рубеж, пригодился Шембеку в тот же день. 23 мая лондонская “*Ivning Standart*” поместила статью известного английского публициста Авгур⁶, утверждавшего, что 20 мая министр Бек заявил германскому послу Г. Мольтке, что если Великобритания и Франция выступают в защиту Чехословакии, то Польша присоединится к ним. Поскольку на самом деле встречи не было, то польское руководство решило использовать эту статью для демонстрации лояльности Берлину. В тот же день Шембек поручил польскому посольству в Лондоне опровергнуть эту информацию, что и было сделано [17. S. 312]. 24 мая в выступлении по радио депутата Я. Валевского было заявлено о неизменности политики польского правительства в отношении ЧСР [5. S. 256].

Свое недовольство в связи с упущенной возможностью “задать трепку” чехам польское правительство пыталось компенсировать несколькими путями. В кризисные дни польские дипломаты распространяли слух о том, что, если Красная Армия попытается на пути в Чехословакию перейти польскую границу,

---

⁴ 21 мая Боннэ горячо убеждал Лукасевича заявить Берлину протест в связи с германо-чехословацким противостоянием, при этом сам он от подобного шага воздержался [15. S. 409].

⁵ Было выдвинуто требование равных прав для польского населения Тешенской Силезии, таких же какие могли быть предоставлены немецкому и венгерскому меньшинствам [18].

⁶ Под этим псевдонимом выступал русский эмигрант Владимир Поляков, сын крупного финансового дельца России Лазаря Полякова, нажившего железнодорожными подрядами и банковскими аферами при Александре III и Николае II огромное состояние и чин тайного советника [19].

Польша немедленно объявит Советскому Союзу войну [20. S. 336]. Бек поручил потребовать у Праги объяснений в связи с передвижениями чехословацких войск вдоль польской границы [21. S. 623]. Директор Политического департамента МИД Т. Кобылянский устроил выволочку чехословацкому посланнику Ю. Славику, заявив ему, что Чехословакия не имела никаких оснований для проведения мобилизации, вызвавшей обеспокоенность соседей [5. S. 256; 6. S. 174–178].

Тем не менее, то обстоятельство, что Польше не удалось поучаствовать в майском кризисе, послужило для нее своеобразным опытом и потребовало некоего осмысления. После майских событий в резиденции президента, в варшавском Замке прошли два совещания, посвященные разработке политики в отношении Чехословакии с учетом этого опыта. По мнению Бека, ситуация могла развиваться двумя путями, в зависимости от того, окажут или не окажут помощь Праге западные державы и Советский Союз в случае германо-чехословацкого конфликта. Если бы Бенеш остался один, то Польша получала возможность реализовать свои “чехословацкие планы”, используя Германию. Если же возникал многосторонний вооруженный конфликт, то Варшава должна была в течение 24 часов изменить свой прогерманский курс на 180 градусов, т.е. выступить против Гитлера. В результате в конце мая польские дипломатические учреждения получили инструкцию – всем политикам (за исключением германских), интересующимся польско-чехословацкими отношениями, надлежало отвечать: “Мы не имеем намерений вредить чехам, но и не чувствуем себя обязанными проявлять излишнее усердие, помогая им” [15. S. 417; 22. P. 156].

Майский кризис обнажил замыслы польского правительства – оно было готово принять в нем участие и не только в рамках экономического бойкота совместно с Венгрией, о котором осведомлялся Геринг. Для того, чтобы поумерить воинственный настрой Бека понадобилось произвести совместный дипломатический англо-французский демарш. Западные державы были настроены действовать в русле лондонских договоренностей 28–30 апреля 1938 г., подразумевавших бесконфликтную ревизию германо-чехословацкой границы. Более того, по дипломатическим каналам они дали понять польскому руководству об их согласии учесть интересы польского меньшинства в Тешенской Силезии.

Таким образом, события связанные с майским германо-чехословацким кризисом 1938 г., в особенности демарши французского и английского послов в Варшаве с целью не допустить в него вмешательства Польши, зафиксированные в официальных изданиях дипломатических документов и польской исторической литературе, ставят под вопрос так называемую политику равноудаленности Польши.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дурачински Э.* Польская историография новейшей истории // Новая и новейшая история. 2002. № 3.
2. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой “равноудаленности” министра Ю. Бека. М., 2004.
3. *Batowski H.* Między dwiema wojnami. 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej. Kraków, 1988.
4. Документы внешней политики СССР. М., 1971. Т. XXI.
5. *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932–1938. Poznań, 1964.
6. *Stanisławska S.* Wielka i mała polityka Józefa Becka (marzec – maj 1938). Warszawa, 1962.
7. Documents on British Foreign Policy. London, 1949. Ser. III. Vol. I.

8. Российский государственный военный архив. Ф. 308к. Оп. 3.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. *Овсяный И.Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1971.
11. Documents on German Foreign Policy. London, 1950.
12. История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. III.
13. *Beneš E.* Paměti. Mnichovské dny. Praha, 1947.
14. Внешняя политика Чехословакии. М., 1959.
15. *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933–1938. Poznań, 1965.
16. *Кизченко А.Ф.* Внешняя политика Чехословакии накануне второй мировой войны (май 1935 г. – март 1939 г.) / Дисс. ... д-ра ист. наук. Киев, 1972.
17. *Szembek J.* Journal 1933–1939. Paris, 1952.
18. *Łukasiewicz J.* Sprawa czechoslowacka w 1938 r. na tle stosunków polsko-francuskich // Sprawy międzynarodowe. Londyn, 1948. № 2–3.
19. *Evening Standard.* 1938. 23.05.
20. *Král V.* Spojenectví československo-sovetské v evropské politice 1935–1939. Praha, 1970.
21. Polityka Narodów. 1938. Т. 11.
22. *Beck J.* Final Report. New York, 1957.

© 2006 г. А. П. САЛЬКОВ

УРЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСИЛЬВАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СССР (1945–1947 годы)

Трансильванский фактор европейской политики активно использовался в международных отношениях начального периода Второй мировой войны (см. подробнее: [1. С. 279–319; 2. С. 71–82]). Результаты второго Венского арбитража 30 августа 1940 г. о переходе Северной Трансильвании от Румынии к Венгрии оказали долговременное влияние на советскую внешнюю политику (см. подробнее: [3. С. 60–66]). Берлин использовал проблему края для нажима на своих сателлитов – Румынию, не потерявшую надежды на возвращение Северной Трансильвании, и Венгрию, претендовавшую на всю трансильванскую территорию [4. С. 170–195]. После нападения Германии на СССР либеральная румынская и венгерская оппозиция искали пути разрыва с “осью” в интересах обладания Трансильванией [5. С. 64–77]. Страны антигитлеровской коалиции, в первую очередь СССР, широко задействовали трансильванский фактор в планировании послевоенной Европы [6. С. 11–18]. Государственный переворот 23 августа 1944 г. вывел Румынию из войны на стороне “оси”, а 12 сентября она заключила соглашение о перемирии. Его условия включали пункт о возвращении провинции (полностью или значительной ее части) Румынии. Это оказалось в центре дипломатической борьбы союзников. СССР, исходя из своих геополитических и идеологических интересов, активно вмешался во внутренние дела Румынии, сочетая методы политического компромисса и силового давления. 6 марта 1945 г. было сформировано подконтрольное коммунистам правительство П. Грозы, под юрисдикцию которого была передана Северная Трансильвания [7. С. 80–91].

В Венгрии это решение не воспринимали как окончательное. Начальник VII Управления ГлавПУ РККА М.И. Бурцев сообщал 23 мая 1945 г. заведующему Отделом международной информации (ОМИ) ЦК ВКП(б) Г. Димитрову о всеобщем в этой стране мнении о том, что вопрос о Северной Трансильвании, как невыполнимый, должен быть “пересмотрен со временем в пользу Венгрии” [8. Ф. 17. Оп. 128. Д. 38. Л. 15–16]. Представитель Венгерской коммунистической партии (ВКП) в Москве В. Гай в письме Димитрову сообщал 18 мая о беседе с выдающимся венгерским биохимиком, Нобелевским лауреатом (1937) А. Сент-Дьёрдьи, который считал, что в Трансильвании “румыно-венгерское равноправие существует только на бумаге” [9. Док. 86. С. 394]. Генеральный се-

---

Сальков Анатолий Петрович – канд. ист. наук, зав. кафедрой истории южных и западных славян Белорусского государственного университета.

кретарь ВКП М. Ракоши, выступая 23 июня в ОМИ, оценил трансильванский вопрос как “очень болезненный”, так как “Румыния была вассалом Гитлера, и все-таки получила те территории, где живет более 1 млн венгров”, но он вынужден был в то же время отметить: “мы пока этот вопрос не ставим” [10. Док. 80. С. 312]. Военный министр Румынии К. Василиу-Рэшкану на встрече в Москве 27 июня с первым заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским жаловался на шовинизм мадьяр в крае, их нежелание признавать румынскую власть, случаи изгнания исполнительных органов, учителей [11. Док. 64. С. 151].

На Потсдамской конференции по предложению президента США Г. Трумэна был учрежден Совет в составе министров иностранных дел (СМИД) стран – постоянных членов Совета Безопасности ООН. На СМИД возлагалась задача составления мирных договоров с бывшими союзниками Германии и выработки “предложений по урегулированию неразрешенных территориальных вопросов, встающих в связи с окончанием войны в Европе” [12. Док. 3. С. 44; Прилож. к док. 32. С. 306]. Материалы советской внешней разведки, полученные агентурным путем накануне конференции, объясняли состав СМИД. США нашли в нем “наиболее удобный способ для избежания претензий со стороны других стран, например, со стороны Украины и Белоруссии, в отношении участия их в составлении мирных договоров” [13. Док. 81. С. 656–657]. В циркуляре наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова во все советские миссии за рубежом от 5 августа 1945 г. указывалось на разные подходы Запада в Потсдаме к урегулированию отношений с Италией и сателлитами, оказавшимися в советской зоне влияния [14. Док. 27. С. 200–201]. Вместе с тем, еще “Процентное соглашение” И.В. Сталина и У. Черчилля (октябрь 1944 г.) санкционировало аналогичное влияние и в Румынии, и в Венгрии, хотя и не в одинаковой степени [15. Док. 161. С. 420–423; Док. 162. С. 429–434]. Это было зафиксировано и в Соглашениях о перемирии с обеими странами. Таким образом, подготовка к I сессии СМИД обозначила новый этап в трансильванском споре. Западные страны не признавали правительство Румынии, с которой СССР восстановил 6 августа дипломатические отношения. Венгрия же, имея поддержку Запада и признанное им правительство, попыталась добиться изменения венгеро-румынской границы на основе этнического принципа.

В Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова) были разработаны Основные положения проектов мирных договоров с Румынией и Венгрией. В Объяснительной записке заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова к первому из этих проектов (17 августа 1945 г.) указывалось, что восстанавливается граница, существовавшая до второго Венского арбитража – “в соответствии с условиями перемирия и англо-советским соглашением об установлении румынской администрации в Трансильвании”. В аналогичной записке к венгерскому проекту (1 сентября) сообщалось, что “в основном предполагается” оставить границы Венгрии по линии Трианонского мирного договора 1920 г. Говоря о намерении передать Румынии всю Трансильванию, Литвинов предупреждал: “Надо ожидать предложения со стороны Англии и США об оставлении за Венгрией некоторой части Трансильвании, причем ссылки будут делаться, вероятно, этнического характера”. Дальнейший пассаж Литвинова содержал конспективное изложение советской позиции: “Какое же может быть основание для территориального награждения Венгрии после ее вторичного вступления в войну на стороне агрессивных стран. Кроме того, какое бы то ни было деление Тран-

силывании означало бы некоторое подтверждение Венского арбитража, в ходе которого делались те же ссылки на этнографию и на восстановление справедливости". Вместе с тем он напомнил, что после Первой мировой войны ни с одной побежденной страной не обошлись так сурово, как с Венгрией, что необходимо учитывать при обсуждении "дальнейших территориальных претензий (к тому же мало обоснованных) со стороны соседей Венгрии" [16. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 7. Д. 41. Л. 4–7; Д. 43. Л. 1, 4].

В подготовительных материалах советской делегации к I сессии СМВД (Лондон, 11 сентября – 2 октября 1945 г.) признавалась необходимость создания комиссии экспертов для изучения румыно-венгерской границы (британское предложение). Было решено отстаивать в комиссии "этнографический принцип с учетом недопустимости создания при определении границ Трансильвании, какой бы то ни было чересполосицы (внутренних границ)". Заведующий Отделом балканских стран (ОБС) НКВД СССР А.А. Лаврищев разработал обоснования для передачи Румынии именно всей Трансильвании: преобладание румын в составе населения; размещение в Трансильвании румынской индустрии; ликвидация Венского арбитража; первенство Румынии в разрыве с Германией и вклад в освобождение края [10. Док. 83 и примеч. 1, 3. С. 318–319]. В справке ОБС были подготовлены контраргументы на историческую аргументацию Венгрии, в том числе цитаты из прорумынских заявлений председателя Парижской мирной конференции 1919 г. А. Мильерана и президента США В. Вильсона, относящихся к 1918–1919 гг.; статистика о преобладании румынского этноса в крае; признание в мемуарах лидера венгерского освободительного движения XIX в. Л. Кошута румынского характера населения Трансильвании, на основе чего была выработана "линия Кошута", в основном совпадавшая с трианонской границей [10. Док. 84. С. 319–320].

Советская делегация в СМВД представила 11–12 сентября 1945 г. предложения по мирным договорам с Румынией и Венгрией, в соответствии с которыми предполагалось, "имея в виду содействие Румынии делу союзников в войне против Германии, включить в мирный Договор статью о передаче Румынии всей Трансильвании" [16. Ф. 077. Оп. 25. П. 114. Д. 23. Л. 76; 10. Док. 82. С. 318]. Англия и США внесли ответные предложения по договору с Румынией. Английский меморандум от 17 сентября гласил, что вопрос о том, "должна ли быть вся Трансильвания возвращена Румынии, не может быть решен лишь на основе поведения Румынии в войне". Важно установить границу, которая являлась бы "справедливой сама по себе". Проект США от 19 сентября настаивал о переходе всего края или большей его части к Румынии "после рассмотрения соответствующих притязаний обоих государств" [16. Ф. 0431/І. Оп. 1. П. 7. Д. 41. Л. 20, 22, 34; Д. 43. Л. 43, 46; 10. Док. 82 и примеч. 1. С. 317–318; Примеч. 1–2 к док. 86. С. 328–329].

На заседании 20 сентября Молотов утрированно легко подошел к проблеме. Напомнив о решениях, принятых после Первой мировой войны, и необходимости отменить Венский арбитраж, он предложил вернуть всю Северную Трансильванию Румынии, подчеркнув: "Это настолько ясный вопрос, что, я думаю, мы могли бы его решить без задержки". Однако министры иностранных дел Англии и Франции Э. Бевин и Ж. Бидо предложили установить "какую-нибудь справедливую границу", оставив наименьшее количество румын в Венгрии, а венгров – в Румынии и гарантировав права меньшинств. Тут-то Молотов и использовал заготовки со ссылками на Мильерана и Вильсона. Госсекретарь

Д. Бирнс отпарировал, что к моменту написания письма Мильерана к венгерской делегации на Парижской мирной конференции 1919 г., в котором речь шла о несправедливости тысячелетнего владения Венгрией Трансильванией, США имели на конференции только наблюдателя и потому не связаны ее решениями. Бирнс предложил “сделать маленькие исправления в линии границы, чтобы не оставить население под чужой властью”, так как “Соединенным Штатам было бы приятно... оставить наименьшее количество венгров на румынской территории”. Исправления Бирнса касались лишь 3 тыс. кв. миль (7.6% площади Северной Трансильвании) с мадьярским большинством [16. Ф. 0431/Л. Оп. 1. П. 7. Д. 41. Л. 33; Д. 43. Л. 54–55, 68; 10. Док. 86 и примеч. 6. С. 325–327, 330]. В результате обоюдной неуступчивости с 22 сентября СМИД вообще прекратил обсуждение мирных договоров.

Дальнейшая дискуссия с острыми пикировками Молотова и Бирнса перешла к обсуждению состава румынского правительства и возможности заключения с ним мирного договора. Молотов 30 сентября предлагал дождаться выборов, которые “будут организованы лучше, чем в Греции, и не хуже, чем в Венгрии”, и образования нового кабинета. Бирнс считал, что выборы не могут быть свободными при данном правительстве, и настаивал на изменении его состава. Два дипломата еще не раз вели дискуссии о том, “что такое демократия вообще и демократия в Болгарии и Румынии в частности” [17. Док. 9. С. 28; Док. 21. С. 52–53; Док. 51. С. 124]. Лондонская сессия, нарушившая как заложенную в Потсдаме процедуру работы СМИД, так и собственное решение об “иерархическом” принципе участия в обсуждении мирных договоров, завершилась безрезультатно [18. С. 63–83]. Трансильванский вопрос остался открытым до Парижской мирной конференции 1946 г. (ПМК), что побудило в Венгрии особые надежды.

Точка зрения Будапешта по трансильванскому вопросу была изложена в письмах министра иностранных дел Венгрии Я. Дьёндьёши советскому посланнику Г.М. Пушкину. В конце сентября 1945 г. министр предлагал “территориальное переустройство... и установление новых государственных границ на основе этнографического принципа и учета воли заинтересованного населения”. Содержание письма было расценено Пушкиным как постановка вопроса “о ревизии границ, хотя и в общей и завуалированной форме”. В двух новых письмах Дьёндьёши начала 1946 г. Пушкин вновь усмотрел лишь идею ревизионизма, прикрытую критикой Трианона [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 1–2].

Важную роль в политической жизни Румынии продолжал играть Вышинский, курировавший румынское направление советской внешней политики. 15 ноября он принял румынского посла в Москве Й. Иордана. Посол заявил об активной деятельности Будапешта “за полное присоединение Трансильвании к Венгрии” и просил перевести конфликт в русло румыно-венгерских переговоров. В дневнике Вышинский сделал ряд выводов из румынского демарша: в нем кроется опасность осложнить в будущем вопрос о Трансильвании; венгры сделали ставку на англо-американцев, которые “в восторге” от парламентских выборов 4 ноября в Венгрии, завершившихся убедительной победой Партии мелких сельских хозяев (ПМСХ); Румыния, в свою очередь, чувствует неуверенность из-за своего международного положения, поскольку ее правительство не признано западными державами [19. Док. 114. С. 305–307]. Димитров также пытался оставаться в курсе дел. Лаврицев 9 октября информировал его о решениях Лондонской сессии СМИД по вопросу о Румынии. На приеме у Молотова 31 октября Димитров обсуждал положение на Балканах [20. С. 273, 276].

Румыния по-прежнему всецело полагалась на СССР. Лаврищев принял 21 ноября 1945 г. советника румынского посольства Бабеша, который считал, что сформированное в Венгрии по итогам выборов 4 ноября новое правительство будет при поддержке Запада добиваться на мирной конференции передачи Венгрии какой-то части края. Именно поэтому Дьёндьёши в сентябре уклонился от встречи с Грозой, предложив провести ее после конференции. На встрече Лаврищева с Иорданом 27 ноября тот получил ответ на вопрос о Трансильвании, поставленный им перед Вышинским 15 ноября. Москва “придерживается в трансильванском вопросе благоприятной для Румынии точки зрения”, но от посредничества уклоняется, так как для этого “не имеется условий”, и она “не считает удобным взять на себя инициативу” [10. Док. 91–92. С. 350–351].

Трансильванский фактор был важным элементом правительственного кризиса августа 1945 г. – января 1946 г. в Румынии, известного как “королевская забастовка”, вызванного отказом Запада признать кабинет П. Грозы как не соответствующий ялтинским договоренностям о демократическом характере правительств бывших сателлитов Германии. Обстоятельства кризиса заставили и лидера оппозиционной национал-царанистской партии (НЦП) Ю. Маниу, и главу коалиционного правительства П. Грозу корректировать свои позиции. Маниу, понимая влияние Грозы, стал предлагать ему варианты своего вхождения в правительство. Гроза ответил, что для этого Маниу следует сначала добиться у Запада “признания Трансильвании румынской территорией”. Это было принято Маниу всерьез, и его заместитель по партии М. Попович обращался к западным представителям за уточнением их позиции [19. Док. 119. С. 321; 11. Док. 83. С. 178]. Этот сюжет нашел отражение и в сообщении заместителя председателя СКК генерал-полковника И.З. Сусайкова Вышинскому 12 декабря, в котором подтверждалось, что “с Маниу, ни при каких условиях не может быть примирения”. В позиции П. Грозы также отмечались новые настроения – открытое недовольство тем, что Румынии все еще не разрешено выставить охрану на советско-румынской границе и смешанные посты на румыно-венгерской. Вопрос об этом он грозился поставить через посольство перед Сталиным [11. Док. 85. С. 187; 19. Док. 119. С. 322].

16–26 декабря 1945 г. в Москве состоялось Совещание министров иностранных дел СССР, Англии и США. Накануне Иордан просил Лаврищева информировать его о ходе обсуждения румынских дел. В ОБС была подготовлена обширная справка о Трансильвании (от 20 декабря), выводы которой обосновывали передачу Румынии всей провинции: 1). Географически и исторически Трансильвания есть единое целое; 2). Ее промышленность получила развитие в 1920–1930-е годы, поэтому теснее связана с экономикой Румынии, а не Венгрии; 3). Этническая картина края подтверждает трианонскую границу как наиболее справедливую; 4). Правительство Грозы дало равные права всему населению края. “Венгерский народный союз”, представляющий мадьярское меньшинство, также выступил против раздела провинции и обмена населением, что оторвало бы собственника от земли [10. Док. 95. С. 360–361; 11. Док. 86. С. 188]. Совещание завершилось компромиссом. Получив согласие Москвы на введение в румынское правительство двух представителей “исторических партий”, Запад пошел на уступку в трансильванском вопросе, перестав с прежней настойчивостью выступать за корректировку границ по этническому принципу. Есть все основания присоединиться к мнению, что причина этой уступчивости крылась в некотором разочаровании новым венгерским правительством, в котором, во-

преки победе ПМСХ на выборах, левые силы сохранили ведущие позиции [21. С. 411]. На совещании была создана Межсоюзная комиссия для реализации решения по Румынии (А.Я. Вышинский, В. Гарриман, А. Керр). В составе этой комиссии Вышинский в январе 1946 г. нанес свой третий визит в Бухарест. После политических маневров он обеспечил выполнение московского решения, не нарушая баланса сил, путем включения в кабинет малозначительных фигур. В феврале 1946 г. США и Англия признали правительство Румынии [22; 23; 11. Док. 89–108. С. 190–221; Док. 110. С. 227–228].

Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директивы о мирном договоре с Румынией (7 января 1946 г.) и Венгрией (21 марта) [24. С. 414, 422]. Советской делегации на ПМК предписывалось настаивать на передаче Румынии всей Трансильвании [19. Док. 138. С. 392]. В Бухаресте испытывали сильное волнение о судьбе края, чему была посвящена 9 января беседа Вышинского с министром иностранных дел Г. Татареску, который опасался, что англо-американцы “в трансильванском вопросе будут всемерно поддерживать Венгрию против Румынии”. Вышинский заверил его, что в позиции Москвы нет никаких изменений [10. Док. 97. С. 364]. Опасения Татареску не были напрасными. По сообщению Пушкина, западные дипломаты подталкивали венгров на постановку вопроса о ревизии границ, обещая выступить на ПМК против оставления всей Трансильвании в составе Румынии. Представитель США в Венгрии генерал У. Кий заявил венгерскому премьер-министру З. Тильди о поддержке идеи плебисцита в Северной Трансильвании. Англичане сообщили Дьёндьёши, что они не будут возражать, если Венгрия поставит вопрос о возвращении ей пограничных городов Арад, Сату-Маре и Орадеа-Маре, подбивая венгерского министра на открытое выступление [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 8–9]. Вместе с тем, уже в феврале Форин офис решил ослабить сопротивление. Англичане даже пришли к убеждению “в нежелательности какого-либо изменения венгеро-румынских границ” [25. С. 32].

Первый заместитель председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел В.М. Молотов и секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков имели 2 апреля 1946 г. беседу с генсеком ЦК КППР Г. Георгиу-Дежем и секретарем ЦК Т. Джорджеску, приехавшими обсудить подготовку парламентских выборов. Выяснилось, что по трансильванскому вопросу у партий Национально-демократического фронта (НДФ) расхождений не имеется. Молотова и Маленкова интересовало якобы данное Грозой согласие передать часть Северной Трансильвании Венгрии. Им пояснили, что в ходе декады венгерского искусства в Бухаресте венгерские артисты поставили этот вопрос перед Грозой. После этого в беседе с Георгиу-Дежем он высказался о возможности предоставления краю административной автономии [10. Док. 101. С. 368; Док. 104. С. 375].

Между тем, активизировалась работа по выработке мирного договора с Венгрией, в связи с чем в стране была создана целая система инстанций по подготовке к ПМК. В справке “О подготовке Венгрии к мирному договору” от 19 февраля 1946 г. Пушкин сообщал, что в МИД образован специальный отдел во главе с посланником И. Кертесом, в каждом министерстве – специальные комиссии, а в Институте им. Пала Телеки под руководством историка проф. Д. Кошари готовились карты и статистические материалы. Как считал Пушкин, вся работа шла по трем направлениям: 1). Оправдание Венгрии, которая “участвовала в войне против союзников не больше, чем Чехословакия и Румыния” (эти страны выбраны не случайно: с ними у Венгрии будут основные территориаль-

ные споры). 2). Разработка территориальных вопросов и проблемы положения венгерского меньшинства в соседних странах. Понимая, что надежды на границы 1940 г. нереальны, Венгрия будет добиваться передачи ей территории с компактным мадьярским населением – примерно 100-километровой полосы Трансильвании с городами Сату-Маре, Орадеа-Маре и Арад вдоль границы с Румынией. Дьёндьёши выдвинул идею раздела края в соответствии с пропорцией населения (1/3 – венгров, 2/3 – румын), что после обмена населением “навекі решило бы вопрос о венгеро-румынской границе”. 3). Обоснование экономической важности для Венгрии трианонских потерь [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 4–9]. Основные положения этой справки Пушкина вошли в справку ОБС о Трансильвании в связи с обсуждением проектов мирных договоров (от 8 апреля) [10. Док. 105. С. 376–378].

9–18 апреля 1946 г. Москву посетила венгерская делегация во главе с премьер-министром Ф. Надем. На приеме у Молотова 9 апреля Дьёндьёши заявил, что вопрос о границе в связи с соглашением о перемирии “в некоторой степени остался открытым”. Он констатировал невозможность возврата изолированной от Венгрии территории на востоке Трансильвании (4 из 11 северотрансильванских уездов – Муреш, Чук, Одорхей, Трей Скауне) площадью 17 тыс. кв. км, компактно заселенной 300-тысячной венгерской этнической группой секлеров. Однако в отношении венгров из приграничного района предложил решить проблему путем установления новой границы. По плану Венгрии к ней отходило 11,3 тыс. кв. км с населением 900 тыс. чел. Венгры разработали и вторую линию границы, которая оставляла в Румынии количество венгров, примерно равное количеству румын на территории, отходящей в этом варианте к Венгрии. Промолчав, Молотов фактически отказал этим планам в поддержке [19. Док. 141. С. 404–405; 10. Док. 106. С. 378–381].

10 апреля венгерская делегация была на приеме у Сталина, где обсуждалась и территориальная проблема. Надь заметил, что в Трансильвании вдоль границы имеется “небольшая территория с венгерским большинством” и прямо поставил перед Сталиным “вопрос о территориальном переустройстве между Венгрией и Румынией”. Для этого из территории края следовало возвратить Венгрии “некоторую часть, чтобы территориальное устройство мирного договора успокоило венгерский народ”. Сталин, казалось бы, проявил сочувствие, вспомнив, что оговорка о Трансильвании к условиям перемирия с Румынией “дает повод к тому, чтобы Венгрия могла кое-что получить, а что именно, какую часть получить, это надо будет” посмотреть. По своему обыкновению, повторяя мысль, он продолжил уже более определенно: “Эта оговорка дает Венгрии возможность получить часть Трансильвании. Вопрос этот будет обсуждаться”. Сталин также сослался на мнение Молотова, что на Парижской сессии СМИД “вопрос этот встанет и будет рассмотрен”. Воодушевленные венгры, привыкшие к жесткой манере общения Молотова, показали Сталину карту всей Трансильвании с новой границей, а Дьёндьёши выдвинул следующий проект. За Румынией остается 80 тыс. кв. км, а к Венгрии присоединяется 22 тыс. кв. км с населением в 1550 тыс. чел., из которых 850 тыс. румын (55%). Как и накануне, венгры имели перестраховочный вариант. На карте была особо очерчена территория в 11,8 тыс. кв. км с населением в 960 тыс. чел., из которых 52% составляли венгры. Практически это был план, изложенный Молотову, но за сутки размер желаемой территории вырос на 0,5 тыс. кв. км [19. Док. 142. С. 416–417; 10. Док. 107. С. 382–393].

Сталин заметил, что румыны не согласятся на такую территориальную уступку (из записи беседы следует, что речь шла о 22 тыс. кв. км), причем в подобном случае “ни одно правительство не могло бы удержаться у власти, а румынский король мог бы подать в отставку”. Надь заявил, что венгры не сожалели бы о румынском короле – “пусть румыны тоже установят у себя республику”. Дьёндьёши, настроенный наиболее решительно, предостерег, что и венгерское правительство “может не удержаться у власти, если не предъявит Румынии соответствующие территориальные требования”. Более того, он обронил фразу о том, что в случае обмена населением и перемещения мадьяр на венгерскую часть Трансильвании, Венгрия “навсегда была бы лишена возможности ставить вопрос о ревизии границ”. Это свидетельствовало об отношении к идее ревизионизма, как имеющей перспективу. Дьёндьёши, осмелившись оказать давление на Сталина, задал прямой вопрос, “не противоречат ли венгерские предложения о возвращении Венгрии части Трансильвании интересам Советского Союза”. В результате перепалки, возникшей в венгерской делегации, премьер-министр Ф. Надь и вице-премьер А. Сакашич, по существу, заставили Дьёндьёши отозвать вопрос, а премьер перевел разговор на другую тему [19. Док. 142. С. 418; 10. Док. 107. С. 392].

В первые дни Надь был в восторге от визита, гостеприимства, надежды на изменение границ. В донесении венгерской миссии из Москвы от 3 мая особо подчеркивалась теплота приема. Отмечалось, что первоначально создалось мнение о полученной поддержке по проблеме венгерского меньшинства в Румынии, Чехословакии и Югославии “в равной мере”. Однако Д. Лазар, составитель сборника документов “Донесения посла Дьюлы Секфью и венгерской миссии в Москве (1946–1948)”, считает, что СССР, хотя и допускал постановку вопроса о территориальных претензиях к Румынии, но не обременял себя их поддержкой. Что касается венгерских требований к Чехословакии и Югославии, то отвергалась сама возможность постановки вопроса [26. Ld. a 8. sz. dok. 6. sz. jegyzetét. 42–43. old.]. Финал визита оказался для венгров едва ли не трагичным. На прощальном приеме, устроенном Надем, Молотов сухо сообщил окончательное решение: притязания Венгрии на Трансильванию изучены, урегулирование возможно только на пути двусторонних переговоров с Румынией. Возражения мадьяр, пораженных оборотом дела, прозвучали беспомощно. Молотов же был невозмутим, отклонив даже просьбу выступить инициатором подобных переговоров [27. С. 120]. Хотя Надь в высокопарном заявлении перед отъездом говорил: венгры “встретили здесь такую чистую и искреннюю дружбу...”, что прощаются с Москвой “с растроганным сердцем” [28. Док. 90. С. 140–141], на душе у них лежал камень. Все понимали, что прямое обращение Будапешта к Бухаресту обречено на провал. 27 апреля в Бухарест прибыл специальный уполномоченный, заместитель министра иностранных дел Венгрии П. Шебештьен, чья миссия закончилась полным фиаско [25. С. 34].

Венгерский посланник в Москве, известный историк Д. Секфью, участник бесед со Сталиным и Молотовым, передал 5 мая 1946 г. меморандум правительству СССР. В нем сообщалось, что Шебештьен, “следуя дружескому совету” советских руководителей, провел в конце апреля трудные переговоры с Грозой и Татареску. Румынская сторона отказалась и от рассмотрения территориальной проблемы, и от двусторонней встречи на правительственном уровне. Ввиду провала прямых переговоров Будапешт считал: “возникла необходимость вынесения урегулирования венгеро-румынских отношений на мирную конференцию” с

целью “провести западную границу Румынии таким образом, чтобы к Венгрии отошла территория в 22 тыс. кв. км, аннексированная Румынией по Трианонскому договору”. Здесь проживало 895 тыс. румын, 495 тыс. мадьяр и 194 тыс. человек других национальностей. Однако и после этого в Румынии еще осталось бы 1080 тыс. венгров (современные венгерские эксперты, со ссылкой на видного историка М. Фюлепа, считают, что этот вариант уже в своем исходном пункте содержал возможность решения территориального спора путем обмена населением). В случае невыполнимости этого предложения, в меморандуме имелась просьба “воссоединить пограничную зону площадью 11,8 тыс. кв. км с долей венгерского населения в 60%” [26. Ld. a 10. sz. dok. 5. sz. jegyzetét. 45–46. old.]. Меморандум был по сути актом отчаяния, так как буквально повторял прежнее предложение, изложенное 10 апреля Сталину и отклоненное Молотовым.

Исключительный интерес представляют оценки из шифропереписки МИД Венгрии со своим посланником в Лондоне Беде, которая, как показывают архивные фонды, имелась в распоряжении ОБС. Беде излишне оптимистично сообщал, что, по мнению Форин офис, в результате московского визита советская точка зрения на мирный договор с Венгрией “не такая устойчивая, а в некоторых отношениях даже меняющаяся” (25 апреля); Англией “наше положение в румынском деле даже без непосредственных переговоров оценивается решительно благоприятно” (29 апреля). В ответной телеграмме 2 мая Дьендьеши поручал посланнику “просить немедленно поддержку английского правительства в вопросе о Трансильвании”. После отклонения Румынией идеи прямых переговоров Беде сообщил 7 мая о некоторых вариантах разрешения проблемы, предложенных английскими экспертами в отношении мирного договора с Венгрией: 1). Трансильвания становится самостоятельной “с небольшими поправками границ в пользу Венгрии”; 2). Остается в силе “венское решение, с территориальными уступками в пользу Румынии”; 3). На основе этнографического принципа остается “равное количество национальных меньшинств в обеих странах”. Однако становилось все очевиднее, что Лондон занял позицию “непроявления своей инициативы в пограничном вопросе юго-восточной Европы”. Поэтому Беде не надеялся на Англию, считая, что “инициатива скорее будет исходить от Америки”. Кроме того, посланник сообщал: англичан “наводит на размышления то обстоятельство, что вследствие исправления границ гораздо больше румын попадет обратно в Венгрию, чем венгров” (6 мая); с другой стороны, после I сессии СМВД “советская точка зрения, по здешнему мнению, сделалась менее неподвижной” (7 мая) [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 67, 69–71].

Практическая разработка проектов договоров осуществлялась на Совещании заместителей министров иностранных дел (Лондон – Париж, 31 августа 1945 г. – 15 июля 1946 г.). Весной 1946 г. развернулась дискуссия вокруг пункта о границах в мирном договоре с Румынией, которая временами обретала гротескный характер. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Х. Джебб и руководитель отдела Госдепартамента США Дж. Данн не желали обсуждать трансильванский участок границы вне связи с другими границами Румынии. Не подвергая сомнению советско-румынскую границу, они хотели знать, где она проходит, и много раз упорно требовали предоставить карту, без чего невозможно “начертить карту новой Европы”. Заместитель министра иностранных дел СССР Ф.Т. Гусев настаивал на обсуждении вопроса о Трансильвании как самостоятельного, поскольку это “не только проблема границы, но и

значительная территория”. Ссылаясь на разный подход союзников к Германии и Италии, он развил мысль о подчиненном положении “малых государств” в “оси”, поэтому “должно учитывать их поведение в момент подписания перемирия” и после него, подходить индивидуально. О карте он заявил, что ее можно взять в любой библиотеке, а в 1940 г. она была опубликована во всех газетах. Джебб раздобыл советский атлас 1941 г. издания и Гусев, припертый его вопросами о соответствии линии в атласе реальной советско-румынской границе, выдал из себя: “Это школьная карта. Что касается общего направления границы, то, по-моему, оно правильно” [16. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 2. Д. 5. Л. 3–5, 19, 28, 38–44, 85–86].

19 апреля Молотов направил Сталину Дополнение к директивам по мирному договору с Румынией, где значилось: “согласиться на описание в мирном договоре всех границ Румынии, в том числе советско-румынской границы с приложением соответствующей карты” [17. Док. 99 и прилож. 3. С. 205, 208]. Однако и после оглашения Молотовым в мае этого вывода, на заседаниях заместителей по-прежнему возникал вопрос о карте, которую советская делегация упрямо отказывалась предоставить [16. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 1. Д. 1. Л. 184–185; П. 2. Д. 8. Л. 201–202]. Объяснить подобную атмосферу можно лишь тем, что первое заседание заместителей парижской части Совещания, которое состоялось 11 марта и началось с сюжета о карте, было первой международной встречей после фултонской речи У. Черчилля (5 марта 1946 г.). В ней он, по существу, объявил СССР преемником “фашистского врага”, что вызвало своеобразную реакцию советской дипломатии в данном конкретном вопросе.

В ходе обсуждения мирного договора с Венгрией вновь встала проблема Трансильвании. Англичане просили объяснить советское стремление к полному восстановлению довоенной границы, противоречащей этническому расселению венгров. Гусев сделал важное пояснение: фраза “вся Трансильвания или ее большая часть” в соглашении о перемирии была принята по тактическим соображениям, так как Венгрия вместе с Германией еще продолжала войну, и такая формула могла помочь союзникам. Поэтому Москва, хотя и считала, что Румынии нужно передать весь край, согласилась записать эту формулу. Джебб подметил, что предложение о возврате всей Трансильвании не трактует вопроса “что является Трансильванией. При такой редакции можно было бы понять, что Банат¹ не передается Румынии”. Он считал также, что в договоре следует “сделать какой-то намек” на возможность переговоров о положении меньшинств. Если Джебб считал, что в будущем то обстоятельство, что “Румыния помогала союзникам, а Венгрия нет, – забудется и не будет иметь особого значения”, то Гусев постоянно заострял внимание именно на этом обстоятельстве [16. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 2. Д. 5. Л. 129–130, 176–177].

На II сессии СМВД (Париж, 25 апреля – 12 августа 1946 г.), на основе взаимного компромисса, 7 мая была фактически решена трансильванская проблема. Венский арбитраж бесповоротно аннулировался, а линия границы по состоянию на 1 января 1938 г. восстанавливалась, т.е. вся Трансильвания закреплялась за Румынией [25. С. 38–39]. Венгерский посланник в Париже П. Ауэр сообщал 11 мая в Будапешт о предположении МИД Франции, что на ПМК “уже не будет речи о

---

¹ Банат – историческая область в современной Румынии к юго-западу от собственно Трансильвании.

венгерской восточной границе (Трансильвания)”. Дьёндьёши в тот же день поручил посланнику просить аудиенции у Молотова и заявить, что венгерское правительство “поражено решением Совета Министров, и что Венгрии угрожает серьезный политический кризис” [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 66, 68]. 18 июля сессия приняла проект мирного договора с Румынией. Его статьи о границах (всех границах) были изложены в том виде, который перешел в окончательный текст договора 1947 г. Проект же мирного договора с Венгрией рассматривался как “условно принятый” до тех пор, пока Прага и Будапешт не изложат свою позицию по проблеме венгерского меньшинства в Словакии [16. Ф. 0431/П. Оп. 2. П. 6. Д. 27. Л. 3; П. 10. Д. 42. Л. 3]. Молотов на встрече с Иорданом 17 июля в Москве говорил, что венгры обращались к нему по трансильванскому вопросу. Однако получили ответ, что Москва не имеет “привычки ломать согласованные решения”, а за венгерской стороной остается право возражать и высказывать мнение, но “это мнение будет мнением венгров” [29. Док. 109. С. 323].

1-е Главное управление МГБ СССР направило 22 июля в МИД полученный “неофициальным путем” проект Меморандума, составленного отделом подготовки к мирной конференции МИД Венгрии. Проект содержал интересную оценку, согласно которой, несмотря на самые лучшие намерения Грозы облегчить положение трансильванских венгров, он не может реализовать эти намерения из-за “саботажа членов его правительства, представителей местной администрации, необузданного национализма и невозможности искоренить ненависть румын к трансильванским мадьярам”. При таких обстоятельствах в Будапеште пришли к выводу, что “спокойствие наступит лишь тогда, когда часть румынских мадьяр вместе с территорией будет присоединена к Венгрии”. Последняя была согласна и на плебисцит в районах Румынии, населенных венграми. Лаврищев в письме Вышинскому 8 августа скептически отозвался об этом документе, считая, что по содержанию он не отличается от прежних венгерских меморандумов [16. Ф. 077. Оп. 26. П. 118. Д. 26. Л. 82–83, 96].

На Парижской мирной конференции (29 июля – 15 октября 1946 г.) министры иностранных дел Румынии и Венгрии выступили на пленарном заседании. Татареску 13 августа горячо благодарил за возврат Северной Трансильвании и просил признать за Румынией статус “совоюющей державы”. Дьёндьёши, хотя и сформулировал 14 августа: “ввиду того, что границы не могут быть изменены, главная проблема венгерского народа – изменить значение границ и обеспечить венграм в других государствах их национальные права”, принялся обосновывать именно изменение границ. Он отметил, что решение четырех министров не может урегулировать румыно-венгерские противоречия, а аннулирование Венского арбитража не разрешает территориальную проблему. Поэтому Венгрия “сочла возможным представить некоторые скромные претензии” – вернуть ей часть Трансильвании площадью в 22 тыс. кв. км [16. Ф. 432. Оп. 1. П. 1. Д. 2. Л. 72–73, 76–77, 135, 137, 139]. На встрече с Молотовым 20 августа Дьёндьёши подтвердил неизменность предложения о 22 тыс. кв. км и готовность к двусторонним переговорам для “внесения некоторых этнических коррективов в румыно-венгерскую границу и гарантирования прав национальных меньшинств” [10. Док. 109. С. 395–396; Док. 110 и примеч. 3. С. 399, 404]. В тот же день венгерская делегация представила свои замечания к мирному договору с Венгрией, где повторялись тезисы Дьёндьёши и предлагались прямые переговоры с Румынией до подписания мирного договора с целью найти решение, которое “учитывало

бы этнические факты” [16. Ф. 06. Оп. 86. П. 81. Д. 173. Л. 2–3; 10. Док. 109. С. 396–398]. Однако у Венгрии уже появилась надежда на США, которые склонялись к мысли произвести при заключении договоров корректировку в пользу Венгрии границ Чехословакии и Румынии.

На совместном заседании Комиссий по политическим и территориальным вопросам для Венгрии и для Румынии, созданных в качестве рабочих органов ПМК, 31 августа были заслушаны устные заявления обеих делегаций (в присутствии друг друга), с правом выступить только по одному разу. Венгерский представитель П. Ауэр констатировал: на предложение о 22 тыс. кв. км “не последовало согласия” СМВД, “Комиссия также не отнеслась к нему с сочувствием”. В этих условиях он выдвинул просьбу (не считая ее новой инициативой) “об исправлении границы соответственно реальному соотношению народностей”. Это “скромное разрешение вопроса” касалось 4 тыс. кв. км с населением в 500 тыс. чел. (из них 67% венгров) с городами Сатмернешети (Сату-Маре), Надъварад (Орадеа-Маре), Арад и двумя городками. Было подчеркнуто, что данная территория, составляющая часть области Парциум (румынское: Кришана) ни географически, ни исторически никогда не являлась частью Трансильвании. Однако и после такого “присоединения к Венгрии пограничных зон с венгерским большинством” еще 1.2 млн мадьяр оставались бы в Румынии. Ауэр также просил о заключении двух венгеро-румынских соглашений: о защите под гарантией ООН прав венгерского меньшинства в Румынии и о местной автономии для секторов, так как школьная и религиозная автономия, предусмотренная для них еще Парижским договором о правах национальных меньшинств (9 декабря 1919 г.), никогда не была осуществлена [16. Ф. 432. Оп. 1. П. 9. Д. 139. Л. 7; 10. Док. 112. Л. 407–410].

В заявлении румынского представителя Татареску делался упор на идентичность венгерских претензий 1919 и 1946 гг., авторитетную этническую мотивировку выработанной в 1919 г. границы, аргументированное отклонение тогда венгерских требований. Из чего выводилось и неизбежное отклонение требований 1946 г. Касательно урезанной претензии венгров на 4 тыс. кв. км Татареску заявил следующее. Хотя данная территория занимает 4% площади всей Трансильвании, на ней проживает 8.5% ее населения. Три названных города являются стержнем экономической жизни всей западной части провинции. Ее постиг бы немедленный экономический крах и транспортная дезорганизация в случае отделения этих городов, так как остальная Трансильвания служит для них восточным хинтерландом, а сами города находятся на единственной железнодорожной линии. Татареску напомнил, что даже Гитлер, расчлняя край в 1940 г., не посягнул на Арад. Мадьярское большинство (по румынской статистике – 57%, по венгерской – 67%) на территории в 4 тыс. кв. км объяснялось насильственной политикой бывших венгерских властей. Было отвергнуто и предложение о двух соглашениях ввиду наличия широких прав у трансильванских венгров – родной язык, венгерские школы, национальный университет, консерватория, два театра, религиозные свободы [16. Ф. 432. Оп. 1. П. 17. Д. 44. Л. 48–52, 57–59, 61–62].

В конечном итоге даже самые минимальные и разумные просьбы Венгрии на ПМК не были учтены, а Москва, отбросив некое подобие сомнений, безоговорочно поддержала Румынию. Вялые попытки Запада произвести незначительные изменения границ в пользу Венгрии были отклонены, так как не выразились в действенных акциях. П. Гроза 9 сентября направил Сталину телеграмму с благодарностью за утверждение границ и возвращение “навсегда и

полностью” Северной Трансильвании [29. Док. 115. С. 336]. У Венгрии были все основания заявлять позже, что на ПМК она “с горечью узнала”, что, несмотря на заверения в V разделе Крымской декларации и ее успехи в демократической сфере, рекомендации конференции “в действительности увеличили суровость проекта договора”, составленного СМВД [16. Ф. 0431/Л II. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 130].

Центр тяжести проблемы перемещался в сферу защиты прав меньшинств. В беседе Лаврищева с министром юстиции Румынии Л. Патрашкану 17 сентября в Париже затрагивалась судьба северо-трансильванских венгров, которые числились иностранцами. По закону о гражданстве жителей Северной Трансильвании от 4 апреля 1946 г. румынское гражданство автоматически восстанавливалось всем, кто имел его до арбитража. Исключением были лица, добровольно поступившие на военную службу Германии или Венгрии после разрыва Бухареста с “осью”. Румыния не желала оставлять их на жительство, считая, что это “привело бы к изменению соотношения этнических элементов в Трансильвании в пользу Венгрии и благоприятствовало бы пропаганде венгерского ревизионизма”. МВД Румынии издало распоряжение о выселении “иностранцев” с отсрочкой до заключения мирного договора. До этого момента Бухарест не хотел вести переговоры о положении венгров, чтобы “не ослабить своих позиций в трансильванском вопросе” [19. Док. 173. С. 525–526; 10. Док. 115. С. 412–413].

Дьендьёши направил 25 сентября 1946 г. в Комиссию по Венгрии ПМК меморандум об этом населении, принадлежавшем к двум различным категориям, что проясняло ситуацию. Во-первых, это были лица, которым еще в 1918–1940 гг. отказали в румынском гражданстве, хотя Парижский договор 1919 г. о меньшинствах обязывал Румынию признать своими гражданами всех проживавших или родившихся на ее новых территориях. Однако румынский закон 1924 г. поставил дополнительные условия для признания их гражданства, поэтому его не получили 250 тыс. венгров. Частично они переселились в Венгрию или возвратились в край после Венского арбитража. Во-вторых, – лица лишённые румынского гражданства после выхода Румынии из войны на стороне Германии. Декрет-закон № 261 от 2 апреля 1945 г. ввел новые правила гражданства, юридически закрепив положение упомянутых 250 тыс. апатридов, а инструкция от 11 августа к декрету-закону лишила гражданства тех, кто добровольно покинул Северную Трансильванию с вражескими армиями, “солидаризируясь, таким образом, с ними”. Между тем, при Антонеску около 100 тыс. венгров бежали из Южной в Северную Трансильванию или в Венгрию. Кроме того, немцы и венгры, уходя из Северной Трансильвании, принудили эвакуироваться 200 тыс. чел. Все эти 550 тыс. мадьяр либо ожидали разрешения вернуться в Румынию, либо, вернувшись, оказывались лишёнными гражданских прав и имущества, которое, как имущество коллаборационистов, подлежало секвестру. Поэтому Венгрия обвиняла Бухарест, что он “под предлогом так называемого и никоим образом не доказанного коллаборационизма желает повергнуть в бедственное положение сотни тысяч венгров, принадлежащих к основному в этническом отношении населению Трансильвании”. При этом Будапешт указал, что Румыния “благоприятствует всеми средствами румынам, которые покинули Буковину и Бессарабию... в тех же условиях, как сделали это венгры в период эвакуации Трансильвании”. Данный документ Москвой был всего лишь принят к сведению [10. Док. 118 и примеч. 1. С. 422–425]. Она следовала постулату, изложенному Комиссией Литвинова в разработке “Международная организация безопасности”

еще в апреле 1944 г.: “Пора бы признать, что взаимоотношения внутри государства между его различными группами не могут быть предметом забот другого государства” [16. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 114. Л. 67].

На приеме у Молотова 13 октября Татареску заявил, что румыны “осведомлены о том, что сделала советская делегация для них, и вверяют ей свою дальнейшую судьбу, которая будет окончательно определяться” на III сессии СМВД в Нью-Йорке. Молотов, по существу, дал оценку роли СССР в урегулировании. Он напомнил, что в Лондоне в 1945 г. “положение было совсем иным”, так как Запад настаивал, чтобы “лишь часть Трансильвании была передана Румынии”, а на ПМК “никто уже не решался возражать против передачи всей Трансильвании Румынии, а это является несомненным успехом”. Молотов подчеркнул, что Москва “была вынуждена занять довольно жесткую по отношению к Венгрии позицию”, но это диктовалось не враждебностью к ней, а “историческими фактами, которые необходимо было учесть при правильном разрешении вопроса” [29. Док. 122. С. 351].

В ноябре 1946 г. в Румынии прошли парламентские выборы. Успеху правительственного Блока демократических партий (БДП) в Трансильвании способствовали решения ПМК. Ардяльцы (трансильванские румыны) всецело относили этот успех на счет П. Грозы и поддержки СССР. Проезд через Северную Трансильванию возвращавшейся из Парижа румынской делегации превратился в манифестацию в честь правительства. В двойственном положении в провинции оказались коммунисты-венгры, так как ВКП боролась за передачу края своей стране, и они не знали, кому им верить – Ракоши или Георгиу-Дежу [10. Док. 116. С. 415–417].

В политическую борьбу были вовлечены и церковные круги края. Полиэтническая Трансильвания, где проживали ардяльцы, мадьяры, секлеры, трансильванские саксонцы, банатские швабы, словаки, русины, украинцы, евреи, болгары, армяне, цыгане отличалась многоконфессиональностью. Православные составляли 30.9% населения, греко-католики (униаты) – 28.1%, римо-католики – 12.6%, реформаты (лютеране и кальвинисты) – 14.6%, евангелисты (протестанты) – 9.3%. Особенность края состояла в том, что католическая церковь обеих толков, объединяя 40.7% верующих, превосходила православную, которая конституцией 1923 г. объявлялась в Румынии господствующей [10. Док. 95. С. 355]. Влияние двух политических соперников, двух уроженцев Трансильвании – Ю. Маниу (униата) и П. Грозы (православного), было строго районировано. Первый доминировал в католическо-униатской северной части края, второй – преимущественно православной (если говорить о румынском населении) южной. По официальным данным, румыны-униаты поддержали на выборах НЦП и Маниу, венгры (католики, реформаты и униаты) – БДП и Грозу. Румыны-православные раскололись не по конфессиональной, а по социальной принадлежности – значительная часть горожан проголосовала за БДП, селяне и интеллигенция – за НЦП. Однако современный анализ архивных документов выявил фальсификацию выборов. Реконструкция румынскими историками их подлинных результатов показала, что НЦП получила в Трансильвании до 75% голосов избирателей, независимо от их конфессии. Это обстоятельство, а также развернувшиеся в 1946 г. на Западной Украине гонения на униатство, привели к насильственному акту ликвидации греко-католической церкви в Румынии через ее присоединение к православной. Решение об этом принял 1 октября 1948 г. неуполномоченный объединительный съезд в Клуже. Вскоре был арестован высший униатский клир, а 1 декабря постановление правительства узаконило объединение двух церквей [30. С. 188–189].

На III сессии СМВД (Нью-Йорк, 4 ноября – 12 декабря 1946 г.), где готовились окончательные тексты мирных договоров, Венгрия 9 ноября выступила с меморандумом. В нем она просила дополнить проект положением о том, что права румынских венгров должны определяться прямыми переговорами между двумя странами. Если же они не дадут результата, Венгрия должна иметь право обратиться в СМВД. 13 ноября Лаврищев составил для Молотова замечания на этот документ. Ссылаясь на решения ПМК, он рекомендовал: “полагаю, что предложение Венгрии о новом рассмотрении вопроса о венгерском меньшинстве в Румынии должно быть отклонено” [16. Ф. 0431/III. Оп. 3. П. 3. Д. 16. Л. 17–18, 130].

Мирные договоры с Румынией и Венгрией, подписанные 10 февраля 1947 г., содержали стереотипные положения о том, что решения Венского арбитража 1940 г. “объявляются несуществующими”, а граница между двумя странами по состоянию на 1 января 1938 г. восстанавливается [31. Док. 514. С. 55–56; Док. 516. С. 205]. Подписанный накануне венгеро-румынский договор о дружбе от 24 января закрепил границу на двустороннем уровне. Мирные договоры были предметом пристального внимания советского руководства. В 1946–1947 гг. они шесть раз рассматривались на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б) [24. С. 432, 462, 465, 483].

П. Гроза, готовя весной 1947 г. официальный визит в Венгрию, считал Трансильванию “главной целью поездки”: “Добиться, чтобы венгры добровольно признали факт окончательного закрытия трансильванского вопроса (в рамках мирного договора)”. Беседуя 7 мая с Сусайковым о результатах визита, премьер-министр прямо заявил: “По вопросу Трансильвании я добился большого успеха”. Действительно, президент З. Тильди заявил от имени венгерского народа, что считает вопрос о Трансильвании закрытым и добровольно, хотя и с болью в душе, соглашается признать решения, принятые в Париже и зафиксированные в мирном договоре. В ходе визита Гроза всячески декларировал свою приверженность СССР и убеждал венгерских руководителей “прекратить ориентацию на заокеанские страны”, опираться на могучего восточного соседа и “забросить разные идеи о придунайских федерациях без Советского Союза – первой придунайской державы”. Примечательны характеристики, высказанные Грозой: Тильди – “самый порядочный человек”, Надь – “колеблющийся”, Дьён-дьёши – “враг, сторонник англичан и американцев”. Недовольными визитом Грозы остались только венгерские коммунисты [29. Док. 158. С. 438–439, 441].

Последствия трансильванского урегулирования были локализованы в рамках советского блока, но отголоски давали о себе знать четыре десятилетия. Их первое проявление имело место в связи с совещанием девяти европейских компартий в Шклярской Порембе (22–28 сентября 1947 г.), где было создано Коминформбюро. Ракоши накануне Порембы предложил собрать совещание компартий стран Дунайского бассейна. Заведующий отделом внешней политики ЦК ВКП(б) М.А. Суслов квалифицировал инициативу как “нецелесообразную и нежелательную”, считая ничем не оправданной попытку ВКП выступить “в роли своего рода объединителя компартий стран Дунайского бассейна”, поскольку Венгрия была сателлитом Германии. Его поддержали куратор международного коммунистического движения А.А. Жданов и Г. Димитров, уже находившийся в Болгарии. Инициатива венгров была отвергнута. К тому времени центр тяжести венгерских проблем переместился в сферу отношений с Чехословакией, стремившейся выселить всех мадьяр. Член политбюро ВКП Й. Ре-

ваи, выступая в Порембе, привел Праге в пример отношение к венгерскому меньшинству в Румынии и Югославии. Соглашаясь с генсеком КПЧ Р. Сланским, говорившим о “тысячелетнем угнетении словаков мадьярскими господствующими классами”, он призвал не забывать, что “такое же угнетение было и в Трансильвании, и в югославянских областях бывшей Венгрии” [32. С. 4; 29. Док. 176. С. 493]. Руководство ВКП, пережив потерю провинции, пыталось любыми способами реабилитировать имидж страны, в том числе и с помощью трансильванского аргумента.

В ряде стран советского блока противники коммунистов были устранены из политики в 1947 г. путем политических процессов. В Румынии первый удар наносился по НЦП – в марте был разоблачен “заговор” Маниу. Интрига имела и трансильванский аспект, о чем имеются сведения в “Особой папке” Молотова – показания пленного генерала венгерского Генштаба И. Уйсаси (Усайши), оформленные в качестве заявления в “Правду” в ноябре 1947 г. За отмену массового митинга против Венского арбитража, назначенного на 15 сентября 1940 г. в г. Альба-Юлия, Маниу, якобы, потребовал от венгров 1 млн лей. Деньги были получены, а митинг отменен “для поддержания общественного порядка”. Маниу, якобы, и далее получал крупные суммы, но его “лже-оппозиционная деятельность” по вопросу Трансильвании больше не беспокоила венгерское правительство” [33. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 174. Л. 97–101, 179–181]. Данные факты следует воспринимать в контексте решений Первого совещания Коминформа (22–28 сентября 1947 г.), назвавшего НЦП реакционной партией, “препятствием на пути демократического развития Румынии”. Это привело к суду над руководством партии в октябре–ноябре 1947 г., который завершился ее роспуском и осуждением к пожизненному заключению Маниу, умершего в 1953 г. в тюрьме [34. С. 115, 119; Примеч. 123, 131. С. 274–275].

Трансильванская рана оставалась открытой в венгерском общественном сознании, что стало очевидным в период кризиса 1956 г. Секретарь Пештского обкома Венгерской партии трудящихся (ВПТ) Я. Кадар, беседуя с членом президиума ЦК КПСС А.И. Микояном 14 июля 1956 г., признал, что в Венгрии “национализм всегда был довольно силен в народе” и упомянул выступления 1945–1946 гг. по трансильванскому вопросу, носившие антисоветскую окраску, поскольку роль СССР в потере края считалась решающей. В записке МИД СССР “О румыно-венгерских отношениях в связи с Трансильванией” (сентябрь 1956 г.) сообщалось о неоднократных жалобах Георгиу-Дежа в 1954–1956 гг. на двусмысленные высказывания венгерских руководителей, включая Ракоши, по поводу послевоенных границ [35. Док. 34. С. 163; 36. С. 199]. Орган ВПТ газета “Szabad Nép” опубликовала 9 сентября 1956 г. статью П. Панди “О наших общих делах”. В ней обличалось замалчивание национальных проблем румынских венгров, чья культура называлась частью современной венгерской культуры. Статья вызвала резко негативную реакцию в Бухаресте, расценившего ее как “открытый призыв к ревизии вопроса о Трансильвании”, что напугало Москву. Первый заместитель министра иностранных дел А.А. Громыко, обобщив тревожные телеграммы советского посла в Будапеште Ю.В. Андропова, отметил в письме от 17 сентября в ЦК КПСС, что в Венгрии делаются попытки “возродить националистические претензии на Трансильванию” [37. Ф. 89. Перечень 45. Док. 5. Л. 2–3; 35. Док. 58 и примеч. 6. С. 261–263; Док. 59. С. 265]. С подавлением демократической революции в Венгрии исчезли и претензии.

В Румынии в конце 1950-х годов, еще при Г. Георгиу-Деже, началась политика “национальной консолидации”, вылившаяся в попытку насильственной ассимиляции всех национальных меньшинств (10% населения, в том числе венгров –

7.7%). В рамках предпринятой Н. Чаушеску в 1980-х годах “систематизации городских и сельскохозяйственных территорий” прошло принудительное расселение по всей стране компактных групп венгерского населения из Трансильвании. Тем не менее, наиболее острые проявления социального недовольства были связаны именно с национальными районами. В 1987 г. в г. Брашове (исторический центр немецкой колонии в Трансильвании) вспыхнул потопленный в крови “хлебный бунт”, ставший прологом краха системы. Расстрел демонстрации 15 декабря 1989 г. в банатском г. Тимишоаре послужил запалом для восстания, свергнувшего диктатуру.

Таким образом, в 1945–1947 гг. завершилось урегулирование крупнейшего по своим геополитическим масштабам и региональным параметрам (после западных областей Беларуси и Украины) национально-территориального конфликта в ЦЮВЕ, который прошел три основных рубежа. Трианонские решения 1920 г. были приняты в условиях отстранения России от глобальной версальской трансформации европейских границ. Она не имела ни серьезных претензий, ни реальных возможностей влиять на эти процессы. Венский арбитраж 1940 г. был осуществлен в условиях глубокой вовлеченности СССР в контрверсальский передел территорий. Причем у Москвы было не только “завоеванное” право, но и договорной механизм влияния на данный передел. Игнорирование Берлином этих реалий вызвало первый серьезный кризис в советско-германских отношениях. Третий рубеж, завершившийся мирными договорами 1947 г., начал формироваться с 1941 г. и включал как выработку Советским Союзом собственной позиции, так и ее согласование в формате союзнических конференций и через механизм СМВД. В итоге Москве удалось комплексно реализовать свои политические и идеологические запросы в Карпато-Дунайском регионе, исходившие из возобладавшей блоковой стратегии. Трансильванское урегулирование было целиком проведено по сценарию Москвы, которая сумела заблокировать даже небольшие изменения в пользу Венгрии, за которые выступали западные державы. По иронии истории территориальный аспект урегулирования совпал с трианонской линией границы, выработанной враждебными тогда России государствами, которым она в совершенно новых условиях не позволила изменить эту линию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сальков А.П. Трансильванский вопрос в политике СССР в Юго-Восточной Европе (1939–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков: К 60-летию профессора Московского университета Г.Ф. Матвеева. М., 2003.
2. Сальков А.П. СССР и национально-территориальное переустройство в Карпато-Дунайском регионе (1938–1941 гг.) // Отечественная история. 2005. № 3.
3. Сальков А.П. СССР и второй Венский арбитраж: Дипломатические оценки результатов и последствий // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2003. № 3.
4. Сальков А.П. Политика государств Тройственного пакта по национально-территориальному переустройству в Карпато-Дунайском бассейне (1940–1944 г г.) // Славянский мир в социокультурном измерении. Сборник научных трудов. Ставрополь, 2004. Вып. 1.
5. Сальков А.П. Советский Союз и трансильванская территориальная проблема в международных отношениях (июнь 1941 – август 1944 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 1.
6. Сальков А.П. Национально-территориальная проблема Трансильвании в планах ее суверенизации и включения в состав СССР (1939–1945 гг.) // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. 2004. № 4.
7. Сальков А.П. Советский Союз и трансильванская территориальная проблема в международных отношениях (август 1944 – май 1945 гг.). // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 2. Вып. 3.

8. Российский государственный архив социально-политической истории.
9. Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. М., 2000. Т. 14-3 (2).
10. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М., 2000.
11. Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест (1944–1946 гг.). Документы российских архивов. М., 1998.
12. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. М. 1980. Т. 6: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.).
13. Рассекреченные документы из архива СВР России (Приложение) // Очерки истории российской внешней разведки. М., 2003. Т. 4: 1941–1945 годы.
14. СССР и венгерский вопрос. 1941–1949. Документы из Архива внешней политики РФ. М., 2000. Т. 2: 9 мая 1945 г. – 3 октября 1946 г.
15. *Ржешевский О.А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.
16. Архив внешней политики РФ.
17. Советско-американские отношения. 1945–1948. Документы. М., 2004.
18. *Агафонова Г.А.* Дипломатический кризис на Лондонской сессии СМВД // Сталин и холодная война. М., 1997.
19. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг. М.; Новосибирск, 1997. Т. I: 1944–1948 гг.
20. *Димитров Г.* Дневник. Март 1933 – февруари 1949. Избрано. София, 2003.
21. *Стыкалин А.С.* Трансильванский вопрос в отношениях Венгрии и Румынии в 1940-е годы // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004.
22. *Stanescu F., Zamfirescu D.* Ocupația sovietică în România: Documente, 1944–1946. București, 1998.
23. *Vaciu N.* Agonia României, 1944–1948: Dosarele secrete acuză. București, 1997.
24. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог. М., 2001. Т. III. 1940–1952.
25. *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* СССР и трансильванский вопрос (1945–1946 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 12.
26. *Lázár G. Szekfű Gyula követ és a moszkvai magyar követség jelentései (1946–1948).* Budapest, 1998.
27. *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Трансильвания – яблоко раздора между Венгрией и Румынией // Очаги тревоги в Восточной Европе. (Драма национальных противоречий). М., 1994.
28. Советско-венгерские отношения. 1945–1948 гг. Документы и материалы. М., 1969.
29. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. М., 1999. Т. 1: 1944–1948 гг.
30. *Покивайлова Т.А.* Конфессиональная ситуация в Трансильвании и ликвидация униатской церкви в Румынии (40-е годы XX в.) // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. (Дискуссионные аспекты). М., 2003.
31. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1956. Вып. XIII.
32. *Адибеков Г.М.* Как готовилось первое совещание Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.
33. Государственный архив РФ.
34. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. Протокол первого совещания.
35. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
36. *Стыкалин А.С.* Вопрос о венгерском меньшинстве в Румынии в двусторонних отношениях в 1950-х гг. // Национально-территориальный фактор в истории Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке и Россия (СССР). Материалы международной научной конференции (Минск, 24–25 апреля 2003 г.). Минск, 2004.
37. Российский государственный архив новейшей истории.

© 2006 г. *О. В. ПЕТРОВСКАЯ*

ВЫСШАЯ ШКОЛА БОЛГАРИИ И ПОЛЬШИ: АПРОБАЦИЯ “СТАЛИНСКОЙ” МОДЕЛИ (1948–1956 годы)

Своеобразие развития систем высшего образования Болгарии и Польши в 1948–1956 гг. было определено местом и ролью высшей школы в рамках модели национального ускорения советского образца, утвердившегося в качестве ориентира у коммунистических партий, добившихся к 1948 г. монополии в политической жизни. Особенностью модернизации был ее “запаздывающий” по отношению к западной части континента характер. Данная ситуация обусловила методы ее реализации, предполагавшие принудительность преобразований, форсированные темпы и высокую степень социального напряжения [1. С. 36]. Система высшего образования в схеме “догоняющей” модернизации превращалась в механизм рекрутирования кадров для осуществления задач общественного и экономического развития. Попытка полного подчинения системы высшего образования задачам “первых пятилеток” привела к концентрации усилий вузов на подготовке высококвалифицированных специалистов, отодвигая все остальные функции системы высшего образования на задний план.

В адаптации системы высшего образования к новой модели национального ускорения Болгария и Польша опирались на опыт СССР. Необходимость максимального приближения к советским образовательным паттернам – императив многих постановлений болгарских и польских центральных органов. Канонизацию советского опыта коммунистическими элитами Болгарии и Польши, после поисков и колебаний первых послевоенных лет, исследователи объясняют рядом факторов: помощью СССР в достижении ими власти, давлением со стороны И.В. Сталина и его окружения, а, главное, теоретической и практической слабостью коммунистического руководства для решения масштабных стоящих перед ними задач национального развития [2. С. 37]. Период 1948–1956 гг. в истории развития высшей школы Болгарии и Польши отличает наиболее интенсивное внедрение советских стандартов в функционирование систем высшего образования. В силу этого, апогей тоталитаризма стал временем наибольшего схождения процессов в развитии систем высшего образования в обеих странах. Использование советского опыта во многом облегчало задачу реструктуризации высшей школы, поскольку создавало условия для быстрого внедрения достаточно рационального варианта системы образования, не распыляя время и

Петровская Оксана Васильевна – канд. ист. наук, доцент Брестского государственного университета.

силы на эксперименты через которые прошла высшая школа СССР в 1920–1930 гг.

Однако перипетии предшествующего исторического развития во многом обусловили различия в восприятии советской модели в болгарском и польском обществе. Если для поляков социализм изначально воспринимался как чуждое явление уже в силу того, что исходил он от России, то в болгарском общественном сознании он утверждался как собственный вариант существования. Помощь России в русско-турецких и Второй мировой войнах сформировала в ментальных конструкциях болгар установки на искупление грехов, особые обязанности по отношению к СССР, которыми можно объяснить более охотное восприятие “братской советской помощи” [3. С. 73].

Таким образом, различия в отношении общества к внедряемым образцам и, следовательно, степени сохранения элементов традиционных моделей высшего образования, при единстве общей направленности процессов, открывают поле для сравнительного анализа функционирования систем высшего образования Болгарии и Польши в 1948–1956 гг.

Реализация тех задач, которые были поставлены перед высшей школой модернизационными процессами, была невозможна без коренной перестройки организации и управления системы высшего образования. Основным направлением реформы в этой сфере явилась централизация и ограничение академической свободы, что отвечало тенденциям тоталитарного процесса в сталинском варианте, выражавшимся в разрушении автономных структур, отказе от демократических традиций, централизованном, директивном управлении экономикой.

Правовую основу внутренней и внешней реструктуризации системы высшего образования в Болгарии и Польше составили новые законы о высшей школе, заменившие переходные акты 1947 г. Особенностью формирования законодательной базы в обеих странах в конце 40-х – первой половине 50-х годов XX в. была ее поэтапная модификация в соответствии с нарастающими темпами формирования индустриальной цивилизации и степенью напряжения политического режима. При этом в Болгарии законодательная база была обновлена значительно раньше, чем в Польше. Задачу радикальной реформы просвещения, охватывающей все ступени образования, Г. Димитров поставил в феврале 1948 г. на II съезде Отечественного фронта [4. С. 494], а 2 сентября 1948 г. был принят новый закон о высшем образовании. В Польше появление законодательного акта от 26 апреля 1950 г., заложившего основу для реорганизации внешней структуры высшей школы на основе советской модели, было инициировано подготовкой шестилетнего плана (1950–1955). Но 15 декабря 1951 г. вышел новый закон “О высшем образовании и научных учреждениях”, носивший более комплексный характер.

Поиск адекватной модели управления системой высшего образования привел к разрушению характерной и для Болгарии, и для Польши традиционной довоенной организационной структуры, объединявшей высшую школу с другими образовательными ступенями в рамках министерств просвещения. Уже в марте 1948 г. в Болгарии дирекция высшего образования перешла в Комитет по науке, искусству и культуре (КНИК) во главе с В. Червенковым [5. С. 2]. А в Польше система высшего образования была передана в ведение вновь созданного Министерства высшего образования и науки законом от 26 апреля 1950 г.

Полномочия министров, которым была передана ответственность за высшее образование, расширялись. Польский закон 1951 г. предоставил министру право

создавать, ликвидировать и реорганизовывать факультеты, кафедры и другие подразделения вузов, утверждать планы, программы и регламент обучения. Министр назначал ректора, проректоров, деканов и мог уволить ректора по требованию ученого совета [6. §§ 8, 19, 23]. До 1954 г. в каждом польском вузе функционировал представитель министра по делам молодежи.

В Болгарии наибольшее вмешательство со стороны министерства в деятельность вузов прослеживается после 1952 г., когда были внесены изменения в закон о праве председателя КНИК назначать ректоров, проректоров и деканов [7. Чл. 6, 12].

Таким образом, ограничение академической свободы в обеих странах в первой половине 1950-х годов достигло своей кульминации, хотя основы коллегиальности, в лице общих собраний и ученых советов вузов (сенат в Польше и академический совет в Болгарии) в управлении системой высшего образования законодательство обеих стран сохранило. Однако коллегиальные органы приобрели “сотрудничающий” с ректором характер, утратили влияние на принятие решений и были поставлены под контроль партийных органов [6. § 12; 7. Чл. 8, 13].

Ликвидация независимости научного сообщества, выразившейся в вузовском самоуправлении, сопровождалась утверждением принципа единоначалия в управлении высшими учебными заведениями. После колебаний второй половины 1940-х годов законодательство обеих стран остановилось на трехлетнем пребывании на посту ректора и двухлетнем – декана. Анализ списков руководящих кадров в вузах в исследуемый период свидетельствует о том, что ректоры имели не только значительную власть, но и были обременены ответственностью. Первая половина 1950-х годов, в сравнении с предшествующим периодом, отличается большей стабильностью в сроках пребывания руководителей вузов на посту. Например, в 1948–1956 гг. Ягеллонским университетом управлял Т. Мархлевский. Только один раз смена руководства произошла в Познанском (К. Айдукевич, Е. Сушко), Лодзинском (Й. Халасиньский, Я. Шепаньский) и Софийском (Г. Наджаков, В. Георгиев) университетах [8. С. 323–324; 9. S. 235–239; 10. S. 15–16; 11. S. 29]. Таким образом, назначение ректоров не только подчиняло их центральной власти, но и обеспечивало независимость от академического плюрализма, а также повышало ответственность за действия по выполнению плана “производства специалистов”. Данная модель управления высшей школой советского образца соответствовала политическому режиму и задачам высшей школы в реализации проекта преодоления отсталости.

Вместе с тем в подборе руководящих кадров в вузы Болгарии и Польши прослеживаются различные тенденции. Если старое руководство Софийского университета очень быстро было заменено новым, послушным и некомпетентным [12. С. 16], то во главе польских вузов и в “период сталинизма” находились известные ученые, способные сохранять самостоятельную позицию. Так, в 1955 г. из 44 ректоров по сведениям ЦК ПОРП только 10 являлись членами партии [13. С. 18]. Новой чертой в руководстве системой образования в Болгарии и Польше после 1950 г. стала отраслевая раздробленность управления, отразившая общую тенденцию разветвления государственных структур. Так, медицинские, сельскохозяйственные, педагогические, художественные, театральные вузы, институты физической культуры в обеих странах были подчинены министерствам соответствующего ведомства. Например, в 1951 г. из 83 действовавших в Польше вузов 40 находилось в ведении Министерства высшего образования и науки, 10 – в ведомстве Министерства здравоохранения, 6 – Министерства просве-

щения, 18 – Министерства культуры и искусства, 2 – Главного комитета по физической культуре [14. С. 59–60]. Заложенная в начале 1950-х годов разобщенность управления, несмотря на требования подчинения вузов единому ведомству, сохранялась в Болгарии и Польше до конца социалистического периода.

Отраслевая диверсификация управления системой высшего образования была обусловлена идентичными структурными реформами высшей школы, которые были проведены в Болгарии и Польше в конце 1940-х – начале 1950-х годов и опирались на советский опыт.

Сущность реорганизации заключалась в дроблении университетов и создании на основе их подразделений самостоятельных высших учебных заведений. В Болгарии децентрализация университетов началась раньше, чем в Польше. Сразу же после принятия закона о высшем образовании 1948 г. из четырех факультетов Софийского университета (агрономического, зоотехнического, лесоводческого, ветеринарного) была создана Сельскохозяйственная академия [8. С. 29]. А в 1953 г. она была разделена на сельскохозяйственный и ветеринарный вузы. В Польше формирование высшей сельскохозяйственной школы началось с образования вуза в Ольштыне в 1950 г., а закончилась в 1955 г. созданием шестой по счету сельскохозяйственной школы в Люблине [15. С. 66–68].

Более оперативно в обеих исследуемых странах – в течение 1950/1951 учебного года организовывались медицинские институты из лечебных и фармацевтических факультетов университетов. Самостоятельными высшими учебными заведениями стали экономические и теологические факультеты польских и болгарских университетов. Профилизация и дробление охватили и другие типы учебных заведений. Например, политехнический институт в Софии в 1953 г. был разделен на четыре самостоятельных высших учебных заведения [16. № 47. С. 1–2]. Таким образом, в результате реорганизации произошло резкое разрастание вузовской сети. Так, если в 1948/49 учебном году в Польше действовало 59 вузов, то в 1954/55 – 84 [17. С. 395]. В Болгарии за этот же период численность вузов выросла с 12 до 20 [18. С. 351]. Очевидно, что расширение численности структурных подразделений сопровождалось ростом административного аппарата и бюрократии в системе высшего образования.

Следствием реформы явилось также доминирование в обеих странах специализированных институтов. Необходимость данных структурных изменений диктовали как задачи превращения высшей школы в “кузницу кадров” для обеспечения модернизационных процессов, так и политические мотивы, требовавшие снижения роли университетов, остававшихся центрами независимой мысли. В результате по традиционному университету, которой до конца 1940-х годов продолжал оставаться символом систем высшего образования Болгарии и Польши, был нанесен мощный удар. Участие университетов в подготовке специалистов снизилось. Кроме того, после 1949 г. начался процесс превращения университетов, как и других вузов, в высшие профессиональные учебные заведения, лишённые научно-исследовательских функций, которые перемещались в специализированные научно-исследовательские институты. Так, в 1951 г. в Болгарскую академию наук были переведены многие научные институты Софийского университета. Научно-исследовательские институты вузов в ПНР подчинила созданная в 1952 г. Польская академия наук. Разрушению единства академической науки в университетах способствовала и структурная реорганизация. Так, после отделения политехнического института от Вроцлавского университета в 1951 г.,

последний лишился направления обучения в области химии [19. S. 122–123]. Геологические кафедры Ягеллонского университета в 1952 г. были перенесены в Горно-металлургическую академию и т.д. [20. S. 188].

При определении концепций развития высшей школы в расчет больше не принимались интересы личности в удовлетворении потребностей интеллектуального развития. Университеты отстранялись от их традиционной роли национальных интеллектуальных центров, аккумулирующих и распространяющих общественные ценности. Утратив свой универсальный характер, как и другие вузы, они должны были стать производственными организациями по формированию профессиональной социалистической интеллигенции: учителей, журналистов, администраторов и т.д. При этом на практике основной задачей университетов стала подготовка педагогических кадров. Данная тенденция была особенно заметна в Болгарии. В 1952 г. КНИК развил идею о “двойных” учебных планах для всех специальностей университета. Одни должны были обеспечивать подготовку “педагогических” кадров, другие – специалистов “научного профиля”. В 1954 г. даже была выдвинута идея преобразования Софийского университета в педагогический институт [21. С. 287, 294]. Она не была реализована, но оставила глубокий след в выраженной педагогической направленности университета. В 1955 г. в учебные планы на всех специальностях университета были введены методика преподавания предмета (от 36 до 72 ч. в зависимости от специальности) и шестинедельная педагогическая практика. А на историческом факультете, после консультаций с советскими коллегами, педагогическая практика была добавлена еще на пятом курсе (по одному дню в неделю). Время, отведенное на изучение педагогических дисциплин, составляло на специальности “Русский язык и литература” 14% учебных часов [22. № 2. С. 1–6].

В ПНР в 1950-е годы больше всего пострадали Лодзинский, Люблинский и Торунский университеты, которые были причислены к последней группе по степени значимости. В Лодзинском университете, например, набор студентов с 1949 по 1955 г. уменьшился в три раза. Ставился даже вопрос о ликвидации “анемичного” вуза [11. S. 21–22]. Но и более сильные университеты, в сравнении с техническими вузами, заметно ограничивались в финансировании, испытывали не только уменьшение лимитов набора, но и интереса к ним абитуриентов. Так, например, в 1955/56 учебном году во Вроцлаве в университет подали документы 1151, а в Политехнический институт – 1960 абитуриентов [23. S. 171]. Этому университету, который в силу своего территориального расположения, имел более выгодные условия послевоенного старта, в 1950-х годах в решении материальных проблем не помогало даже присвоенное ему имя Б. Берута. Снижению престижа университетов способствовало создание в университетских центрах высших педагогических школ. Вместе с тем, несмотря на политику дискриминации в отношении университетов, в Польше их численность в первой половине 1950-х годов оставалась неизменной. В Болгарии, созданные в 1945 г. университеты, были перепрофилированы в специализированные вузы. В результате в стране с середины 1950-х до начала 1970-х годов функционировал только один университет – Софийский.

Поспешность преобразований, обусловленная интенсивными социальными и экономическими изменениями, не оставляла времени на поиск продуманных решений. В итоге в процессе реорганизации не придавалось существенного значения рациональному территориальному размещению вузов. Отпечаток централизма проявлялся в концентрации вузов в крупных промышленных городах. В

НРБ тенденция к смещению центра тяжести системы высшего образования в столицу носила более выраженный характер. 14 из 20 вузов и более 80% студентов в первой половине 1950-х годов были сосредоточены в Софии. Бесспорно, что данная ситуация провоцировала проблемы последующего распределения специалистов. В Польше относительной децентрализации сети вузов способствовало разрушение Варшавы во время войны. Но и в этой стране 14 из 78 вузов, в которых обучалась четверть польских студентов, действовали в 1955/56 учебном году в столице.

Реструктуризация внесла хаос в учебный процесс. Центральная власть часто фетишизировала реорганизационные постановления, поддаваясь соблазну, что их формальное действие даст требуемые и ожидаемые результаты. Организаторы реформы, усердно копируя советскую модель, старались отличиться количественными показателями. Созданные факультеты и специальности закрывались, перемещались из вуза в вуз, либо расформировались. Так, в 1952/53 учебном году в Болгарии насчитывалось восемь технических и восемь сельскохозяйственных факультетов, в 1953/54 – десять и пять, а в 1956/57 – семь и четыре соответственно [24. С. 114]. Частые изменения создавали ощущение нестабильности в преподавательской среде [9. С. 371]. Студенты чувствовали себя “подопытными кроликами” [25. С. 57].

Прямым следствием институциональной реформы в польских университетах явилось вынужденное дробление оставшихся малочисленных факультетов. О больших организационных изменениях свидетельствует тот факт, что, например, только в Ягеллонском университете в 1945–1956 гг. было создано 54 новые кафедры, ликвидировано 25, переименовано 53 и объединено 11 организационных подразделений [20. С. 206].

Интенсивный процесс создания факультетов и кафедр в первой половине 1950-х годов сопровождался появлением новых специальностей: в Болгарии существовало 150 специальностей, а в Польше их число достигало 200 [26. № 3. С. 4; 27. № 5. С. 37]. При этом половина (99 в 1954 г.) относилась к техническим специальностям, тогда как до войны в Польше их насчитывалось лишь 24 [14. С. 54]. Тенденция к дифференциации специализаций в системе высшего образования была обусловлена подчинением структуры обучения решению социально-экономических задач модернизации. Определение номенклатуры специальностей в конце 1940-х годов перешло от вузов к централизованным государственным органам, которые широко использовали советский опыт. Как полагали в Болгарии высшая школа должна была готовить не просто специалистов, а “высококвалифицированных специалистов”, которых отличало наличие обширных знаний в конкретной области [26. № 1. С. 20, 38].

Широкие потребности в специалистах разнообразного профиля, отсутствие времени на профессиональную адаптацию специалиста на рабочем месте стали главными побудительными мотивами к увеличению количества специальностей. Следовательно, главными инициаторами подготовки специалистов “узкого профиля” были руководители предприятий, выдвигавшие свои предложения перед руководством высшим образованием. Дело доходило до требований подготовки инженеров-технологов по томатному пюре, фруктовым сокам, желе и т.п. [26. № 4. С. 24]. Свой отпечаток на формировании номенклатуры специальностей оставили сокращение сроков обучения, введение ступенчатого образования, появление форм обучения без отрыва от производства. Поддерживали расши-

рение спектра специальностей и сами вузы, которые получали возможность новых инвестиций и дополнительных преподавательских мест.

Таким образом, реорганизация рубежа 1940–1950-х годов положила конец продолжавшей реализовываться после войны концепции широкого, общего, универсального высшего образования и заложила основы узкой профилизации обучения в вузах. Несмотря на то, что со второй половины 1950-х годов с высоких трибун все чаще звучали требования сокращения количества специальностей, узкую специализацию обучения высшей школе Болгарии и Польши не удалось преодолеть до конца 1980-х годов.

Быстрый промышленный подъем сопровождался острым дефицитом квалифицированных специалистов, в первую очередь, для производственной сферы. При этом следует учитывать, что задачи модернизации в отсталой аграрной Болгарии стояли гораздо острее, чем в Польше, а отсутствие традиций высшего технического образования требовало больших усилий высшей школы при выполнении государственных заданий. Но и в Польше в 1950 г., по выражению Б. Берута, в отношении хозяйственных и инженерно-технических кадров ощущался “настоящий голод” [28. С. 317]. Смена властных элит в результате установления власти коммунистических партий, привела к резкому снижению профессионализма и образовательного уровня руководящих кадров. Только 2.51% членов БКП к концу 1949 г. имели высшее образование [28. С. 145]. Дополнительные стимулы для развития высшей школы создавали репрессии в отношении старой довоенной интеллигенции.

Потребность в производстве максимального количества специалистов в минимальные сроки привела к реорганизации внутренней структуры обучения. В Польше с 1948/49 учебного года начала вводиться двухступенная система обучения на технических, сельскохозяйственных, университетских специальностях, за исключением медицины и психологии. Первая ступень, длительностью в три с половиной года, ориентированная на профессиональную подготовку, занимала господствующее положение в польской системе высшего образования до 1954 г. Занятия на второй ступени, дающей титул магистра или магистра-инженера, получили право проводить немногие вузы [29. С. 25]. Но эксперимент оказался неудачным. Снижение уровня подготовки специалистов стало причиной отказа от первой ступени и возвращения к пятилетнему сроку обучения.

Вместе с тем, несмотря на растущие потребности в специалистах, в сравнении с предшествующим периодом, появились признаки торможения процессов расширения студенческого контингента. Особенно заметным было уменьшение студентов в Болгарии, где с 1948/49 до 1951/52 учебного года количество студентов сократилось с 39 221 до 29 417 человек, а к показателю 1948/49 г. численность студентов вернулась только в 1957/58 учебном году. Общий баланс численности студентов в польских вузах до середины 1950-х годов оставался положительным, хотя прослеживается незначительное снижение численности студентов с 141 706 в 1951/52 учебном году до 131 297 в 1952/53. В результате Польша (57) в 1955/56 учебном году обогнала Болгарию (48) по количеству студентов на 10 000 человек населения [17. С. 400; 30. С. 561]. Однако динамика численности студенческого контингента и в этой стране перестала носить прямолинейный характер, а темпы прироста замедлились.

Несмотря на несинхронность процессов в Болгарии и Польше, очевидны общие тенденции контроля над численностью студентов. Государство, национализировавшее высшую школу, при ограниченных финансовых ресурсах вынужде-

но было перейти к регулированию потока абитуриентов по специальностям в жестком соответствии со своими потребностями, используя систему приема и формы обучения.

Лавинообразный приток студентов в вузы, прослеживающийся с окончания войны был прекращен. В частности, в 1953/54 учебном году в болгарские вузы было принято 9256 чел, в 1954/55 – 7460, в 1955/56 – 6710 [24. С. 137]. Однако при общей тенденции к уменьшению студентов ситуация значительно дифференцировалась в зависимости от направления обучения.

Поскольку ключевым пунктом социалистического проекта “догоняющей” модернизации явилась индустриализация, первоочередной задачей в Болгарии и Польше 1950-х годов стала подготовка инженерно-технических кадров. Но различие в стартовых условиях модернизации обусловило более высокие темпы развития польской высшей технической школы в сравнении с болгарской в исследуемый период. В 1948/49 – 1956/57 учебных годах, при общем уменьшении студенческого контингента, численность студентов инженерно-технических специальностей в Болгарии возросла более чем в два раза, с 4606 до 9645 человек, в Польше в три раза с 21 154 до 63536 [18. С. 351; 17. S. 398]. В итоге в ПНР в первой половине 1950-х годов будущие инженеры стали самой многочисленной группой студентов. В 1953–1955 гг. удельный вес учащихся на инженерно-технических направлениях обучения в общем составе студенчества достигал 40%. Если оценивать совокупную роль технических и сельскохозяйственных специальностей в структуре обучения на протяжении всей социалистической истории высшей школы Польши, то “период сталинизма” можно выделить как время наибольшего их развития. В 1955/56 учебном году больше половины студентов учились на этих специальностях. Болгария же до 1956 г. значительно отставала от Польши по развитию инженерно-технических специальностей, хотя доля студентов этой группы неуклонно возрастала. До 1952/53 учебного года ведущие позиции в структуре обучения в болгарских вузах сохраняли медицинские специальности. Но с 1953/54 учебного года будущие инженеры, достигнув 24% в составе студенчества, стали лидирующей группой учащихся. Вместе с тем НРБ, которая в первой половине 1950-х годов оставалась крестьянской страной, в два раза опережала в этот период Польшу по удельному весу студентов сельскохозяйственных специальностей. Так, в 1951/52 учебном году на сельскохозяйственных специальностях Болгарии учились 15.16% всех студентов, а Польши – 6.77%. В 1957/58 учебном году – 18.08% и 9.32% соответственно (рассчитано по: [17. S. 398; 31. С. 245]). О значении, придаваемом развитию сельскохозяйственных специальностей в Болгарии, говорит тот факт, что на них не распространялись существенные ограничения в приеме абитуриентов в период тотального сокращения студенческого контингента.

Поскольку образование, трактовавшееся в принятой концепции общественного развития как важнейшая общественная ценность и инструмент социального равенства, должно было стать всеобщим и доступным, в стратегии подготовки кадров с высшим образованием внимание акцентировалось на обучении учителей. Однако концентрация сил на обеспечении специалистами отраслей, имеющих решающее значение для процессов модернизации, при недостаточности ресурсов, неизбежно вело к остаточному принципу подготовки специалистов в других сферах. И в Болгарии, и в Польше, где здравоохранение декларировалось как социальная гарантия, начала проявляться тенденция к уменьшению подготовки кадров на дорогостоящих медицинских специальностях. Если в

1948/49 учебном году удельный вес изучавших медицину составлял 21.5% всех болгарских студентов и 17.6% польских, то в 1954/55 учебном году – уже 15.6% и 15.7% соответственно (рассчитано по: [17. S. 398; 31. С. 245]). В Болгарии на фоне общего уменьшения численности студенческого контингента сокращение студентов медицинских специальностей с 7997 в 1950/51 учебном году до 5264 в 1954/55 было особенно заметно.

Наибольшей дискриминации в первой половине 1950-х годов подверглись гуманитарные направления обучения в университетах. Так, в Лодзинском университете в этот период из 14 гуманитарных специальностей осталось только три: история, польская и российская филология [11. S. 21]. На гуманитарном факультете Торуньского университета – две из 12 [32. S. 15]. Среди закрытых в 1950-е годы специальностей были археология, классическая филология, германистика, романистика, педагогика, философия, психология, социология. Целенаправленно сокращалось количество студентов на иностранной филологии. Властные структуры не без основания полагали, что знание иностранных языков открывает дорогу к культуре Запада, а незнание – закрывает [33. S. 126, 261]. Подобные тенденции в развитии гуманитарных направлений обучения прослеживались и в Болгарии.

Особое отношение было у властных структур обеих стран к юридическим факультетам. По заявлению Г. Димитрова юридическая специальность не имела перспектив, потому, что в будущем люди перестанут судиться, а конфликты между лицами и учреждениями будут решаться общественным путем, как в СССР [34. С. 363]. Юридические факультеты больше не рассматривались как источник кадров управленческих структур. Для подготовки руководящих работников были предназначены специальные учебные заведения, такие, например, как Высшая партийная школа при ЦК БКП или Высшая школа общественных наук в Варшаве, а также технические вузы, где формировалась технократия – управленческая прослойка, характерная для индустриального общества.

Будущие юристы в первой половине 1950-х годов стали самой немногочисленной профессиональной группой студентов в Болгарии. Например, если до войны право изучали 18.4% болгарских студентов, в 1948/49 учебном году – 14.32%, то в 1953/54 – только 2% (рассчитано по: [31. С. 245]). Этот показатель сохранился и в последующие десятилетия. Не пользовалась юриспруденция расположением властей и в Польше. В 1953–1958 гг., например, был закрыт факультет права в Торуньском университете им. М. Коперника [33. S. 126]. В то же время темпы сокращения численности студентов этой специальности не были такими резкими, как в Болгарии. Польские университеты в условиях реструктуризации и уменьшения абсолютной численности студентов смогли сохранить долю юридических факультетов в подготовке студентов на уровне 30%. В итоге относительно высокий удельный вес студентов-юристов являлся отличительной чертой высшей школы Польши во всем социалистическом блоке.

В целом реформы профессиональной структуры высшего образования Польши отличались большей степенью амортизации советской модели, чем в Болгарии. Так, например, в начале 1950-х годов там функционировало 18 художественных вузов (театральных, музыкальных, изобразительного искусства), что, по мнению советских наблюдателей, значительно превышало “истинные потребности в такого рода кадрах”. Вызывало их возмущение и количество студентов, изучавших религию [28. С. 648, 649].

Таким образом, формирование профессиональной структуры высшего образования подчинялось социально-экономическим процессам, характерным для Болгарии и Польши первой половины 1950-х годов. Диспропорции в распределении студенческого контингента отражали неравномерность развития отдельных отраслей хозяйственной и социальной сферы. Однако престижность специальностей в общественном сознании не всегда совпадала с экономическими и политическими приоритетами государства. Так, в 1955/56 учебном году наибольший конкурс среди польских вузов был на гуманитарных специальностях университетов и в медицинских академиях [17. S. 422]. Студенты этих направлений, отличавшиеся лучшей подготовкой, происходили из более обеспеченных и образованных городских слоев. Исследование материального положения студентов варшавских вузов, проведенное С. Новаком в 1957/58 учебном году показало, что среднемесячный доход семей учащихся Варшавского университета на 14.3%, а медицинской академии – на 10.5% выше среднего показателя (рассчитано по: [35. S. 57]).

Необходимость изменения пропорций на отдельных направлениях обучения и ограниченные финансовые ресурсы для сферы образования у государств, совершавших “большой скачок” к индустриальной цивилизации, требовали преодоления стихийности процессов формирования студенческого контингента. Отбор в вузы наиболее способных, усердных, амбициозных, морально и физически здоровых молодых людей обеспечивал максимальную эффективность использования их в качестве специалистов. Оформившаяся после 1948 г. система лимитированного приема в вузы на конкурсной основе, ориентированная на потребности рынка труда, имела свои отличительные черты. Она мало учитывала интересы и наклонности кандидатов, но концентрировала внимание на формальных критериях. В частности, в централизованно разрабатываемых правилах приема в вузы акцент в оценке кандидатов был перемещен с показателей успеваемости в средней школе на вступительные экзамены.

Высшая школа должна была стать институтом формирования сторонников и будущих элит политического режима. Требование учитывать общественную активность абитуриента было закреплено польским законом о высшем образовании 1951 г. При этом к вступительным экзаменам не допускались абитуриенты без направлений школьных и поветовых квалификационных комиссий [6. §§ 3, 10].

Еще большее значение морально-политическим критериям отбора придавалось в Болгарии, в вузы которой после войны не допускались лица “с фашистскими и другими антинародными” взглядами [36. S. 5]. Напротив, были определены привилегии для особой категории “антифашистской молодежи”, которые с течением времени утвердились как пожизненные, а в ряде случаев могли передаваться по наследству. Согласно закону о высшем образовании 1948 г. все сведения о кандидатах заверялись местными народными советами, без согласия которых документы у абитуриентов не принимались [37. Чл. 40, 41].

Начиная с 1947 г. важную роль в процессе отбора абитуриентов стал играть фактор социального происхождения. Властные структуры Польши и Болгарии стремились увеличить образовательные возможности для выходцев из низших слоев населения и сократить их для бывшей социальной верхушки. Это соответствовало целям дестратификации общества и трудовой этике социализма. Кроме того, считалось, что студенческая молодежь, происходящая из рядов интеллигенции или предпринимателей, в большей степени подвержена воздействию со стороны реакционной, т.е. антисоциалистической буржуазной идеологии. “Кого следует принимать в вузы, – вопрошала болгарская коммунистка Цола Драгойчева, – тех, кто имел деньги на частные уроки, или ...сыновей и дочерей

народа, которые будут наиболее полезными Болгарии?” (цит. по: [34. С. 361]). Следовательно, в основу формирования студенческих коллективов в соответствии с документами V съезда Болгарской коммунистической партии (1948 г.), был положен социальный критерий. В январе 1950 г. было принято решение Политбюро ЦК БКП “О создании верной партии и народной власти социалистической интеллигенции”, постановившее в 1950/51 учебном году принять в вузы 30–40% молодых рабочих из числа ударников и рационализаторов производства [38. С. 154, 239]. В Польше установка на предоставление привилегированных трудовых социальных групп в вузах была еще выше – 60% [20. S. 212]. Этой цели подчинялись концепции развития вузов, такие, например, как модель “университета рабочего города” ректора Лодзинского университета Й. Халасиньского [39. S. 36–37]. На обеспечение заданных пропорций была направлена сложная конкурсная процедура набора в вузы, в которой решающий голос имел представитель министерства.

На расширение доступа к высшему образованию материально необеспеченных групп населения были направлены программы стипендиальной и других видов социальной помощи студентам, что давало к тому же и гарантии размещения выпускников в соответствии с государственными нуждами. До середины 1950-х годов по размаху стипендиальной помощи Польша значительно опережала Болгарию. В 1954/55 учебном году 72.9% польских студентов имели возможность получать стипендии, а в Болгарии этот показатель не превысил 43% [40. S. 417; 18. С. 353]. Бесспорно, что в сравнении с 3% довоенных обладателей стипендий прогресс был налицо и в этой стране, но период “сталинизма” для польского студенчества, с точки зрения государственной материальной поддержки оказался самым благоприятным. Вернуться к показателям охвата стипендиальной помощью первой половины 1950-х годов системе высшего образования Польши до момента крушения социализма так и не удалось.

Результативность политики по модификации социальной структуры студенчества в Болгарии и Польше была обусловлена наличием благоприятных условий для ее проведения. Тяга к образованию у превратившихся в привилегированные в эпоху социализма слои населения была предопределена традициями: ориентацией на социально-нравственные ценности дворянства в польском обществе и крестьянскими представлениями о превосходстве “чистого” труда и городской жизни – в болгарском. [41. S. 43, 44].

В 1949 г. лица рабочего и крестьянского происхождения в числе первокурсников польских вузов достигли 58% [14. S. 56]. Но их пропорции в составе студенчества различались в зависимости от типа высшего учебного заведения. Удельный вес представителей этих групп населения в Польше был особенно высок в фаворизируемых властью, но непрестижных в обществе, политехнических и педагогических институтах. Университеты, традиционно стоящие в оппозиции к власти, как правило, не выдерживали директивных пропорций социального состава учащихся. Но в первой половине 1950-х годов процессы демократизации студенчества отличались интенсивностью и в этой группе вузов. В Ягеллонском университете в 1952/53 учебном году рабочие составили 30.8%, а крестьяне – 26.7% [10. S. 214]. В Болгарских вузах эти социальные группы в 1952/53 учебном году составляли 29.3%, а в 1953/54 – уже 54.6% от общего числа студентов [31. С. 247]. Несмотря на последующее снижение этого показателя, курс на обеспечение ведущей роли рабоче-крестьянской молодежи в этой стране оказался более устойчивым, чем в Польше.

Подчинение высшей школы трансформирующимся потребностям общественного прогресса выразилось не только в изменении внешней структуры выс-

шей школы, но и в поиске новых форм и методов обучения. Наиболее ярко проявление этих процессов проявилось во внедрении на рубеже 1940–1950-х годов в системах высшего образования Болгарии и Польши форм обучения без отрыва от производства, практиковавшихся в СССР с 1923 г. Использование советского опыта в исследуемый период позволяло получить максимальный эффект, поскольку решало сразу несколько насущных проблем, стоящих перед высшей школой. Более дешевое для государства заочное обучение открывало перспективы удовлетворения увеличивающегося по мере составления новых грандиозных планов спроса на квалифицированные кадры и предоставило рабочим и крестьянам огромные возможности для продвижения по ступеням социальной лестницы. Предпочтение, которые отдавали представители этих социальных групп отделениям для работающих, было обусловлено их стремлением к ранней самостоятельности, а также большей доступностью в процессе отбора в вузы. Кроме того, важной причиной развития форм обучения для работающих стало характерное для представителей первого социалистического аппарата управления отставание уровня образования от социального и профессионального статуса. К началу 1950-х годов из высших эшелонов власти были вытеснены опытные руководящие кадры, получившие образование до войны в Западной Европе. Поэтому характерной чертой послевоенной эпохи явилось стремление управленческих кадров к восполнению образования в процессе профессиональной карьеры. Обучение без отрыва от производства также могло решить проблемы тех, кто не смог получить высшего образования до и во время войны и, следовательно, закрыть военный “образовательный люк”.

Заочное и вечернее образование в Болгарии и Польше появилось практически одновременно – в конце 1940-х годов. Однако формы и направления обучения в этих странах в момент возникновения существенно различались. Так, в Болгарии первыми в 1948 г. были организованы трехлетние заочные отделения в Софийском университете, которые были ориентированы на подготовку учителей [26. С. 45]. В следующем году, согласно постановлению Совета министров, студенты дневных отделений, не имеющие возможности регулярно посещать занятия, могли перейти на открытые на всех факультетах университета заочные. В 1949/50 учебном году такой выбор сделали 1198 человек [31. С. 245]. Таким образом, особенностью первого набора студентов-заочников в Болгарии было то, что они не имели производственного стажа. Следовательно, основным мотивом организации заочных отделений была необходимость повышения рентабельности обучения и уменьшения отсева студентов. На инженерно-технических специальностях болгарских вузов первые работающие студенты появились только в 1953/54 учебном году. Тогда же в Болгарии открылась возможность получения образования экстерном, предусматривавшая самостоятельное изучение материала и сдачу экзаменов без присутственных занятий [16. № 39. С. 2–3]. Но вечернего обучения в этой стране не было до 1960 г.

В Польше, наоборот, сначала возникли вечерние формы обучения с целью подготовки технических кадров с высшим образованием. Инициатива формирования вечерних курсов принадлежала Товариществу польских инженеров и механиков. Первая вечерняя инженерная школа была открыта в 1948 г. в Варшаве [14. S. 54]. Эта особенность отличала Польшу не только от Болгарии, но и от других социалистических стран. В 1951 г. вечерние вузы получили одобрение министерства высшего образования и науки, были разработаны основы набора на вечерние отделения [42. № 40. Poz. 305. S. 378–379]. Открылись вечерние инженерные школы в Кракове, Лодзи, Быдгощи, Познани, Гданьске, Радоме, Вроцлаве [42. № 25. Poz. 186. S. 230]. Заочные отделения в технических вузах

Польша возникли только в 1954 г. Несколько раньше – в начале 1950-х годов – они появились в высших сельскохозяйственных школах [15. S. 73]. Однако в целом для заочного обучения в польских вузах, в сравнении с другими формами (экстернатом и вечерним образованием), было характерно запоздалое развитие. При этом заочные отделения университетов в первой половине 1950-х годов ограничивали свою деятельность подготовкой юристов, выдавая дипломы работникам Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры, военного суда, Министерства общественной безопасности и милиции [43. S. 17]. Раньше всего заочники-юристы появились в Варшавском университете в 1951 г., а в 1954–1955 гг. подобные отделения были открыты в других университетах [9. S. 370; 23. S. 164; 20. S. 210].

Обучение без отрыва от производства получило динамичное развитие. Заочные и вечерние курсы пользовались большой общественной популярностью. Если в 1950–1951 г. в вузах Болгарии числилось 2 851 студент-заочник (9.46% от общего состава), то в 1955/56 – 5 314 человек (16.74%) [31. С. 245]. Отметим, что уменьшение числа студентов в начале 1950-х годов в Болгарии происходило за счет дневных отделений, тогда как численность заочников возрастала. Польская высшая школа, которая в 1951/52 учебном году еще отставала от Болгарии по масштабам обучения работающих (6.06%), к середине 1950-х годов прочно вышла на лидирующие позиции. В 1955/56 учебном году в вузах Польши без отрыва от производства обучалось 23.7% студентов. В дальнейшем инкорпорированные “сталинской” эпохой в структуру высшего образования формы обучения студентов без отрыва от производства получили в Польше еще более благоприятные условия для развития. В отличие от высшей школы Болгарии, сконцентрировавшей внимание на заочном обучении, формы обучения студентов в Польше оказались более диверсифицированными. Значимым компонентом системы высшего образования ПНР стал экстернат. В 1955/56 учебном году экстерны составляли 38.6% работающих студентов (рассчитано по: [40. S. 339]).

Превращение высшей школы в производственную организацию по выпуску специалистов потребовало реорганизации учебного процесса. Поскольку прием производился в соответствии с народнохозяйственными планами, основным препятствием на пути их выполнения становился отсев студентов в процессе учебы.

Во второй половине 1940-х годов, в соответствии с довоенными традициями, продолжали действовать свободные формы организации учебного процесса, которые позволяли студенту самому выбирать предметы, определять сроки экзаменов и, следовательно, не регламентировали сроки пребывания в вузе. Сохранялся институт вольных слушателей, для которых ценность представлял не диплом, а процесс приобретения знаний. В результате во второй половине 1940-х годов при огромном наплыве студентов большим был и отсев. Из числившихся в 1945–1949 гг. студентов Ягеллонского университета дипломы получили только 41.1% [44. S. 198]. А из 3000 студентов первого послевоенного набора медицинского факультета Софийского университета окончили вуз только 30% [22. № 2. С. 55].

Но курс на максимальную рентабельность функционирования высшей школы, принятый на рубеже 1940–1950-х годов требовал устранения диспропорций на “входе” и “выходе” системы. Реальную возможность решения этой задачи обеспечивала реорганизация учебного процесса. Болгарский закон о высшем образовании 1948 г. установил сроки экзаменационной сессии и ограничил предельные сроки сдачи экзамена тремя сессиями [37. С. 30]. Аналогичные процессы начались в 1949 г. в Польше. Выступая на конференции ректоров в 1951 г.,

министр А. Рапацкий заявил, что “учеба перестала быть частным делом студентов”. В итоге в первой половине 1950-х годов был совершен перелом в ходе учебного процесса в высшей школе, выразившийся в массовой явке студентов на экзамены. В 1953/54 учебном году 95% польских студентов успешно выполняли учебный план в установленные сроки [45. С. 5]. Однако ломка традиционной системы обучения, в основе которой лежала самодисциплина студентов, вызвала сопротивление преподавателей польских вузов. Особенно заметным оно было в Варшавском и Торунском университетах с сильными позициями старой профессуры [28. С. 649].

Для повышения эффективности обучения использовались методы соответствовавшие духу времени. Как и на производственных предприятиях, шла борьба за усиление дисциплины, организовывались коллективы взаимопомощи, проводились “производственные совещания” научных работников и студентов. Использование советского опыта в Польше привело к утверждению новой формы организации студентов в процессе обучения – групп из трех человек, состав которых утверждался администрацией. В 1948/49 учебном году в вузах действовало 1400 таких “троек”, объединявших 21 тысячу студентов, а в 1950 г. насчитывалось уже 2650 кружков и 40 тысяч членов [46. С. 148].

Для учебного процесса в высшей школе в период ускоренной модернизации по “сталинскому” образцу, как и в других сферах жизни, было характерно подчинение воли отдельной личности государственным интересам. В обеих странах было введено строго контролируемое обязательное присутствие студентов на всех занятиях. Требование посещения лекций и семинарских занятий было закреплено нормативными документами [47. Чл. 49; 48]. Для контроля над посещаемостью и успеваемостью студентов вводились студенческие книжки и дневники. За нарушение порядка и дисциплины законодательство предусматривало разные виды наказаний вплоть до отчисления.

Если обязательное посещение занятий в Софийском университете практиковалось до войны и было закреплено в переходном законе о высшем образовании 1947 г., то польская академическая среда переживала процесс резкого ограничения свободы достаточно болезненно. Постановления об учебной дисциплине с молчаливого согласия преподавателей нарушались. Особенно упорно не подчинялись новым требованиям обязательного посещения занятий студенты старших курсов. В 1952 г. около 50% анкетированных студентов Ягеллонского университета прошли через дисциплинарные комиссии [46. С. 145, 148, 152].

Поэтому, в отличие от Болгарии, уже в 1954 г. требования к студенческой дисциплине в Польше были смягчены, а после 1956 г. посещение занятий перестало носить непреложный характер. Однако проблема прекращения оттока студентов в процессе обучения сохраняется в обеих странах. Начавшееся в ПНР после 1953 г. сокращение удельного веса студентов, сдающих экзамены в установленные сроки до 81% в 1957/58 учебном году вызывало значительное беспокойство министра образования С. Жолкевского [45. С. 5].

Следствием борьбы за выполнение плана по выпуску специалистов явились формализация и бюрократизация процесса обучения. Тот факт, что отсеб стал главным показателем учебного процесса, провоцировал снижение требований к студентам со стороны преподавателей. Например, в зимнюю сессию 1954/55 учебного года из 2536 студентов Вроцлавского университета только 29 не было допущено к сессии, а 300 получили неудовлетворительные оценки [23. С. 170].

Унификация учебных планов и программ, которые стали разрабатываться центральными органами, сопровождалась значительными изменениями в содержании обучения, ориентированном на советские образцы. Прогрессирующая

специализация вела к увеличению изучаемых дисциплин, и, следовательно, экзаменов. “От малого количества больших экзаменов перешли к большому количеству малых экзаменов”, – метко подметили польские студенты [49. S. 42]. Плюрализм мнений преподавателей заменила истина в учебнике, изданном централизованно. Сложная задача тотального обновления старых “буржуазных” учебников на новой методологической основе облегчалась переводами советских авторов. В 1952–1953 гг. в Болгарии было переведено 109 советских пособий, что составило более четверти всех вышедших из печати учебников [26. № 3. С. 8]. Наибольшему советскому влиянию подвергались формирующие идеологию дисциплины. До 1956 г. студенты исторических специальностей и в Болгарии, и в Польше занимались по советским учебникам, среди которых популярными были “Педагогика” Каирова, “История Древнего Рима” Машкина и др. В реорганизации внутренней структуры гуманитарных факультетов использовались советские паттерны. Например, в 1953/54 учебном году совет фило-софско-исторического факультета Вроцлавского университета принял постановление о формировании вместо действующих кафедр истории Польши и всеобщей истории – пяти, в соответствии с социально-экономическими формациями (Древнего мира, раннего феодализма, позднего феодализма, капитализма, империализма) [23. S. 163]. Советский облик придавало процессу обучения введение на рубеже 1940–1950-х годов новых предметов: физического воспитания, русского языка, а в Польше также и военной подготовки. В то же время количество часов на изучение западных иностранных языков либо сокращалось, либо они переводились на факультативное обучение.

Основная роль в формировании системы ценностей социалистической интеллигенции была отведена новым идеологическим дисциплинам, введенным во всех без исключения вузах Болгарии и Польши. Особенно широк был их диапазон в болгарских вузах, копировавших советские программы. С 1948 г. болгарские студенты изучали политэкономии, марксистскую философию и историю КПСС. В 1954 г. был добавлен курс истории БКП. Во всех польских вузах в начале 1950-х годов были созданы кафедры политической экономии и основ марксизма-ленинизма [42. № 31. Roz. 244. S. 278]. Однако они были наименее обеспечены кадрами. Как сообщали сотрудники советского посольства, на них “или вообще нет преподавателей, или в этой роли подвизаются сомнительные личности” [28. С. 648]. В перечне учебных курсов, читаемых в Варшавском университете в 1950/51 учебном году места преподавателей идеологических дисциплин в основном оставались вакантными [50]. Уровень знаний и методическая подготовка магистров, за счет которых происходило комплектование кафедр, диссонировали с компетенцией профессоров старой школы, преподававших специальные дисциплины [25. S. 52–55]. Аналогичная ситуация прослеживалась и в Болгарии, несмотря на то, что возможность подготовки соответствующих кадров в СССР использовалась в этой стране более активно [28. S. 185]. Если учебная и научная продуктивность преподавателей марксистской философии была относительно приемлема, то квалифицированных преподавательских кадров по истории КПСС и БКП абсолютно не хватало [22. № 4. С. 2–3].

Отсутствие кадров накладывалось на материальные проблемы. Характерный для системы высшего образования Польши недостаток учебных помещений отражался на идеологических дисциплинах в большей степени, чем на других предметах. В итоге занятия проводились в группах по 300 человек [46. S. 153]. В 1952 г. в Краковском университете из 8 000 студентов только 150 изучали теорию марксизма-ленинизма [28. S. 648]. Эти факты свидетельствуют и о сопротивлении польской академической среды перестройке учебного процесса.

Наиболее консервативными позициями отличались преподаватели старых академических центров, а также тех вузов, которые комплектовались профессорами Виленского и Львовского университетов. Так, не признавали новой методологии многие руководители кафедр Краковской и Лодзинской высших экономической школ [27. S. 648]. Краков стал центром сопротивления марксизму в исторической науке [51. S. 56–58].

Сохранению независимой позиции Ягеллонского университета способствовала его периферийность, многовековая академическая традиция, деятельность крупных научных авторитетов, таких как К. Михальский, В. Конопчинский [20. S. 190]. Индикатором отношения академической среды к новой власти и проводимым изменениям в системе высшего образования было членство в правящей партии. В 1948 г. партийные ячейки действовали только в 22 вузах из 56. При этом наименьшим был удельный вес членов партии среди краковской профессуры (1.7%) [13. С. 179–180]. Упорным неприятием новой власти отличалась также польская творческая интеллигенция. Из 60 человек профессорско-преподавательского состава в Варшавской высшей музыкальной школе в 1952 г. было только 3 члена ПОРП [28. S. 646].

Несмотря на большую заинтересованность власти в привлечении интеллигенции в партию, рост вузовских партийных рядов не был значительным и происходил в основном за счет студентов и ассистентов. В 1953 г. в Ягеллонском университете в партии числилось 415 членов, из которых 19 принадлежали к числу основных научных работников, 28 – вспомогательному составу, а 368 являлись студентами [20. S. 190].

Консерватизм старой профессуры в Польше осложнял процесс идеологической обработки преподавательского состава. В отличие от Болгарии, где потенциальные оппоненты были устранены из вузов в результате кампании по дефашизации еще во второй половине 1940-х годов, в Польше проводилась политика сохранения уцелевших во время войны научных кадров. В результате клубы демократической профессуры, сформированные в польских вузах на рубеже 1940–1950-х годов с целью идеологической интеграции преподавателей, сосредоточили свою деятельность не на дискуссиях вокруг марксистской теории, а на обсуждениях текущих учебных и материальных проблем [46. S. 150–151]. Однако и в этой стране в период максимального ограничения академической автономии подбор и расстановка кадров зависели от решений центральной власти. Так, профессоров старой школы Я. Гвядоморского и Г. Барыча перевели из Ягеллонского университета во Вроцлавский. В Кракове было запрещено преподавать выдающемуся философу Роману Ингардену, а в Торуньском университете отстранили от преподавания профессоров Гурского и Эльзенберга. Но ученые сохранили возможность публиковать свои труды. Из списков сотрудников вычеркивали неугодных ассистентов и адъюнктов, несмотря на то, что дефицит кадров сохранялся [20. S. 189; 33. S. 126, 261; 25. S. 37]. Так, только в 1953 г. все ассистенты Торуньского университета стали обладателями магистерских дипломов [32. S. 18]. Руководители подразделений выдвигались из молодых преподавателей, которые обязаны были проходить идеологическую подготовку и сдавать соответствующие экзамены в Варшаве. В итоге заметным было снижение профессиональных требований к кандидатам, которым поручались участки самостоятельной научной работы [9. S. 410].

Итак, на рубеже 1940–1950-х годов произошла трансформация традиционной системы высшего образования Болгарии и Польши в новые структуры, соответствующие задачам ускоренного перехода к современному индустриальному обществу. Реорганизация, в соответствии с духом времени, носила масштаб-

ный и комплексный характер. Она затронула все плоскости функционирования высшей школы от управления до содержания учебного процесса. Свидетельством трудностей адаптации советской модели высшего образования к потребностям национального ускорения в Болгарии и Польше является частое изменение законодательной базы и эксперименты в институциональной реорганизации. Ориентация на советские паттерны обусловила сходство исследуемых процессов в Болгарии и Польше. Образовательная политика характеризовалась централизацией, гипертрофированным стремлением к увеличению числа высших учебных заведений, радикальному изменению социального состава студентов. Однако заметны и различия в методах, формах и результатах реформы.

В отличие от Болгарии польская академическая среда сохраняла большую степень независимости. Выполнение новых предписаний чаще носило вынужденный ритуальный характер. Традиции, носителями которых были старые профессорские кадры, продолжали определять содержание и методы учебного процесса. Значение, придававшееся польским обществом консервации национальных культурных институтов, обусловило и большее внимание к решению материальных и кадровых проблем высшей школы. Более низкие стартовые социально-экономические позиции Болгарии не способствовали включению системы высшего образования в число приоритетов бюджетного финансирования в первой половине 1950-х годов. В силу этого по многим количественным параметрам болгарская высшая школа уступала польской.

После смены политического курса в октябре 1956 г. неприжившиеся элементы “сталинской” модели высшего образования (ликвидация выборности ректоров, идеологизация учебного процесса, жесткая учебная дисциплина, двухуровневая система обучения и т.д.) были отторгнуты. Хотя в Болгарии и Польше процессы проходили с разной степенью интенсивности, сущность системы в обеих странах осталась неизменной. Сформированные в первой половине 1950-х годов модели высшей школы Болгарии и Польши продолжали достаточно органично функционировать и в последующие десятилетия. Основной причиной их устойчивости была способность выполнять задачи по подготовке специалистов. Количество выпускников болгарских вузов в 1951–1955 гг. оказалось в два раза, а польских в 3.5 раза выше, чем в предшествующем пятилетии.

В исследуемый период 1948–1956 гг. системы высшего образования Болгарии и Польши удовлетворяли потребности государства не только в количестве выпускаемых кадров и профессиональном уровне их подготовки, но и в формировании системы ценностей образованной элиты. Последнему обстоятельству способствовали сохранение статусных различий в оплате труда и широкие возможности восходящей социальной мобильности через высшую школу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Коровицына Н.В.* Регион “догоняющей” модернизации: коммунистический и либерально-демократический опыт // Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
2. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. М., 2000. Т. 1. Становление “реального социализма” (1945–1965).
3. *Кьосева Ц.* Българо-съветските отношения. Пропаганда и конюнктура (1944–1949) // Исторически преглед. София, 1999. Кн. 1–2.
4. *Димитров Г.* Отечественият фронт, неговото развитие и предстоящите му задачи. Доклад пред втория конгрес на Отечествения фронт, 2 февруари 1948 г // *Димитров Г.* Съчтения. София, 1955. Т. 13.
5. Държавен вестник. София, 1948. № 56.

6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1952. № 6. Poz.38.
7. Известия на Президиума на Народното Събрание. София, 1952. № 64.
8. Софийски университет "Климент Охридски". 9 IX 1944 – 9 IX 1974. София, 1975.
9. Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. 1919–1969. Poznań, 1972.
10. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za lata akademickie 1945/1946 – 1955/1956. Kraków, 1971.
11. *Kita J., Pytlas S.* Uniwersytet Łódzki w latach 1945–1995. Łódź, 1996.
12. *Константинов Л.* 50 години строителство на СУ "Климент Охридски" (1940–1990). Спомени. София, 1993.
13. *Юсунов Р.Р.* Власть и интеллигенция. Из истории Польши XX столетия (1918–1980 гг.). Казань, 1996.
14. *Тытовски J.* Organizacja szkolnictwa wyższego w Polsce. Warszawa, 1980.
15. *Крусzyński W.* Wyższe szkolnictwo rolnicze w Polsce. Warszawa, 1985.
16. Известия на Президиума на Народното Събрание. София, 1953.
17. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1944/45 – 1966/67. Warszawa, 1967.
18. Статистически годишник на Народна република България. 1969. София, 1969.
19. *Rozynek J.* Z dziejów Politechniki Wrocławskiej (1945–1951) // Studia i materiały z dziejów Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 1995. Т. IV. Acta Universitatis Wratislaviensis. 1780.
20. *Stopka K., Banach A. K., Dybiec J.* Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego Kraków, 2000.
21. *Радева М., Донков Р. и др.* Университетът. София, 1999.
22. Висше образование. София, 1956.
23. *Wrzesiński W.* Uniwersytet Wrocławski. 1945–1995. Wrocław, 1995.
24. Образованието и науката в Народна република България. София, 1965.
25. *Michno-Zatorska Z.* Anegdoty, wspominki i refleksje z pierwszego ćwierćwiecza UMK. Toruń, 1996.
26. Висше образование. София, 1954.
27. *Mutermilch J.* Na marginesie artykułu "O profilowaniu szkół i wydziałów na politechnikach" // Życie Szkoły Wyższej. 1956. № 5.
28. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы. М., 2002. Т. 2. 1949–1953.
29. *Suleja T.* Uniwersytet Wrocławski w okresie centralizmu stalinowskiego. 1950–1955. Wrocław, 1995.
30. Статистически годишник на Народна република България. 1960. София, 1960.
31. Статистически годишник на Народна република България. 1959. София, 1959.
32. Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu. Toruń, 1981.
33. Uniwersytet Mikołaja Kopernika – wspomnienia pracowników. Toruń, 1995.
34. *Чичовска В.* Политиката срещу просветната традиция. София, 1995.
35. *Studenci Warszawy.* Studium długofalowych postaw i wartości. Warszawa, 1991.
36. Справочник за кандидат-студента за учебната 1951–1952 година. София, 1951.
37. Сборник от закон и правилници по висшето образование. София, 1949.
38. Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите, пленумите и политбюро на ЦК. София, 1955. Т. 4.
39. *Chałasiński J.* O socjalistyczną ideę uniwersytetu. Łódź, 1951.
40. Rocznik statystyczny. 1956. Warszawa, 1956.
41. *Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.
42. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1951.
43. *Wąsicki J.* Studia dla pracujących 1951–1965. Poznań, 1969.
44. *Perkowska U.* Studenci Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1945–1948/49. Kraków, 2001.
45. *Żółkiewski S.* Aktualne problemy szkolnictwa wyższego // Życie Szkoły Wyższej. 1958. № 10.
46. *Chodakowska J.* Rozwój szkolnictwa wyższego w Polsce Ludowej w latach 1944–1951. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1981.
47. Сборник закони, укази, постановления на Министерския съвет, правилници, наредби, инструкции, заповеди и др. по народната просвета. София, 1956.
48. Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. Warszawa, 1951. № A-91. Poz. 1256.
49. *Rybicki Z.* Uwagi o profilu absolwenta uniwersytetu // Życie Szkoły Wyższej. 1979. № 6.
50. Uniwersytet Warszawski. Skład Uniwersytetu na rok akademicki 1950–1951. Warszawa, 1951.
51. *Горизонтов Л.Е.* Методологический переворот в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6.

© 2006 г. В. А. ХОРЕВ

ТЕНЬ ВОЙНЫ В ПОЭЗИИ ТАДЕУША РУЖЕВИЧА

*Я с трудом продирался сквозь этот сон
передо мной стояла тень.*

Тадеуш Ружевич

1 сентября 1939 г. нападением Германии на Польшу началась Вторая мировая война. Годы войны и оккупации стали для польского народа национальной трагедией. Погибли миллионы поляков, почти четвертая часть населения страны. Гитлеровская оккупация на пять лет подавила все легальные формы культурной жизни в Польше. Были закрыты средние и высшие учебные заведения, национальные театры, издательства, журналы. Варварское уничтожение гитлеровцами Варшавы и других городов привело к безвозвратной потере многих библиотек, произведений искусства, памятников архитектуры. Драматически сложились и судьбы деятелей польской культуры. Были расстреляны, замучены в концлагерях, погибли от лишений тысячи писателей, художников, артистов, ученых.

Но литература не умолкла: и в оккупированной Польше, несмотря на жестокий террор и преследования, и за ее пределами издавались польские журналы и книги, действовали польские институты культурной жизни, прежде всего в Англии и СССР, где сложились польские политические и культурные центры (см. [1; 2]). Поляки, заброшенные во многие страны почти всех континентов, не были эмигрантами в обычном смысле этого слова. Более ста литераторов (считая только печатавшихся еще до войны) и не один миллион их читателей оказались за рубежом не по своей воле. Одни бежали от оккупантов, чтобы на разных фронтах продолжать борьбу с немцами, другие были депортированы, заключены в концентрационных и трудовых лагерях.

Своим творчеством в годы войны польские писатели опровергли старую максиму “*Inter arma silent muzae*” (При громе оружия музыки молчат – *лат.*). Создаваемые за рубежом или в оккупированной Польше произведения таких признанных поэтов, как Леопольд Стафф, Юлиан Тувим, Владислав Броневский, Антоний Слонимский, Казимеж Вежиньский, Чеслав Милош, Мечислав Яструн, Станислав Балиньский и многие другие, пересекали фронты и границы и пользовались огромной популярностью у читателя. На первое место в годы

Хорев Виктор Александрович – д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН.

войны выдвигается патриотическая гражданственная поэзия. “Смысл тогдашней поэзии заключался в выражении явных, непосредственных чувств с возможно максимальной экспрессией, – писал позднее К. Вежинский. – Мы не скрывали и не стыдились своей страстности. Мы не искали для нее псевдонимов, нам претили аллюзии. Чтобы передать огромные бурные эмоции, порожденные эпохой, нам требовались выразительные средства. Мы верили в слово, в человека, в жизнь, в исполнение мечтаний всего народа” (цит. по [3. S. 35]).

Кроме того, в годы войны в Польше дебютируют молодые писатели, родившиеся около 1920 г.; позднее критики назвали их поколением “Колумбов, год рождения 20” (по названию романа Р. Братного): Кшиштоф Бачиньский, Тадеуш Боровский, Тадеуш Гайцы, Анджей Тшебиньский, Здзислав Строиньский, Вацлав Боярский, Тадеуш Ружевич и др. Их стихотворения публиковались в нелегальной печати, в подпольных сборниках и антологиях (библиография нелегальных изданий Польши в 1939–1945 гг. насчитывает около 1500 названий) (см. [4. S. 268]). Большинство этих молодых авторов, творческий путь которых только начинался, погибли во время диверсий против гитлеровцев или в Варшавском восстании 1944 г. (Бачиньский, Гайцы, Тшебиньский, Строиньский, Боярский). В 1944 г. гестапо расстреляло и Януша Ружевича, поэта и офицера подпольной Армии Крайовой, старшего брата Тадеуша Ружевича. Много лет спустя Т. Ружевич в книге “Наш старший брат” (1992) опубликовал три десятка стихотворений, его эссе, фрагменты дневника и письма брата; ему посвящены и многие произведения самого Т. Ружевича. А. Подбельская считает, что личность Януша оказала большое влияние на брата (хотя и не аргументирует этого тезиса): “Януш, живой и мертвый, определил все творчество Тадеуша” [5. S. 271].

Что же открыли польские “Колумбы” военного поколения? Т. Ружевич так ответил на этот вопрос: “Мы открыли страшную тайну, спрятанную под покровом культуры, цивилизации и всего того, чему учили нас в школе. Мы открыли, что *Ното sariens* – непредсказуемый монстр, чудовище! ... Мы открыли ад на земле...” [6. S. 78–79].

За датой каждого стихотворения молодых литераторов стояли концлагеря, пытки, облавы, расстрелы, смерть. По словам К. Выки, в отличие от поэтов других поколений, для “генерации оккупационной молодежи” испытание оккупацией стало “основой формирования собственного мировоззрения, морали и творческого воображения” [7. S. 44]. Главной чертой их поэзии – при всех мировоззренческих и художественных различиях авторов – является мартирология поляков в борьбе с уничтожением жизненных ценностей и достоинства личности тоталитарными режимами.

Ярчайшим представителем этого поколения является Тадеуш Ружевич, творчество которого в значительной степени определило развитие польской поэзии и драмы второй половины XX в.¹

Ружевич родился в 1921 г. в небольшом городке Радомско, где учился в средней школе. В 1938 г. на страницах молодежных газет он опубликовал первые стихи. В начале войны был рабочим, в 1942 г. окончил подпольные военные курсы и в 1943–1944 гг. в звании капрала воевал в партизанском отряде Армии Крайовой, сотрудничал с подпольной печатью, в 1944 г. издал (под псевдонимом

---

¹ Из обширной литературы о жизни и творчестве Т. Ружевича наиболее обстоятельными являются монографии [8; 9].

Сатир) на гектографе сборник стихотворных и прозаических произведений “Лесные эха” (сборник переиздан в 1985 г. [10]). После войны Ружевич завершил среднее образование, изучал историю искусства в Ягеллонском университете в Кракове, печатался в журналах, в 1946 г. в Ченстохове вышел сборник его сатирических стихотворений “В ложке воды”.

Но подлинным поэтическим дебютом явился сборник стихов Ружевича “Беспокойство” (1947). Эта книга, а затем и вышедшая в 1948 г. “Красная перчатка” свидетельствовали о появлении в польской поэзии выдающегося художника, новатора. Дело не только в необычности формы и актуальности антифашистской темы. Поэзия Ружевича выделялась в морально-философском аспекте: этической оценкой явлений и фактов трагических для Польши лет войны и повседневной послевоенной жизни. Опустошения в человеческой душе, совершенные войной, чувство моральной ответственности за судьбы человечества, ощущение тревоги и поиски выхода из разъединенности людей в современном мире – эти основные темы творчества Ружевича прозвучали уже в его первых поэтических книгах.

Чеслав Милош на поэтический дебют Ружевича откликнулся стихотворением “Тадеушу Ружевичу”, в котором писал:

Счастлив народ у которого есть поэт
в трудах своих он не останется безъязыким.

«Дебют Ружевича, – по словам известного критика Петра Кунцевича, – был для послевоенной поэзии тем же, чем “Баллады и романсы” Мицкевича для первой половины девятнадцатого века» [11. S. 179].

С тех пор слово Ружевича стало одним из наиболее весомых в польской культуре. Со времени его дебюта прошло почти шестьдесят лет, но по-прежнему каждая новая книга Ружевича оказывается событием в литературной жизни Польши. Вышли в свет десятки сборников его стихов, рассказов, драм, очерков, статей, киносценарии. Имя Ружевича получило мировую известность, польская критика справедливо причисляет его к “классикам мировой литературы” [12. S. 62].

Ружевич так вспоминал о начале своего творческого пути: “Исторический опыт, вынесенный мною из войны, оккупации, из непосредственного столкновения с гитлеризмом, фашизмом, толкал меня в направлении материализма, реализма, социализма, а не в направлении мистики. Выводы, сделанные мною из этого опыта, формировали и мое поэтическое творчество” [13. S. 96].

В одном из наиболее известных своих стихотворений “Уцелевший” (из книги “Беспокойство”), поэт писал:

Мне двадцать четыре года
я уцелел
отправленный на бойню.
Это названия пустые и однозначные:
человек и скот
ненависть и любовь
враг и друг
тьма и свет.
Человека убивают так же как скот
я видел:
фургоны людей порубленных на части
людей которые не спасутся.

(Пер. В. Британишского)

Этот фрагмент приоткрывает главное содержание поэзии Ружевича первого послевоенного десятилетия и в значительной степени последующего его творчества – постоянное осмысление биографии своего поколения, юность которого встретилась со смертью. Можно согласиться с суждением известного историка польской литературы Марии Янион о том, что “скрытым лирическим событием поэзии Ружевича является невыразимое – смерть”. “Ружевич, – пишет она, – родился как поэт исключительного явления – Холокоста, и таким остался ... Ружевич является великим трагическим поэтом нашей эпохи, который видению/иллюзии эпической целостности противопоставил видение фрагментарное, видение противоречивое, видение без иллюзий” [14. S. 151].

Память о жертвах войны, жившая в поэте на протяжении всего его творчества, определила облик его поэтических книг 1940–1950-х годов:

Я человек затоптанный на войне
как трава
я промерзший
как подземелья костелов
я окоп засыпанный воспоминаньями
одно лежит на другом
Вы не знаете о нашей смерти
(“Обещание”, 1950. Пер. Б. Слуцкого)

Прорастает
во мне
молчаливое зерно
умерших плодов
стремится к свету
пробивает глину
моего тела
пронзает одревеневший язык
(“Равнина”, 1954)

Я кричал ночью
умершие стояли
в моих глазах
с тихой усмешкой
острие из мрака
вонзалось в меня
холодное мертвое
вспарывало
мое нутро
(“Я кричал ночью”, 1955)

Веки миллионов мертвецов
подняла
во мне война
(“Не выскажешь”, 1955. Пер. Б. Слуцкого)

Воспоминания поэта: первая увиденная им обнаженная женщина – убитая девушка, платье которой сжег огонь бомбы (“Первая любовь”); разлагающийся труп товарища-партизана, которого жандармы запретили похоронить (“Доля”); “шпильки, костяные гребни и сухие волосы” (“Косичка”) и “веревочки и камни и маленькие проволочные лошадки” (“Избиение детей”) в музее Освенцима – все, что осталось от умерщвленных в газовой камере женщин и детей; “люди с устами, залитыми гипсом” (“Равнина”). В памяти поэта “слова / десяти молодых

поэтов / погибших в Варшаве”, истребление советских военнопленных в лагере “в одном из наших городов”,

шепот
молодых девушек
которые не будут танцевать
майской ночью
под кронами деревьев
девушек
тонкие кости которых
и небольшие черепа молчат в земле
(“Равнина”)

В стране поэта археологи откапывают “черные головы залитые гипсом гримасы смертного смеха” (“Маска”), а старые женщины думают о своих навсегда ушедших из жизни сыновьях (“Женщина в черном ступает по розам”).

В творчестве Ружевича исключительно важное место занимает тема уничтожения в человеке человеческого, крушения прежних культурных, эстетических, моральных ценностей и критериев. “Нигде, даже у Боровского, – верно заметил исследователь творчества Ружевича Тадеуш Древновский, – масштаб моральных опустошений и потерь, понесенных в войне, не показан так объемно, как у Ружевича. Наследие войны у него столь трагично, что ставит под вопрос одержанную победу” [8. S. 79].

Война обнажила суть человеческой природы, которой присущи и зло, и жестокость, навела на резкость представление о том, что удел человека – не только на войне – страдание, боль, смерть. Представитель “уцелевших в бойне” видел свою задачу в том, чтобы донести до читателя правду об эпохе террора, сеявшего смерть и растлевавшего души людей, и его страшных последствиях для современности. На этом основании некоторые критики писали о том, что поэзия Ружевича, как и других писателей его поколения, “заражена смертью”. С позиций догматической марксистской критики оценивал, например, поэзию Ружевича в 1952 г. Л. Хердеген: «Удивление превратилось в “заражение смертью”, стало навязчивой идеей, приводящей поэта к пессимистическим выводам о наблюдаемом мире, лишая его возможности занять позицию нормального человека, который после победы должен заняться восстановлением возрожденной страны. Причиной тому – идеологически ложная оценка минувшей войны. Ружевич понимает ее как убийство людей, а не как определенное общественно-экономическое явление, имеющее конкретные причины и закономерный конец» (цит. по [15. S. 56]).

Против такого определения выступил сам поэт. “Наше поколение, – писал он в 1974 г., – являло собой нечто совершенно противоположное. Это было поколение, **зараженное жизнью**. Мы вышли на бой, чтобы бороться со смертью, которую нес гитлеризм, мы защищали свою жизнь, жизнь своих близких, честь и жизненные ценности” [16. С. 284].

Широкую известность получили слова немецкого философа и социолога Теодора Адорно о “варварстве писания стихов после Освенцима” (цит. по [17. S. 14]). Освенцим как символ крушения традиционных этических и культурных ценностей в годы Второй мировой войны, через призму которого вольно или невольно воспринимается последующее развитие человечества, волновал умы многих европейских мыслителей и художников. В своей монографии о Ружевиче Т. Древновский приводит следующие размышления Гюнтера Грасса по этому поводу:

“Хотя наши календари не начались в тот момент с нуля, все же нечто вроде новой эры отпечаталось в мышлении каждого из нас, если не всегда осознанно, то наверняка подсознательно. После Освенцима человек иначе понимает себя. ... Я считаю, что Освенцим следует понимать как историческое прошлое, которое надо распознавать в современности и которое нельзя слепо исключать из перспективы будущего. Освенцим не остался полностью у нас за спиной” (цит. по [8. S. 67–68]).

Для Ружеви́ча, поставившего перед собой задачу “Создать поэзию после Освенцима” (“Я видел чудесного монстра”), мир после Освенцима не значит мир без Освенцима. Новая поэзия должна хранить память о нем, измениться, отвергнуть и воспевание прекрасного, и цивилизационный оптимизм довоенного авангарда. “Танец поэзии закончил свое существование в годы Второй мировой войны в концлагерях, созданных тоталитарными системами” [13. S. 33]. Это убеждение пронизывает все творчество поэта.

В свете событий военных лет, разрушивших традиционное понимание истории, факторов общественно-политического развития, требовали переосмысления, идейной ревизии представления о гуманизме, нравственности, красоте, моральных и религиозных нормах. Европейская культура потерпела крах, прежние формы не пригодны для выражения наступившего хаоса, поэзия в былом понимании умерла.

Разве можно писать о любви
слыша крики
поруганных и убитых
(“Свидетель”, 1952)

Старые поэтические формы, “испуганные огнем и запахом крови / сломались и разбежались” (“Формы”, 1958). В стихотворении “Башня из слоновой кости” (сб. “Пять поэм”, 1950) Ружеви́ч так писал о поэтах прошлого:

Они строили ее
на радуге и розах
без фундамента и стен
а когда земля сотряслась
башня рухнула погребя многих

Эта же мысль присутствует во многих других стихах поэта, в том числе, например, в программном стихотворении “Дерево”, открывающем сборник “Серебряный колос” (1955): “Счастливы были / раньше поэты / Мир был как дерево / а они как дети”.

Важнейшая тема поэзии Ружеви́ча – самоопределение поэта, спор с самим собой о возможностях поэтического слова.

Моя поэзия
ничего не разъясняет
ни от чего не отрекается
не отражает всей полноты бытия
не исполняет надежд

.....
ничего она не заменит
но и ее не заменить ничем
она открыта для всех...

(“Моя поэзия”, 1965. Пер. И. Верестюка).

Ружеви́ч – поэт-моралист, но не в стершемся смысле этого слова. В его стихах отсутствуют назидательность, готовые рецепты и формулы, однако он воспринимает и оценивает людей, реальные события и факты с этической точки зрения. Мерой ценности личности для Ружеви́ча является ее отношение к другим, к обществу. Жизнь без утерянных нравственных критериев не имеет ни ценности, ни смысла.

Для новаторской поэзии Ружеви́ча с самого начала были характерны суровость и сдержанность тона, простота и непосредственность высказывания, стремление приблизить поэтическую речь к прозаической, разговорной. По его собственному определению, это поэзия “стиснутого горла” (“Визит”, 1948). Установка Ружеви́ча на конкретность стиха, отрицание всякой “заоблачности” и мистики в поэзии породили оригинальную поэтику. Стих Ружеви́ча – свободный, безрифменный, избегающий метафор; движение его определяют логические связи значащих единиц текста. Сам поэт не раз говорил о том, что считает метафоричность образа и музыкальность стиха ненужным поэтическим балластом, что для него поэтическое творчество уже в 1940-е годы было “действием, а не писанием красивых стихов” [13. S. 91].

Не следует буквально понимать декларации такого рода и говорить, подобно некоторым критикам, о программной антипоэтичности, антиметафоричности Ружеви́ча, прозаизации им поэзии. В его текстах подчеркнуто резко выражены стремление к правдивости и действенности поэзии, борьба против украшательства и сомнение в том, сможет ли традиционное поэтическое слово вынести всю тяжесть жизненного опыта, пришедшегося на долю поколения, от лица которого он выступает. Термин “прозаизация” применительно к своим стихам Ружеви́ч верно считает поверхностным и ошибочным, определяя их как “произведения без маски, без камуфляжа”, говорящие правду напрямую. Вовсе не будучи идентичным прозе, поэтическое творчество Ружеви́ча открывает новые возможности проникновения в суть жизненных конфликтов, в глубины человеческой психики.

Новаторская поэтика Ружеви́ча не рождалась, разумеется, на голом месте. Заметно отличаясь от поэзии предшественников, творчество Ружеви́ча своеобразно синтезирует ее лучшие достижения, в том числе экспериментальных (с точки зрения формы) текстов польского авангарда 1920–1930-х годов. Но было бы неверно возводить поэзию Ружеви́ча только к этому источнику. Поэт коммуникативный, открытый для широкого читателя, Ружеви́ч так определял отличие своих стихов от авангардистских: “Произведение должно бежать от автора к читателю по прямой, не делая даже самых пленительных с эстетической точки зрения стилистических остановок. Этим в первую очередь отличается моя поэтическая практика от того, что сделали в польской поэзии авангардистские группы” [13. S. 99–100]. Поэт ощущает себя наследником великих классиков польской литературы. “Моим богом в поэзии, – говорил Ружеви́ч, – является Мицкеви́ч” (цит. по [18. S. 111]), а в стихотворении “Хлеб” (1956) он писал:

Хлеб
который кормит и восхищает
который претворяется в кровь народа
поэзия Мицкеви́ча
сто лет нас кормит
все тот же хлеб
множимый
силою чувства

(Пер. Вл. Бури́ча)

Уже первые произведения Ружеви́ча были пронизаны состраданием к человеческим мучениям и боли, желанием вернуть людям надежду, добро и красоту, веру в любовь. Эту задачу выполняет и все последующее творчество Ружеви́ча, в котором с годами существенно расширяется диапазон тем и проблем, преобладают не свидетельства трагических событий военных лет, а исследование их последствий в общественном сознании. В поэтических книгах Ружеви́ча, опубликованных во второй половине 1950-х – в 1960-е годы (“Открытая поэма”, 1956; “Формы”, 1958; “Разговор с принцем”, 1960; “Голос анонима”, 1961; “Зеленая роза”, 1961; “Ничто в плаще Проспера”, 1962; “Лицо”, 1964, “Третье лицо”, 1968; “Regio”, 1969), сохраняется память о войне и оккупации: “Наши памятники / имеют форму дыма / восходят прямо к небу” (“Памятники”, 1958. Пер. Б. Слуцкого). Но все большее место в поэзии Ружеви́ча занимает тема личности в современном мире, а воспоминания о военных годах выступают в новой функции: к ним восходят критерии нравственного максимализма в оценке поведения человека, они призваны противостоять моральному эгоизму ограниченного мещанского бытия; драматической полосой истории как бы проверяется сегодняшняя этика. Ценности, уничтоженные в годы войны, так и не возродились. И окружающая поэта действительность – это цивилизационная свалка, где хаотично смешаны продукты индустрии, газетные информации, поведенческие стереотипы, языковые клише. В этом мире нет места для поэзии прекрасного. Материалом для творца отныне может служить лишь низкая материя жизни: “поэт свалки ближе к правде / чем поэт облаков / свалки полны жизни / неожиданностей” (“Дидактический рассказ”, 1962).

Книга стихов “Зеленая роза” вводит новую проблематику – угрозу духовной жизни человека со стороны современной цивилизации, кризис культуры. Особенно выразительны эти мотивы в стихотворениях, навеянных поездками в Италию, в поэме “Et in Arcadia ego” (1961). Непреходящи и прекрасны творения великих итальянских мастеров прошлого, но в современную эпоху, “после Освенцима” “земной рай”, каким казалась Италия поэтам XIX в., невозможен, и здесь победила автоматизированная цивилизация, враждебная искусству и человеку, породившая стереотипные восприятия и чувствования. Видный польский литературовед и отличный знаток творчества Ружеви́ча Рышард Пшибыльский так определил один из ключевых мотивов поэмы: «Банальность, уродство или причудливость, убогая манерность, лишенная черт большого стиля, доминируют в искусстве массовой культуры столетия. Когда-то я считал, что Ружеви́ч, подобно сюрреалистам, убежден в том, что современный художник призван полюбить эту уродливость. Я ошибался. Поэт хотел показать угрозу банальности, враждебной эстетической функции. Банальность, наполняя мелкие души “опустошенных людей” ослепляет современного человека и лишает его возможности понимать красоту и мудрость давней культуры. Образуется пропасть между современным человеком и средиземноморской традицией. Красота Италии теряет свою культуротворческую силу. Она банально воспринимается, банально переживается, банально описывается. Не затрагивает умы, не влияет на души. Творения мастеров постепенно становятся экспонатами в музее умершей красоты» [19. S. 159–160].

В поэме описывается военный парад:

под солнцем над голубым заливом
шагает разноцветное яркое войско
развешаются черные перья
играют оркестры танцуют солдаты

ведь никто здесь не будет убивать
солдатик в танке
прекрасен как ангел
он никогда не сгорит

Под красивыми мундирами поэт видит изувеченные тела с поля битвы. Эстетизации военщины он противопоставляет картину массовых военных захоронений, используя для этого строки из своего стихотворения “Маска”, открывавшего его первый поэтический сборник “Беспокойство”:

При раскопках в моей стране находят черные
головы залитые гипсом гримасы смертного смеха

Эти раскопки, – замечает польский исследователь Томаш Жуковский, – “не вписываются в модель прекрасного, как в Италии Гете ... Они являются следами, оставшимися от умерших, они – знак утрат и потерь, которые отсылают лишь к неустранимой конкретике отдельных смертей и к незаполненной пустоте, оставшейся от убитых” [20. С. 261].

Начиная с 1960 г., Ружевич опубликовал более десятка драм, которые были высоко оценены критикой, читателями и зрителями: “Картотека” (1960), “Группа Лаокоона” (1961), “Свидетели или наша малая стабилизация” (1962), “Вышел из дома” (1964), “Прерываемое действие” (1964), “Старая женщина высиживает” (1968), “На четвереньках” (1971), “Белое супружество” (1974), “Уход Глодомора” (1976), “Голос анонима” (1978), “В расход” (1979), “Мышеловка” (1982) и др.

В 1970–1980-е годы Ружевич не издал ни одной новой поэтической книги, целиком сосредоточившись на драматургии. Драма Ружевича вырастает из его поэзии. Ее фундаментом, по определению Станислава Буркота, “с одной стороны, является верность по отношению к действительности, а с другой – отрицание навязного миметизма (подражания и фотографирования) путем метонимического переноса и расширения значений конкретных понятий. Этот принцип, основа поэтического языка Ружевича, неизменно присутствует и в его драмах” [21. С. 415].

В драмы Ружевича перешли многие мотивы его поэзии. В некоторых из них, как в получившей наибольшую известность “Картотеке”, анонимный герой – тот же обобщенный образ человека поколения Ружевича, что и в лирике. Это человек уцелевший, переживший военные годы, оккупацию и потерявший веру в жизненные ценности. Использует Ружевич в драме и поэтические приемы. По сути, это хаотический лирический монолог героя, образующий неупорядоченную “картотеку” его жизни. События разных времен перемешаны, накладываются друг на друга – герой одновременно и ребенок, и юноша, сын, партизан, директор, любовник и т.д. Необычно и место действия драмы: герой лежит в кровати в комнате, через которую проходит улица. Содержание пьесы многопланово, автор не ставит точек над *i*, не защищает и не осуждает напрямую своего героя за пассивную жизненную позицию. Но становится очевидным, что тщетны его усилия спрятаться под одеялом от жизни, обтекающей убежище-кровать.

Иронически-сатирическое освещение получила тема биографии человека, уцелевшего в пекле войны, в комедии “Спагетти и меч”, где далекие от правды воспоминания бывших партизан порождают общественную мифологию, влияющую на ход истории.

Ружевич неоднократно называл свою драму “реалистической и поэтической”. Реалистичность означает для него не подражание жизни, а раскрытие существенных ее проблем на основе конкретной ситуации, действительной или

сконструированной. Поэтичность же порождает столкновение и взаимопроникновение образных картин, рисующих ту или иную ситуацию, технику коллажа, которая предполагает ограничение фабулы, интриги, перипетий действия, присутствующих традиционной реалистической драме.

В драме Ружевича “В расход” (1979) также перекрещиваются натурализм и поэтичность. Это произведение восходит к личному опыту поэта, который в 1944 г. воевал в лесном партизанском отряде Армии Крайовой и видел много крови и грязи, смертей и ненависти. Драма дегероизирует миф о партизанах, показывая их не в традиционном ореоле борьбы и мученичества, а в безнадежном ожидании исхода войны и социальной справедливости. В картины грязного, неустроенного быта партизан, простых деревенских людей, конфликтующих с панями из близлежащей усадьбы и стремящихся “как-нибудь прожить, что-нибудь пожрать, как следует выпить и потрепаться о бабах”, вплетена история Валюся. Валюсь – примитивный парень, который в своей жизни прочитал лишь одну книгу, да и той не помнит названия. Он расплачивается за чужие грехи: за грабеж, организованный двумя его напарниками, которым удалось улизнуть, партизанский суд приговаривает Валюся к расстрелу. Приговор приводят в исполнение его же товарищи, один из которых заявляет: “Мне так все равно. Приказ есть приказ. Отец не отец, брат не брат...” Бездушное догматическое правосудие перемальвает человека, а равнодушная к судьбе отдельной личности машина истории катится дальше.

В драме “Мышеловка” (1982) Ружевич смонтировал эпизоды из жизни и творчества Франца Кафки. Эпизоды эти, отчасти достоверные, отчасти вымышленные, в драме перетасованы, расположены в “поэтическом”, а не в линейном хронологическом порядке. Они раскрывают впечатлительность писателя, его страхи и комплексы. «Моя “Мышеловка”, – писал Ружевич, – говорит о том, что нам сказал и продолжает говорить после своей смерти Кафка» [22. S. 7].

Ружевич всегда причислял Кафку к своим любимым писателям (наряду с Достоевским² и Л. Толстым). В его творческой биографии он увидел воплощение процессов дегуманизации и отчуждения в обществе. Творец одинок в толпе, чужд и непонятен даже близким. Мыши грызут его рукописи, он боится оказаться запертым в душном шкафу, полном этих зверьков, – словно в камере пыток. В жизнь обывателей вторгаются безликие каратели в черной униформе, бросают людей в лагерь и убивают. Черная стена поглощает всех действующих лиц драмы...

Кафка с гениальной прозорливостью запечатлел эти процессы, когда они еще только набирали силу. Ружевич знает о бессилии человека перед анонимными, вырвавшимися из-под контроля общественными механизмами, о “мышеловке” истории, в которой на его глазах погибли миллионы людей, неизмеримо больше своего предшественника. Тем более скорбно и трагично звучит драма – предостережение современникам об опасности в очередной раз угодить в ловушку.

В 90-е годы XX и в начале XXI в. Ружевич возвращается к поэзии, издавая одну за другой поэтические книги, которые относятся к вершинным достижениям его поэзии: “Барельеф” (1991), “всегда фрагмент” (1996), “всегда фрагмент. recycling” (1998), “ножик профессора” (2001), “серая полоса” (2002), “выход” (2004).

---

² «“Преступление и наказание” я прочитал раз 15, а может и 20, а фрагменты читаю постоянно. Это уже не чтение, а часть моей жизни», – писал Т. Ружевич (цит. по [23. S. 202]).

Новые стихотворения Ружевича не только развивают прежние мотивы его творчества, но и дополняют, и обогащают их новым опытом умудренного жизнью поэта. Подчеркнуто звучит здесь тема поэзии, ее роли в современном кризисном мире распадающихся цивилизационных форм. Отвечая “молодым лицам, отраженным в мутном зеркале моей жизни”, на вопрос о своей работе, поэт заявляет:

Я ничего не делаю
пятьдесят лет я готовил себя
к этому трудному делу
и теперь когда я “ничего не делаю”
я делаю НИЧТО
раздался смех
когда я ничего не делаю
я нахожусь внутри
и ясно вижу тех
кто выбрал дело
вижу их ничтожное дело
и жалкие мысли
после этого дела
(“Они пришли чтобы увидеть поэта”. Пер. А. Базилевского)

Свою задачу поэт видит в объяснении людям своего катастрофического видения современной культуры, ее состояния упадка и хаоса, в противопоставлении непродуманным, необязательным, “кое-каким” действиям – своей созерцательно-скептической поэзии, с помощью которой только и можно понять кое-что в этом мире, находясь “внутри” него. Поэт осознает свою принадлежность к великой традиции европейской культуры. Ее представителям, конфликтовавшим со своим окружением и не понятым им, он посвятил рефлексивные зарисовки. Героями многих стихотворений Ружевича стали Кафка, Рильке, Тетмайер, Л. Толстой, Э. Паунд, Пикассо, Беккет, Мицкевич, Словацкий, Красиньский и др.

Стихотворение “Толстой” (2002), например, посвящено великому русскому писателю:

Толстой был (весьма похоже) богом
который писал романы и буквари
но завидовал Достоевскому
– тот был человеком
зарабатывающим на хлеб писанием

Толстой – этот “кит литературы”, как назвал его Ружевич в “Страницах, вырванных из дневника” (1990) и о котором он намеревался написать драму, и раньше неоднократно появлялся в стихах Ружевича. Он снился ему: “огромный как солнце / в гриве / спутанных прядей / лев”, встретивший польского поэта светом и “исполинской лучезарной улыбкой” (“Воспоминание о сне 1963 года”, 1968). В стихотворении “Из хроники жизни Льва Толстого. Годы кризиса” (1976) Ружевич писал от имени героя:

один за другим
действительности
слепые удары
я обречен
на умирающую жизнь
(Пер. А. Эптеля)

Выводя на поэтическую сцену словно своего двойника – будь то Л. Толстой или кто-либо другой из великих предшественников, случайный прохожий, некто совсем неопределенный и т.п. – поэт все реже говорит от своего имени. Но все эти персонажи выступают в одной и той же роли, в их монологах о своей жизни (или в описаниях их жизни) звучит сходная скорбная нота о прошедшей либо утраченной жизни, о неизбежном приближении смерти:

малютка смерть
начинает ходить
созревает
быстро растет
ночью спит
на моем сердце
на губах
на море
на черном камне

(“Свет тень”, 1983. Пер. В. Корнилова)

Ружевич – поэт диалога с афористически определяемой им современностью. Название его пьесы “Свидетели или наша малая стабилизация” послужило определением польской общественно-политической жизни после 1956 г., а название сборника стихов “серая полоса” говорит о восприятии поэтом нынешней повседневности, не только польской. Повседневность эта осмысливается – с годами все глубже – в философской перспективе экзистенциальных и эсхатологических проблем. В поэме “recycling” (термин из области техники, означающий процесс вторичного использования сырья, у Ружевича употреблен и в значении “свалка”, “отходы”) золото, награбленное гестаповцами в Освенциме и хранящееся в банках, является “вторичным сырьем”. Это золото зубных коронок, обручальных колец, женских украшений. Его нынешние владельцы убеждают себя и других, что, “может, и не было никакого Холокоста”. Современный человек в поэме представлен как больное детище цивилизации свалки и ее жертва; он в погоне за корыстью, в стремлении подчинить себе своего ближнего, природу, животный мир не способен понять, откуда берется в мире зло:

Откуда берется зло?
Что значит откуда
от человека
всегда от него
и только от него
человек – это несчастный случай
деятельности
природы
ее ошибка

Ставя неутешительный диагноз современности, Ружевич прибегает и к сатирическим, ироническим, а порой и шутивным формам. С нескрываемой насмешкой, а то и издевкой, во многих стихотворениях он рисует состояние современной массовой культуры, прессы, радио и телевидения, которые ради коммерческой выгоды подстраиваются под невзыскательные вкусы потребителя и оболванивают его. Например, в поэме “Валентинки (поэма конца XX века)” (1996) звучит пародия на современные средства массовой информации. Пропанганда ими “нового обычая” (празднования дня святого Валентина) является и анестезией подлинных чувств, и формой торговой рекламы:

в день Святого Валентина
года 1994
слушал я чириканье
пани редакторши “радио муть”
из черного ящика
струился теплый голос
цып цып цып цыпки
– так манили хозяйки
в допрогрессивное время
птицу – кур и петушков
кукареку
цып цып цып девушки
мы желаем всего самого самого
всем влюбленным
ведь сегодня их праздник
цып цып цып

Наступает “безумие в торговых центрах”, “обычаем стало / дарить влюбленным презервативы / украшенные сердечками / подвески в форме сердечка / конфетки”. Этим безумием в обществе манипулируют продавцы материальных и интеллектуальных эрзацев и суррогатов, процесс коммерциализации приводит к дегуманизации общества. Поэт, создавший поэзию “после Освенцима”, с изумлением видит, что сегодня о лагерях уничтожения людей – Освенциме, Майда-неке, Собиборе “производятся отличные комедии”:

остервенение и холокост начинают
приносить все больший доход
четыреста миллионов долларов это сумма
не какие-то там тридцать серебряников
(“Наука ходить”, 2002–2004)

В стихотворении “Der zauberer czarodziej” (“Волшебный чародей”, сб. “выход”, 2004) описан рейхстаг, спустя полвека после окончания войны на потеху публике завернутый неким инсталлятором Христо в серебристую ткань. “Рейхстаг одетый в серебряное платье / забыл о своей истории”, а ведь от пожара рейхстага запылала вся Европа. Молодежь не хочет слушать о сожжении книг Гейне, Брехта и братьев Манн, демагогии Геббельса, рыках Геринга, не знает имен Димитрова и Люббе, интересуясь «парадом “любви” / жемчужиной в пупке, серьгой в ухе». Китч торжествует.

Ярким примером срастания почерпнутых из жизни реалий с философским их осмыслением является поэма “ножик профессора”, давшая название всему сборнику. На рабочем столе Мечислава Порембского, друга Ружевица со студенческих лет, известного критика, теоретика и историка искусства поэт заметил ножик, в свое время изготовленный профессором в немецком концлагере из железного обруча бочки. Этим ножом можно было резать хлеб, чистить картошку (“он не выбрасывал очистки / они могли спасти кого-нибудь / от голодной смерти”), бриться.

Ружевиц вводит в поэму образ Робигуса, по-своему интерпретируя роль божества, которому древние римляне для спасения урожая приносили в жертву рыжую собаку. У Ружевица – это демон ржавчины, пожирающий не только предметы, но и память людей о прошлом. “Ножик из железного века” не дает забыть о тех днях, когда через поля, леса, зеленые луга со всех сторон света в лагерь смерти тянулись поезда:

товарные поезда
вагоны для скота
цвета желчи и крови
длинные “составы”
груженные обыкновенным Злом
обыкновенным страхом
отчаянием
обыкновенными детьми женщинами
девушками
в весеннюю пору жизни
вы слышите этот крик
об одном глотке
об одном глотке воды
взывает все человечество
об одном глотке
обыкновенной воды
я перебрасываю
мост который соединяет прошлое
с будущим

Этот страшный поезд, который, по словам поэта, “не уйдет из моей памяти”, остановился, но в любой момент он может прийти снова в движение

если его оживят крики
ненависти
расистов националистов
фундаменталистов
он обрушится как лавина
на человечество...
на человека

Свидетель и летописец событий второй половины XX и уже наступившего XXI в., как и в начале своего творческого пути, Ружевиц вновь подчеркивает, что говорит от имени своего поколения, в котором хранится память о нескончаемом прошлом, которое постоянно “начинается вновь”, как в стихотворении “*** (И вновь начинается прошлое)” (сб. “серая полоса”), обращенном к Тадеушу Конвицкому:

с перебитым позвоночником
мы ползем дальше
да Тадек в конце
мы должны пережить все
с самого начала
ты знаешь это так же хорошо как и я
иногда мы шепчем
все люди будут братьями

Конечно, Ружевиц является представителем своего поколения. Но не только. Его постоянно изменяющееся и развивающееся творчество обращено и к последующим поколениям, искания и метания которых он запечатлел в своих произведениях.

Творчество Ружевица оказало большое влияние на развитие польской литературы. Под его воздействием сформировалась поэтическая школа с общей проблематикой, кругом тем и известной общностью средств выражения, складывающаяся при этом из ярких поэтических индивидуальностей. Ружевиц на

многие десятилетия определил пути развития польской поэзии и драмы, выступив основателем и лидером ведущего направления в этих родах литературы – интеллектуально-философского или моралистического (без всякой назидательности, готовых рецептов и формул).

Прекрасно – и, думаю, без особого преувеличения – сказал о значении творчества Ружевича для польской общественной и культурной жизни критик Януш Джевуцкий: “Да, это правда. Нечего скрывать. Мы живем во времена Тадеуша Ружевича. Мы живем во времена Тадеуша Ружевича независимо от того, нравится это кому-либо или нет. Мы живем во времена Тадеуша Ружевича все, без исключения. И те, кто отдает себе в этом отчет, и те, кто не имеет об этом ни малейшего понятия” [24. S. 93].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Czachowska J., Maciejewska M.K., Tyszkiewicz T.* Literatura polska i teatr w latach II wojny światowej. Bibliografia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983–1986. Т. I–III.
2. *Szałagan A.* Polska literatura i kultura literacka w latach II wojny światowej. Bibliografia przedmiotowa 1945–1985. Wrocław, 1992.
3. *Bartelski L.* Pieśń niepodległa. Pisarze i wydarzenia 1939–1942. Kraków, 1988.
4. *Bartoszewski W.* Oblicze kultury polskiej w konspiracji 1939–1945 // *Inter arma non silent Muzae. Wojna i kultura 1939–1945.* Warszawa, 1982.
5. *Podbielska A.* Wspaniała trójca braci Różewiczów // *Twórczość.* 2005. № 2/3.
6. *Rozmowa z Tadeuszem Różewiczem // Bereś St.* Historia literatury polskiej w rozmowach. XX–XXI wiek. Warszawa, 2002.
7. *Wyka K.* Krzysztof Baczyński (1921–1944). Kraków, 1961.
8. *Drewnowski T.* Walka o oddech. O pisarstwie Tadeusza Różewicza. Warszawa, 1990 (Drugie wyd.: Kraków; 2003).
9. *Majchrowski Zb.* Różewicz. Wrocław, 2002.
10. *Różewicz T.* Echa lesne. Warszawa, 1985.
11. *Kuncewicz P.* Leksykon polskich pisarzy współczesnych. Warszawa, 1995. Т. II.
12. *Kisiel M.* Dekada Różewicza // *Postscriptum.* 2002. № 1.
13. *Różewicz T.* Przygotowanie do wieczoru autorskiego. Warszawa, 1977.
14. *Janion M.* To co trwa // *Twórczość.* 2000. № 5.
15. *Szaruga L.* Walka o godność. Poezja polska w latach 1939–1988. Wrocław, 1993.
16. *Ружевич Т.* О поэзии, театре и критике // *Поиски и перспективы. Литературно-художественная критика в ПНР.* М., 1978.
17. *Markiewicz H., Romanowski A.* Skrzydłate słowa. Warszawa, 1990.
18. *Baranowska M.* Prywatna historia poezji // *Twórczość.* 2000. № 4.
19. *Przybylski R.* Et in Arcadia ego. Esej o tęsknotach poetów. Warszawa, 1966.
20. *Жуковский Т.* Миф Италии как исходная точка критики культуры в творчестве Тадеуша Ружевича // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России.* М., 2004.
21. *Буркот С.* Драматургия Тадеуша Ружевича // *Studia polonogossica. K 80-letiu E.З. Цыбенко.* М., 2003.
22. *Polityka.* 1990. № 10.
23. *Majchrowski Zb.* Różewicz. Wrocław, 2002.
24. *Drzewucki J.* Urodzony w niedzielę // *Twórczość.* 2002. № 10.

© 2006 г. А. С. СТЫКАЛИН

СССР – ЮГОСЛАВИЯ: ЗИГЗАГИ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1950-х – НАЧАЛО 1960-х ГОДОВ)

С начала 1990-х годов наметился значительный прогресс в исследовании советско-югославского конфликта 1948 г., и в том числе его влияния как на характер отношений внутри советского блока, так и на усилившееся к концу 1940-х годов межблоковое противостояние. Гораздо хуже на сегодняшний день изучены обстоятельства примирения в 1954–1956 гг. партийно-государственных элит СССР и ФНРЮ, равно как и сопровождавшееся резкими колебаниями развитие двусторонних отношений в последующие несколько лет.

Существующий в науке пробел тем существеннее, что в период, наступивший после смерти Сталина, югославское направление, безусловно, было одним из важнейших во внешней политике СССР. Оказавшись перед необходимостью подвести некоторые внешнеполитические итоги сталинского правления и наметить программу действий на будущее, преемники “отца народов” были вынуждены признать безрезультатность массивной антиюгославской кампании, в ходе которой страна, к 1948 г. дальше других продвинувшаяся на пути “строительства социализма”, была вдруг не только отлучена от “народно-демократического” лагеря, но и объявлена находящейся во власти “шпионов и убийц”. Чем более шумной становилась антиюгославская истерия вовне страны, тем более твердую опору обретал режим Тито внутри, поскольку острые межнациональные противоречия отступали в условиях внешнего вызова на второй план. В Москве в той или иной мере это начали осознавать. Показательно весьма откровенное признание В.М. Молотова, сделанное на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г.: “Поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам” [1. С. 164–165]. Титовский режим, не только активизировавший к тому времени контакты с Западом, но и образовавший вместе с Грецией и Турцией ассоциированный с НАТО Балканский пакт, продолжал рассматриваться как недружественный СССР, однако задачи укрепления советского влияния в Юго-Восточной Европе и ослабления напряженности на границах соцлагеря вынуждали к компромиссу. При определении внешнеполитических приоритетов СССР на новом этапе признавалось необходимым восстановить и нормализовать отношения с Югославией “как с буржуазным государством”. При встречном движении со стороны руководства

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

ФНРЮ, заинтересованного в оживлении экономических связей с СССР и рассчитывавшего на содействие Москвы в урегулировании триестского вопроса, эта задача в 1953–1954 гг. была успешно решена.

Вместе с тем логика развития отношений между родственными коммунистическими режимами заставляла не только Москву, но и Белград не останавливаться на достигнутом. Для маршала Тито, вовсе не жаждавшего вновь оказаться в роли кремлевского вассала, готовность к сотрудничеству с СССР могла послужить инструментом давления на Запад в целях достижения более выгодных условий получения кредитов, а потому, хотя и не без оглядки на западные державы, он склонялся к активизации переговорного процесса с Москвой. В Кремле, в свою очередь, считали, что дружба с Югославией не только значительно укрепит стратегические позиции СССР на Балканах, но гарантирует прорыв в Средиземноморье. Учитывалось и то, что режим Тито, успешно выдержав натиск СССР, завоевал немалый авторитет на международной арене (в том числе среди стран “третьего мира”). В силу этого опасения “потери лица” в результате далеко идущих уступок недавнему закланному врагу отступали на задний план перед соблазном использовать союз с Югославией не только при решении оборонно-стратегических задач, но и в интересах упрочения руководящих позиций СССР как в мировом коммунистическом, так и в “национально-освободительном” и “антиимпериалистическом” (в соответствии с официальными идеологемами Москвы) движении.

Белградская встреча лидеров СССР и ФНРЮ 27 мая – 2 июня 1955 г. продемонстрировала, таким образом, стремление руководства КПСС пойти на гораздо более решительное, чем предполагалось в 1953 г., сближение с режимом Тито. Правда, единства мнений в вопросе о пределах сближения с Югославией в Кремле не было – достаточно сказать об особой позиции Молотова, упорно противившегося сотрудничеству по партийной линии и планам вовлечения Югославии в советский блок. Кроме того, долгое время существовала возможность использовать югославский вопрос во внутривосточной, чаще всего подпольной, борьбе, резко обострившейся в кремлевских коридорах после смерти Сталина. При этом югославская карта разыгрывалась сугубо прагматически, в зависимости от определенных конъюнктурных интересов. Так, при устранении летом 1953 г. Л. Берии ему вменялась в вину именно попытка установления (минуя ЦК) сепаратных связей с “врагами СССР Тито и Ранковичем”. Но на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. Молотов был подвергнут жесткой проработке, напротив, за противодействие сближению с Югославией. К этому времени в руководстве СССР возобладала точка зрения на Югославию как на государство, продвигающееся к социализму, при том, что сформировавшаяся в условиях изоляции от “народно-демократического” лагеря концепция самоуправления вызывала в Москве критику из-за серьезных отступлений от образцовой советской модели. Со второй половины 1955 г. активизируются двусторонние экономические и культурные связи. Развернувшийся процесс сближения СССР и ФНРЮ достиг своей кульминации в июне 1956 г., когда И. Броз Тито совершил 20-дневную поездку по СССР. Многотысячный митинг советско-югославской дружбы на московском стадионе “Динамо” 19 июня призван был символизировать полное преодоление взаимного недоверия. В угоду сближению с Тито в Москве готовы были даже пойти на существенные кадровые перестановки. Так, буквально в день приезда Президента ФНРЮ происходит “смена караула” на Смоленской площади – стопроцентного ортодокса и консерватора В.М. Молотова,

упорно продолжавшего сохранять особую позицию в югославском вопросе, заменил более молодой, либеральный (конечно, по кремлевским меркам) и мобильный Д.Т. Шепилов, имевший репутацию главного интеллектуала партии.

Весной 1956 г. в Москве не слишком форсированно, но все же прорабатывалась новая концепция внутриблоковой политики, призванная отразить специфику отношений как с великой дальневосточной коммунистической державой – Китаем, так и с относительно небольшой, но внешнеполитически значимой Югославией. Надо было так адаптировать фразеологию XX съезда к внешней политике, чтобы она не только не помешала СССР сохранить завоеванные при Сталине позиции в Восточной Европе, но и позволила бы приумножить их за счет возвращения ФНРЮ в советский лагерь. Формула съезда о многообразии путей перехода к социализму была нацелена на решение именно этой сверхзадачи, уже сама постановка вопроса была актуальна из-за невозможности подвести под общий ранжир не только КНР, но и Югославию. Формальное упразднение Коминформа в апреле 1956 г. также явилось жестом доброй воли, адресованным Тито, ведь в грубой антиюгославской кампании, развязанной Сталиным в 1948 г., именно Коминформ был главным инструментом советской политики. Образовавшийся с его ликвидацией вакуум надо было чем-то заполнить, найти новые формы советского контроля над Восточной Европой, однако весной 1956 г. в этом вопросе не было ясности. Ждали итогов встречи с Тито в Москве. Визит президента Югославии вопреки обилию фанфар лишь в малой степени оправдал ожидания. Тито, вкусивший за годы опалы щедрых западных вливаний в экономику своей страны, был не прочь торговать и даже дружить с Москвой на выгодных условиях, но явно не хотел подставить шею под кремлевский поводок, вновь, как и годом ранее на встрече в Белграде, отказавшись от заключения с СССР политического договора, ко многому обязывающего. Подписанная 20 июня Декларация о межпартийных отношениях была явно компромиссной со стороны КПСС, в ее основе лежал вариант, предложенный Союзом коммунистов Югославии (СКЮ). При утверждении ее на Президиуме ЦК КПСС было принято решение “сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем” [2. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2. Протокол № 24 от 19–20 июня 1956 г.]. На несоответствие всей стилистики этого документа привычным представлениям о характере отношений внутри мирового коммунистического движения обращалось внимание и с югославской стороны. Так, по справедливому наблюдению посла ФНРЮ в СССР В. Мичуновича, отраженному в его дневнике, в нем и речи не было ни об идеологическом единстве, ни о социалистическом лагере [3]. Как бы там ни было, советско-югославскую декларацию отнюдь не собирались положить в основу новой доктрины восточноевропейской политики Кремля, что выяснилось уже на рабочей встрече лидеров стран “народной демократии” в Москве сразу после отбытия Тито из СССР. Чтобы в корне пресечь любую попытку извлечения в других странах региона нежелательных для Москвы выводов из этого документа, “русские... ясно дали понять лидерам стран лагеря, что то, что они подписали с Тито, не имеет значения для политики СССР по отношению к государствам и коммунистическим партиям стран лагеря” [3. S. 93].

Познаньские волнения в Польше 28 июня 1956 г. и активизация в те же самые дни внутрипартийной оппозиции в Венгрии усилили обеспокоенность Н.С. Хрущева и его окружения немалым влиянием югославского примера на те силы в Восточной Европе, которые были явно не удовлетворены избранным

темпом и характером десталинизации в СССР. (А надо сказать, что сообщения о тесных связях югославских дипломатов с венгерской оппозицией стали общим местом в донесениях посольства СССР из Будапешта [4].) В закрытом письме ЦК КПСС компартиям от 13 июля был сделан акцент на разногласиях с СКЮ, подвергнуты критике претензии югославов на слишком большую самостоятельность [2. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23]. “Кажется, они уже раскаялись, что подписали эту декларацию”, – записал Мичунович еще 3 июля под впечатлением от постановления ЦК КПСС “О преодолении культа личности и его последствий”, воспринятого как шаг назад в сравнении с XX съездом, и от своих непосредственных контактов с кремлевской элитой, с некоторой стыдливостью отзывавшейся о советско-югославской декларации [3. С. 97]. В Кремле, однако, еще не потеряли терпения – слишком велико было стратегическое значение Югославии. Ради укрепления в Средиземноморье стоило поработать. Попытки “образумить” Тито были предприняты Хрущевым в ходе сентябрьских–октябрьских встреч в Югославии и в Крыму. ФНРЮ сравнили с солдатом, идущим “не в ногу” со всей ротой (т.е. содружеством стран, строящих социализм), просили воздержаться от проявления симпатий к оппозиционерам в странах Восточной Европы и урегулировать отношения с венгерским руководством, проявившим особую активность в ходе кампании 1948–1949 гг. (см. из опубликованных документов: [5]). Тито принял у себя в Белграде венгерского партийного лидера Э. Гере, однако возвращение последнего в Будапешт 23 октября совпало с началом мощного восстания, для подавления которого были приведены в действие советские войска, что лишь усилило ожесточенность повстанческого сопротивления.

Руководство СКЮ после нескольких дней ожиданий 29 октября в письме венгерским лидерам [6. 141–142. о] солидаризировалось с курсом нового правительства И. Надя на расширение национального суверенитета¹. Одновременно была выражена озабоченность в связи с угрозой анархии и возможными выступлениями реакции. Главная вина за создавшееся положение была возложена на прежнее руководство, своей политикой подорвавшее веру многих трудящихся в социализм (что нанесло урон интересам сил социализма во всем мире). Поддержав И. Надя в его решимости опереться на возникшие в те дни рабочие советы, Тито в то же время довольно скептически отнесся к идее восстановления многопартийности в Венгрии, поскольку речь могла в перспективе идти об утрате коммунистами власти.

В последующие дни обеспокоенность югославских лидеров происходящим в соседней стране усилилась (Надь, по их мнению, расчистил дорогу настоящей “контрреволюции”). К границе с Венгрией были подтянуты югославские войска. В ночь со 2 на 3 ноября на о. Бриони в Адриатике Тито, приняв Хрущева, дал согласие на советскую военную акцию в целях приведения к власти более надежного правительства (предложенная югославами в качестве его главы кандидатура Я. Кадара не вызвала возражений советской стороны). Тито также выразил готовность, связавшись с Надем, склонить его подать в отставку, что

---

¹ Правда, в других заявлениях, относящихся к тем же дням, оно предостерегало от излишней торопливости с выдвиганием требований о незамедлительном выводе советских войск, ибо это могло бы привести к нарушению межблокового равновесия, дестабилизации в регионе, что коснулось бы и Югославии. Надежды некоторых венгерских политиков на создание нейтрального блока с участием Венгрии и Югославии были, таким образом, иллюзорны уже в силу югославской позиции.

облегчило бы реализацию советских планов, единственно способных, по его мнению, спасти “завоевания социализма” в Венгрии [7].

Неудача с нейтрализацией Надя, успевшего до своего укрытия в югославском посольстве осудить по радио военное вмешательство СССР, стала источником новых осложнений в советско-югославских отношениях. То же самое можно сказать про действия советских спецслужб по переправке Надя и его людей в Румынию 22 ноября вопреки договоренностям с руководством ФНРЮ [8]. Блюдя престиж своей страны как независимой, Тито отмежевался от устроителей неблагоприятной акции, а еще до этого, выступая 11 ноября на партактиве в Пуле, к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис следствием советской политики (неравноправные отношения в лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он счел грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать правительство Кадара – надо было каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией 4 ноября, учитывая, что факт тайной брионской встречи мог быть предан гласности советской стороной. Возникшая межпартийная полемика не ограничилась закрытой перепиской [2. Ф. 89. Пер. 45], перекинулась в прессу [9. 1956. 19, 23 XI]. В связи с венгерскими событиями Москва обвиняла Белград в умышленном создании затруднений правительству Кадара, в неспособности отмежеваться от попыток реакции использовать югославский пример в интересах борьбы против социализма.

7 декабря второе лицо в СКЮ Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине, назвал “революционную борьбу” в Венгрии “первым крупным примером насильственного сведения счетов с теми преградами для дальнейшего развития социализма, которые являются продуктом окрепшей бюрократической политической системы”, вызывающей в обществе “бессознательное стихийное возмущение” (полностью опубликовано: [10. 1956. № 18. С. 35–51]). Альтернативой этой системе Кардель считал противостоявшие кадаровской власти рабочие советы – выросшую на венгерской почве единственную реальную, по его мнению, “социалистическую силу, которая, вероятно, очень скоро избавилась бы от чуждых антисоциалистических влияний, если бы взяла на себя главную ответственность за власть на предприятиях”. Силовые действия СССР по свержению правительства И. Надя, на его взгляд, могли бы быть оправданы лишь, если бы привели к изменению политической системы, тормозящей социалистическое развитие, в противном же случае история осудит акт военного вмешательства. Дальнейшее же присутствие советских войск в Венгрии югославские лидеры в любом случае считали фактором, не благоприятствующим урегулированию конфликта.

Программная речь Карделя, распространенная югославской делегацией в ООН, вызвала критику со стороны СССР, хотя и довольно сдержанную [11]. Давая отпор “неверным утверждениям” югославов, руководство КПСС считало, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии, отмечалось в начале декабря в письме чехословацкому лидеру А. Новотному [2. Ф. 3. Оп. 14]. В Москве исходили из того, что “при нынешнем положении развитие советско-югославских отношений по государственной линии неизбежно должно сопровождаться принципиальной борьбой против концепций и взглядов югославского руководства как мелкобуржуазной, националистической идеологии”, необходимо всячески препятствовать попыткам

югославов “навязать свой порочный путь странам народной демократии и отколоть их от Советского Союза” [2. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 104, 154. Политический отчет посольства СССР в Югославии за 1956 г.]. С другой стороны, следовало “поддерживать с Югославией нормальные отношения, не допуская превращения ее во враждебное социалистическому лагерю государство” [2. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 154]. Из “ревизионистских” концепций югославских руководителей, из отрицания ими деления мира на империалистическую и социалистическую мировые системы, по мнению советских внешнеполитических экспертов, логически вытекало стремление Югославии извлечь из противоречий между двумя лагерями максимальные политические и экономические выгоды для себя, сохранив при проведении политики лавирования независимость от империалистического лагеря [2. Ф. 5. Оп. 28. Д. 405. Л. 94]. Это стремление предполагалось использовать в интересах СССР. Что же касается идей рабочих советов и рабочего самоуправления, то в одной из записок, подготовленных для ЦК, не без оснований отмечалось, что «идеи “непосредственной демократии” предназначаются югославами больше на экспорт, нежели для внутреннего потребления. У себя в стране югославы всемерно усиливают госаппарат», а иногда сами признают отрицательные последствия практического осуществления своих идей [2. Ф. 5. Оп. 30. Д. 229. Л. 132].

Таким образом, в Москве ни в коей мере не хотели создавать видимость возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н.П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодного для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен, и с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений. (В реальности, однако, политические осложнения не могли не сказаться на экономических связях, что проявилось в отсрочке предоставления Югославии выгодных кредитов и отказе от обещанной помощи в строительстве алюминиевого завода.)

Готовность приложить усилия для преодоления разногласий проявлялась и с югославской стороны. В переписке с Москвой Тито и его соратники, заявляя свое право на проведение самостоятельной, внеблоковой политики, вместе с тем всячески открещивались от претензий на лидерство в коммунистическом движении, отрицали свое стремление навязать другим собственный путь строительства социализма. С другой стороны, выражалось неудовольствие попытками некоторых компартий опорочить (не без ведома КПСС) югославский опыт строительства социализма, принизить авторитет СКЮ. В некоторых выступлениях прессы и публичных заявлениях ряда идеологов СКЮ югославская сторона иногда выходила за рамки критики, звучавшей в межпартийной переписке. Так, тяготевший к “правому уклону” в СКЮ В. Дедиер, выступая в мае 1957 г. в Швеции, говорил об империалистических тенденциях в политике СССР, о растрате советскими лидерами громадного морального капитала русской революции. Все разговоры о многообразии путей к социализму явились, по его мнению, лишь тактическим маневром, курс на десталинизацию был основан на холодном расчете, однако Хрущев и его окружение не достигли желаемого и, столкнувшись после открытия шлюзов с более сильной общественной реакцией, чем ожидалось, были вынуждены возвратиться к привычному, более жесткому курсу [2. Ф. 5. Оп. 30. Д. 224. Л. 201–204].

Взаимная критика, подчас довольно острая, не воспрепятствовала, однако, действительным усилиям обеих сторон по преодолению конфликта. 1–2 августа 1957 г. Хрущев и Тито встретились в дружеской обстановке в Румынии, впервые после ноября 1956 г. Новые осложнения в отношениях КПСС и СКЮ возникли вследствие отказа югославов участвовать в ноябре 1957 г. в московском Совещании компартий социалистических стран и поставить свою подпись под ее итоговой Декларацией, а еще более после принятия весной 1958 г. новой Программы СКЮ, признанной в СССР ревизионистской. Критика югославского “ревизионизма” достигает своей наивысшей в послесталинский период отметки весной–летом 1958 г. Югославская модель самоуправления отождествлялась со “стихийностью и самотеком” в социалистическом строительстве, отрицанием руководящей роли партии и диктатуры пролетариата, апологией мирного вращивания элементов капитализма в социализм. Согласно оценке КПСС, выраженной в одном из внутрипартийных документов, “СКЮ не является марксистско-ленинской рабочей партией. Это скорее мелкобуржуазная партия с преобладанием крестьянских тенденций” [2. Ф. 5. Оп. 33. Д. 94. Л. 182]. В дальнейшем критика идет на спад. Как отмечалось в другом документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., “нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы о их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении” [2. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99. Л. 90. Обзор “Ревизионистское извращение теории и практики марксизма-ленинизма”]. Как бы то ни было, критика югославского пути к социализму нашла отражение в итоговом документе московского Совещания компартий 1960 г., звучала в некоторых выступлениях советских лидеров как на съездах зарубежных компартий, так и на внутрипартийных форумах. Например, в конце января 1962 г. М.А. Суслов на совещании преподавателей-обществоведов говорил о том, что руководство СКЮ “не только не отказывается от своей ревизионистской программы, но и усиленно рекламирует ее” [10. 1962. № 3]. Однако в мае того же года Н.С. Хрущев, выступая в Болгарии, отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией “нормальные, более того, хорошие отношения” [9. 1962. 17 V]. Причина такого поворота заключалась не столько в высокой оценке руководством СКЮ решений XXII съезда КПСС (1961 г.) об углублении децентрализации, сколько в однозначно заявленной Тито готовности встать на сторону КПСС в наметившемся к этому времени конфликте с КПК. Начало возымело продолжение. Посетив 20 августа – 3 сентября 1963 г. Югославию, Хрущев, по некоторым сведениям, настолько увлекся моделью самоуправления, что после возвращения распорядился всерьез заняться изучением югославского опыта в целях внедрения элементов самоуправления на советских предприятиях. Правда, отвечавший за связи с соцстранами секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов, всегда скептически относившийся к югославской модели, не торопился выполнять это поручение. С отставкой Хрущева в октябре 1964 г. оно отпало само собой [12. С. 81–82].

В эпоху Л.И. Брежнева советско-югославские отношения в целом отличались стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции СФРЮ от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Юго-

славии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий. Однако это уже предмет другой статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Известия ЦК КПСС. 1991. № 1.
2. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).
3. *Mišunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977.
4. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998.
5. “Есть один путь к социализму, но могут быть разные методы, разные формы”. Записки Н.С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС // Источник. 2003. № 6.
6. Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok 1956. Dokumentumok. Budapest, 1995.
7. *Гибанский Л.Я.* Н.С. Хрущев, И. Броз Тито и венгерский кризис 1956 года // Новая и новейшая история. 1999. № 1.
8. *Стькалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.
9. Правда.
10. Коммунист.
11. *Румянцев А.* Социалистическая действительность и “теории” тов. Э. Карделя (По поводу выступления Э. Карделя на сессии Союзной народной скупщины в Белграде 7 декабря 1956 г.) // Коммунист. 1956. № 18.
12. *Бернов Ю.В.* Записки дипломата. М., 1995.

© 2006 г. А. Ю. ТИМОФЕЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ПОНЯТИЯ “СТАРАЯ СЕРБИЯ”

Югославский кризис начала 1990-х годов стал самым кровопролитным конфликтом в Европе со времени Второй мировой войны. Непосредственные причины межнациональных столкновений лежали, наверное, в национальной и экономической политике последних десятилетий. Однако корни проблем бывшей Югославии уходят, конечно, значительно глубже 1945 г.

Очаги войны в бывшей Югославии можно условно разделить на три объекта: Хорватия, Босния и Герцеговина, а также конфликтный пояс, включающий северо-западную Македонию, Косово и Метохию, Прешево, Буяновац, Пчине и Рашку. Эти территории объединены понятием “Старая Сербия”. Если первые два очага распознаются вполне ясно, то в третьем случае более низкая степень гомогенности и пересеченность государственными и административными границами затрудняют отчетливое распознавание третьего очага как единого целого со своей структурой. Тем не менее Старая Сербия представляет собой, на наш взгляд, некоторую целостность, что проявилось в последнее время в возникновении здесь ряда очагов кризиса, хотя и различной напряженности, но сходных по генезису.

Само понятие “Старая Сербия” возникло в ходе Первого сербского восстания (точнее после 1809 г.), когда в состав Сербии не вошли шесть нахий – Лесковацкая, Приштинская, Призренская, Новопазарская, Сеницкая, Старовлашская – и еще несколько каз в районе Скопье. В Средние века именно эти земли составляли ядро сербской государственности. В XIX в. историко-географическая область Старая Сербия – это регион, в основном совпадающий с Косовским вилайетом в его границах с 1878 по 1912 гг. Там тесно переплелись и даже столкнулись албанские, сербские и болгарские национальные интересы. Для XIX и начала XX в. эта историко-географическая область представляла собой не меньшую геополитическую реальность, чем, например, Босния и Герцеговина.

События в Старой Сербии в конце XIX – начале XX в. освещались в отечественной историографии скупо.

Интересные сведения о Старой Сербии и положении дел в Косове и Метохии содержали путевые заметки А.Ф. Гильфердинга, опубликованные в “Русской Беседе” в 1858 г. Известный славист и дипломат А.Ф. Гильфердинг (1831–1872),

---

Тимофеев Алексей Юрьевич – канд. ист. наук, сотрудник Института Новой истории Сербии.

выпускник Московского университета, ученик О.М. Бодянского, проехал по Герцеговине, Боснии и Старой Сербии. В самой Старой Сербии он путешествовал по Санджаку, Косову и Метохии и посетил Дечаны, Грачаницу и Печ. Сравнивая боснийские и косовские впечатления, он отмечал: “Вся эта старина, все эти памятники и предания сосредоточены в Старой Сербии, но в противоположность Боснии, в ней, как я сказал, нет, или почти нет ничего современного, живого, кроме диких мусульман-арнаутов” [1. С. 83]. В 1862 г. журнал “Военное обозрение” опубликовал анонимное “Краткое военное обозрение Северо-западных областей Турции”. По поводу Старой Сербии в нем говорилось, что “...на всем этом пространстве сербский элемент господствует весьма неравномерно: в южной части он подавлен уже албанским, то же около Приштины, Печа и Призрена” [2. С. 443]. В контексте дальнейшего развития демографической ситуации, можно сделать обоснованное предположение (подтверждаемое другими источниками), что в этническом смысле Старая Сербия уже в середине XIX в. не имела сербского большинства населения.

В 1871 г. В.В. Макушев написал небольшое исследование о славянах в Албании (прилегающей к Старой Сербии и потому близкой к последней по проблематике) в Средние века [3]. Но настоящий переход от путевых заметок к историографии, посвященной Старой Сербии, был совершен в работах русского консула в Европейской Турции, члена-корреспондента Сербской академии наук и многих отечественных и зарубежных научных обществ И.С. Ястребова (1839–1894). В своих книгах он сочетал элементы этнографических описаний с глубоким историко-географическим анализом [4], базировавшемся на отличном знании источниковой базы. Вопрос о Старой Сербии стал актуальным в начале XX в., когда им заинтересовались в контексте европейских реформ в Турции [5] и сербо-болгарских отношений [6] (рассматривая при этом Старую Сербию в связи с македонским вопросом). Следует упомянуть и о работе русского ученого А.М. Селищева, появившейся в межвоенный период в Болгарии [7]. Этот труд содержит обширную информацию об албанско-славянских контактах на протяжении веков. Суть позиции автора заключается в том, что Северная Албания является зоной контактного противостояния албанского и болгарского, а не сербского, народов.

После 1917 г. вопрос Старой Сербии не разрабатывался. В 1920-е годы вышел лишь сборник переводных статей [8]. В 1950-е годы отечественная историография занялась смежной проблематикой, прежде всего албанским вопросом. Работы эти были выполнены в жестких идеологических рамках, но все же стали первой в отечественной историографии попыткой научного рассмотрения событий в северной Албании и Косове в начале XX в. Излюбленной темой отечественных албанистов стало описание “страданий албанского народа под турецкой оккупацией”. Они писали о “страдавшей под турецким игом Албании”, указывая в примечаниях, что “под Албанией начала XX в. понимаются Шкадарский, Монастырский, Янинский и Косовский вилайеты” [9. С. 159]. При этом, как правило, не уделялось должное внимание значительному количеству православных славян и греков, проживавших в этих округах¹.

---

¹ Между тем, если подсчитать общее количество албанцев и неалбанцев, проживавших в этих четырех вилайетах, можно прийти к выводу, что албанцы там были меньшинством [10. S. 114].

Отечественные албанисты написали ряд монографий и статей, освещающих положение в Северной Албании в начале XX в. и затрагивающих деятельность албанцев в Старой Сербии [11]. Особого внимания среди этих работ заслуживает публикация Н.Д. Смирновой “Документы АВПРИ о Призренской лиге (1878–1881)” [12]. Можно отметить также работу П.А. Искендерова “Многонациональные области и международные отношения (на примере Косовской проблемы)” [13]. Несмотря на широту заявленной темы, в статье затронуты только события в Косовском вилайете с 1878 по 1912 г. В качестве источников автор использует письма сербских консулов из Приштины 1890–1900 гг., опубликованные Б. Перуничичем, и материалы АВПРИ. В результате изучения ситуации в крае П.А. Искендеров пришел к выводу о напряженности сербо-албанских отношений.

В вышедшей под редакцией Г.Л. Арша “Краткой истории Албании” [14] события в этом регионе изложены с привлечением в основном албанской историографии. В работе используются албанские варианты географических названий на территории Косова и Метохии, (например, сербский город Печ обычно появляется под албанским названием Пейя). Результаты исследований сербских историков в меньшей степени принимаются во внимание.

Двухтомная “История Югославии” [15] касается проблемы Старой Сербии крайне скупо. Куда больше внимания эта тема получила в работе коллектива отечественных авторов “На путях к Югославии: за и против” [16]. С точки зрения историографического обзора темы Старой Сербии важен раздел, посвященный сербской национальной идее в 1878–1903 гг., и раздел, в котором можно познакомиться с некоторыми новыми концепциями российского славяноведения относительно истории Македонии – области, пограничной со Старой Сербией (см. также [17]).

События в Косове конца XX в. отечественная историография отметила выходом нескольких книг и статей. Важное историографическое значение, безусловно, имеет сборник статей, изданный в России московским филиалом американского фонда Карнеги [18]. По мнению автора вступительной статьи Д.В. Тренина, заместителя директора центра, “экономическое, политическое, стратегическое значение этого региона (Косова и Метохии) не только для Европы, но и для Балкан ничтожно” [18. С. 15]. На наш взгляд, позиция Д.В. Тренина является довольно спорной. Удивление вызывает утверждение, что в 1913 г. после отделения Косова от Османской империи оно было разделено “между Сербией, Черногорией и Албанией” [18. С. 27]². Это мнение находит поддержку и у другого автора сборника, Ю.Давыдова, писавшего, что Россия должна “быть нейтральна в подходе к конфликтующим сторонам в Косово” [18. С. 277]. Немало вопросов вызывают и некоторые другие статьи того же сборника. Чего только стоит ссылка на К. Маркса по вопросу о том, какие народы сражались против турок на Косовом поле в 1389 г. [18. С. 116], тогда как результаты исследований историков в данном случае игнорируются. То, в какой спешке создавали сборник, заметно и по странным картам Косова [18. С. 12, 92], на которых территория Сербской автономной области Косово изображена как вытянутый прямоугольник, а не квадрат, каковую форму она на самом деле имеет,

---

² В 1913 г. вся территория Косова и часть Метохии были включены в состав Сербии. Черногория получила оставшуюся часть Метохии (земли в районе города Печ).

что видно даже по фотоколлажу на обложке того же сборника. Некоторые из авторов сборника считают слова “славянофильство” и “православие” синонимами [18. С. 247].

Тем не менее в сборнике приведены и более фундированные статьи, как, например, статья А.А. Язьковой, посвященная Косовскому конфликту в Новое время. В статье Е.Ю. Гуськовой предпринят, на наш взгляд, глубокий анализ проблемы сербо-албанского противостояния в центральной части Старой Сербии с изложением всего исторического подтекста, рассматривается современная ситуация и даются некоторые предложения по разрешению кризиса в Косово в сегодняшних его проявлениях. Тому же автору принадлежит и вышедшее недавно фундаментальное исследование, в рамках которого рассмотрена и проблема Косова и Метохии, ее исторические корни [19].

К сожалению, кроме вышеупомянутого сборника ничего значительного по проблеме Косова и Метохии и тем более всей Старой Сербии так и не появилось. Каталоги библиотек пополнили лишь некоторые небольшие брошюры и статьи научно-популярного характера [20].

В Сербии термин “Старая Сербия” одним из первых использовал В. Караджич [21]. В научном плане проблемы, связанные с положением сербского населения Старой Сербии, начали изучаться уже в конце XIX в. Работы сербских авторов, посвященные проблемам Старой Сербии в конце XIX – начале XX в., можно, в зависимости от времени написания, разделить на несколько групп.

Во-первых, это работы современников описываемых нами событий (Б. Нушича, С. Гопчевича, Й. Цвиича), написанные, в основном, до окончания Первой мировой войны. Такие труды, фактически, могут быть отнесены к категории источников, ведь их авторы черпали информацию для своих сочинений непосредственно из личных впечатлений. Часто эти работы писались на иностранных языках и создавались в пропагандистских целях (например, [22]). Такие сочинения порой содержали откровенное искажение объективно существовавшей реальности. Даже в работах такого авторитетнейшего сербского ученого, как Й. Цвиич, попадаются достаточно сомнительные утверждения. Так, на этнографической карте, прилагаемой к его работе о населении Балканского полуострова, значительная часть Северной Албании и вся территория Косова и Метохии, помечены как место проживания православных сербов, сербов-мусульман и “албанизированных сербов” (“арнауташи”) [23].

После окончания Первой мировой войны сербская историография обращается к анализу событий в Старой Сербии, основной целью которого стало сохранение для потомков памяти о героических усилиях по освобождению этой области (см., например: [24]). Ярким примером работ этого периода являются труды Й. Хаджи-Васильевича. Большинство его работ вышло в межвоенное время, хотя научная деятельность этого автора началась до 1918 г. Поэтому мы относим его именно к той группе сербских ученых, которая изучала события в Старой Сербии в конце XIX – начале XX в., опираясь, в основном, на материалы источников (см., например: [25]). Хотя в его работах еще имеются ссылки на личные воспоминания участников, все же основное место в источниковой базе занимают данные Архива МИД и Генштаба Сербии, а также отдельные изданные письменные источники.

В то же время появляются работы, посвященные различным сторонам жизни Старой Сербии в последние десятилетия турецкого ига [26]. Особенно интересны с точки зрения изучения взглядов сербских ученых на проблему Старой

Сербии работы Й. Хаджи-Васильевича о принявших мусульманство и албанизированных сербах. Хотя во время их написания вопрос о праве Сербии на Старую Сербию уже не был столь актуальным, его рассуждения о том, что большинство албаноязычных жителей Старой Сербии являются сербами, очевидно отражали точку зрения сербской политической элиты по этому поводу. Можно предположить, что колебания в этом вопросе способствовали откладыванию решения о депортации албанцев из Сербии до конца 1930-х годов, порождая необоснованные планы ассимиляции гомогенной албанской среды, резко враждебной сербскому влиянию (см., например: [27]). Других, помимо депортации, способов решения албанской проблемы сербской элитой предложено не было.

После Второй мировой войны тема Старой Сербии перестает на несколько десятилетий быть “легкой темой” для сербской историографии. Непростые сербо-албанские отношения, свойственные этому региону, могли нарушить “атмосферу братства и единства”, усиленно поддерживавшуюся в то время. С другой стороны, в условиях ускоренного генезиса македонской нации упоминание о сербах применительно к южной части Старой Сербии выглядело зачастую неуместным. В то время в рамках интересующей нас темы создавались, в основном, работы по отдельным небольшим сюжетам без глобальных обобщений. Затрагивались темы миграции населения после войны 1878 г. [28], очень подробно анализировались экономическая сторона истории Косова и Метохии в последние годы турецкого господства [29] и проблема развития общины у различных балканских народов и, в частности, у сербов [30]. Практически единственной крупной исторической монографией, рассматривавшей в интересующих нас хронологических рамках центральный район Старой Сербии – Косово и Метохию, стала книга М. Николича “Революционное рабочее движение в Косове и Метохии. 1895–1922”. В изложении событий 1895–1912 гг. в этой книге можно выделить ряд тенденций, характерных для работ того времени. Чрезмерное внимание уделено социально-экономическим факторам. Например, повествуя о проблемах крестьянского населения Косова, автор говорит лишь о напряженности феодальных отношений, но в его работе нет ни слова о сербо-албанских или христианско-мусульманских противоречиях [31. С. 14–15]. Большое значение для развития сербской историографии по вопросу Старой Сербии имели работы А. Урошевича, носившие этнографический характер и достаточно объективно освещавшие сложные национальные проблемы этого региона [32].

Ситуация стала меняться лишь с середины 1970-х годов, когда сербские национальные интересы все более открыто защищались сербскими историками³. Активизация внимания к процессам, происходившим в конце XIX в., возможно, была связана и с тем, что 1976–1981 гг. были юбилейными для событий времен сербо-турецких войн 1876–1878 гг. и Призренской лиги. После смерти Й. Тито идеологический контроль ослабляется, а бурные события в Косове в начале 1980-х годов усиливают внимание сербской историографии к прошлому Старой Сербии и сербско-албанским отношениям.

Крайне интересна с этой точки зрения вышедшая еще при жизни Й. Тито, работа В. Николич-Стоянчевич, посвященная этническим процессам на вновь освобожденных после войны 1878 г. территориях Сербии. Особую ценность ей придает и большое приложение, в котором опубликованы документы, свиде-

³ См. например, статью Храбака [33].

тельствующие о напряженности межэтнических отношений в освобожденных районах Южной Сербии [34]. Историей новоосвобожденных краев Сербии занимались и некоторые другие авторы [35], обращаясь при этом к рассмотрению последовавшего после 1878 г. процесса этнической гомогенизации.

В конце 70-х – начале 80-х годов XX в. тема Старой Сербии, сербо-албанских отношений и развития албанского освободительного движения становится особенно популярной. К ней стали постоянно обращаться многие сербские ученые, работы которых охватывают широкий круг вопросов. Б. Храбак освещает деятельность Призренской лиги [36], различные аспекты национального движения албанцев [37], его взаимоотношения с Австро-Венгрией, Черногорией и Англией [38]. Особенно интересна его статья, посвященная участию албанцев-католиков в Призренской лиге, где, на основе большого круга источников, Храбак анализирует степень задействованности албанцев-католиков в событиях, имевших место в Старой Сербии в начале 80-х годов XIX в. [39]. В его работах уделяется внимание и экономическим сюжетам развития Старой Сербии [40].

Из-за актуализации проблемы Косова и Метохии в 1980–1990-х годах тема Старой Сербии вызвала массу публикаций [41], многие из которых в той или иной мере затрагивают последний период турецкого владычества в Старой Сербии. Среди этих работ особо выделим книгу Д. Богдановича [42], содержащую описание косовской проблемы, ключевой в вопросе о Старой Сербии, начиная с раннего средневековья. Его книга является отличным обзором и не содержит новых научных построений, но впервые в сербской послевоенной историографии ее автор открыто подходит к проблеме Старой Сербии с позиции сербских национальных интересов, как он их понимает. Работа Богдановича, написанная хорошим языком, стала для многих сербов книгой, вновь возродившей в них Косовский “эпический дух”⁴.

В рамках нашей темы большой интерес представляют работы М. Воеводича, В. Стоянчевича, Д. Батаковича и Д. Борозана. Многочисленные статьи В. Стоянчевича о сербо-албанских отношениях, вышедшие в разное время в различных сербских периодических изданиях, собраны в отдельном сборнике [44]. В этих статьях он освещает положение в Старой Сербии и Северной Албании в различные периоды XIX и начала XX в. и подробно останавливается на разносторонних аспектах сербо-австрийского соперничества в этих регионах Турции после восточного кризиса 1870-х годов. Ряд работ по проблемам Старой Сербии написаны Д. Батаковичем (см., например: [45]), причем наиболее интересными нам представляются те из них, которые разрабатывают отдельные важные сюжеты в рамках общей темы развития ситуации в Косово и Метохии в последние два столетия. Батакович анализировал деятельность иностранных дипломатических миссий в Старой Сербии, церковный вопрос, положение сербского населения края и др. [46]. Большой ценностью отличается ряд сборников, выпущенных сербскими научными институтами и включающих в себя важные работы видных сербских ученых (например: [47]). Работа “Сербия и албанцы в XIX и в начале XX века” имеет особое историографическое значение. В рамках нашей темы интересны разделы, написанные М. Воеводичем (“Сербия и албанский вопрос в конце XIX века”) и Дж. Микичем (“Социально-экономическая ситуация в

---

⁴ Это не единственная работа, содержащая синтезный подход к проблеме Косова в сербской историографии, написанная в национальном ключе (см., например: [43]).

Косове и Метохии с 1878 по 1912 год”) (см. также [48]). Особого внимания заслуживают разделы, написанные М. Воеводицем, в которых он детально использовал материалы Архива Сербии. Прделанная им колоссальная работа по изучению материалов МИД Сербии сделала его труд весьма информативным, можно говорить и об объективности авторского подхода. С точки зрения оценки общей динамики развития проблемы албано-сербского противостояния, необходимо также обратить внимание на работы Дж. Борозана [49]. В конце 1980-х годов актуальной темой стал вопрос о международном факторе в разрешении проблем Косовского вилайета [50] в разные исторические периоды, и, в особенности, о влиянии глобального соперничества супердержав на эту конфликтную зону [51]. Общее внимание к проблемам Старой Сербии привело к выявлению и введению в научный оборот множества новых источников, которые позволили лучше увидеть сюжеты, ранее слабо освещенные в историографии [52].

Определенный интерес при изучении динамики колебаний демографического баланса в Старой Сербии представляют этнографические и филологические работы сербских авторов [53]. А общую тенденцию современного сербского восприятия сербо-мусульманских и, как частный случай, сербо-албанских отношений в Старой Сербии можно почувствовать, ознакомившись с эмоциональным романом современного сербского политика и писателя В. Драшковича [54].

Кроме сербских авторов, к проблемам центральных территорий бывшего Косовского вилайета обращались в югославской историографии македонские, хорватские и албанские историки. Македонская историография, начиная с образования республики Македония в составе Югославии, занималась прежде всего воссозданием македонской истории. Поэтому из трудов этого направления существенную ценность в рамках историографического среза нашего вопроса могут иметь, в основном, работы, посвященные конкретным историческим проблемам, связанным с развитием Косова и Метохии [55]. Наиболее объективным синтезом взглядов македонской историографии можно считать монографию С. Милославлевского [56]. Для уточнения некоторых данных о повстанческом движении в Македонии (как соседнем со Старой Сербией) в начале XX в. необходимо иметь в виду и точку зрения болгарских авторов, работавших над теми же сюжетами [57]. Хорватские авторы по проблеме Старой Сербии (точнее ее центральной части – районам Косова и Метохии) занимали в целом объективную позицию, иногда впрочем, переходя к критике “великосербских замашек” (см., например: [58]). Особенно полезной можно назвать книгу Б. Штулли, так как его глубоко фундированное источниками и достаточно объективное исследование фактически впервые в югославской историографии затронуло проблему Призренской лиги (после морально устаревшей книги Й. Хаджи-Васильевича). Труды албанских и разделяющих их позицию авторов часто выходили в Хорватии и Словении. Не в последнюю очередь именно отсутствие симпатий к Сербии заставляло издательские организации этих республик издавать массовыми тиражами труды об Албании и деятельности албанского народа в Косово, Метохии и, в меньшей степени, в Македонии. Например, научно-популярная книга “Албания”, которую написал албанец А. Пушка, описывает албанскую историю, географию и экономику [59].

Особая позиция была характерна для албанских ученых СФРЮ, которые всячески акцентировали “великосербский шовинизм”, а антисербские акции албанцев изображали случайными и незначительными (см., например: [60]). Мно-

гие работы албанских авторов выходили на албанском языке в местных научных журналах Косова и Метохии, причем особенно этот процесс активизировался после основания в Приштине университета, ставшего кузницей кадров албанской интеллигенции. Если манифестом сербской научной элиты по проблеме Косова можно назвать книгу Богдановича, то воплощением характерного для албанской стороны научного подхода стала вышедшая в Любляне книга “Албанцы” [61]. Эта работа, изданная на словенском языке, была составлена из статей разных авторов. Хотя большинство из них были албанцами, для придания ей видимости большей объективности в состав авторов был включен и серб (Д. Богданович). В этой книге отражен довольно тенденциозный взгляд на проблему сербо-албанских взаимоотношений, так что после ее появления сербское научное мнение было буквально взорвано и ответило многочисленными протестующими статьями (см. подробнее: [62. С. 139–160]).

Общий обзор литературы, затрагивающей в той или иной мере проблему Старой Сербии, был бы неполон без упоминания об англоязычной историографии. Нужно сказать, что последняя огромна и заслуживает отдельного историографического исследования. Мы же отметим, что непосредственно темой Старой Сербии англоязычные авторы заинтересовались только в 90-х годах XX в. До этого тема была освещена в более общих трудах, посвященных истории Сербии. Вопрос о Старой Сербии в контексте сербской внешней политики в конце XIX – начале XX в., затронут в двух обширнейших классических трудах авторов сербского происхождения: М.Б. Петровича и В.С. Вучинича [63]. В трудах этих авторов сербская активность в Рашке, Косове, Метохии и северо-западной части современной Республики Македония рассмотрена с привлечением большого количества источников и историографии. Полную противоположность этим трудам представляют новые работы, вышедшие в конце 90-х годов XX в. Они были опубликованы на волне информационно-пропагандистской кампании. В этом ключе написана книга Н. Малькольма, похожая на нее работа М. Викерс [64; 65] и многие другие. Книга Н. Малькольма, получившая положительную оценку М. Тэтчер, а также многих солидных западных изданий, является знаковой для англо-американской историографии.

Что же это за книга? Автор ее, Н. Малькольм, никогда прежде не занимался проблемами Косова. Специализировавшийся по истории западноевропейских средневековых ересей, в течение трех лет он успел поработать в 15 архивах и обработать около 1000 единиц историографии на многих европейских языках, включая материалы на албанском и сербском. Уже в преамбуле Малькольм откровенно признался, что о Косове есть “две точки зрения, две правды”, и что “албанская правда более важная из этих двух правд” [65. Р. XXX–XXXI]. Этой “албанской правде” Н. Малькольм не изменяет на протяжении всего своего повествования. Вакханалия “правды” приводит к “разоблачению” битвы на Косовом поле. Оказывается, герой сербского эпоса Юг Богдан, погибший на Косово с девятью своими сыновьями, был венгерским наемником (“Угр” – “Югр” – “Юг”) [65. Р. 72]. Надо сказать, что книга Н. Малькольма вызвала такое возмущение в сербской научной среде, что Сербская академия наук провела специальную дискуссию с участием корифеев сербской историографии М. Екмечича, Д. Янковича, Э. Милькович-Боянич, С. Терзича, М. Белаяца, Д. Борозана и Л. Димича, выпустив по материалам этой беспрецедентной дискуссии специальный сборник [66].

Проблема Старой Сербии (включающая в себя вопрос о генезисе современного очага кризиса в северо-западной Македонии, Косове и Метохии, Прешево, Буяновце, и Рашке) перестала быть настолько актуальной в последнее время. Внимание мировой общественности, а вместе с ним и современных историков привлечено к другим событиям. Сербская историография также вслед за внешнеполитической линией Сербии и Черногории уделяет меньшее внимание проблеме Старой Сербии. Поэтому становится особенно заметной деятельность Института Сербской культуры в Лепосавиче. Этот научный институт существовал и до 1999 г. в Приштине. В его рамках развивались различные проекты, посвященные истории сербского народа в Старой Сербии. После 1999 г. институт под руководством М. Джорджевича был вынужден переселиться из Приштины в Лепосавич в северо-западной части Косова. Здесь продолжен выпуск регулярного научного журнала института под названием “Баштина” (“Наследие”), проведено несколько научных конференций и издано свыше 20 книг [67].

Таким образом, можно утверждать, что проблему Старой Сербии (с использованием термина “Старая Сербия”) специально изучали историки России и Сербии до Первой мировой войны. Затем ситуация радикально изменилась. С одной стороны, новая сербская историография стала избегать выделения историко-географической области Старая Сербия, что отражало интеграционные стремления югославского государства (например: [68. С. 160–164]). С другой стороны, в России (Советском Союзе) марксистская историография видела в выделении проблемы Старой Сербии отзвук сербского шовинизма. После 1945 г. на подобные же позиции перешло и абсолютное большинство югославских исследователей. Истины ради стоит заметить, что хотя некоторые сербские социалистические теоретики и пренебрегали понятием Старая Сербия [69], этот термин вряд ли можно считать “реакционным”, хотя его использовал родоначальник сербского социализма С. Маркович [70. С. 95]. В настоящее время проблема Старой Сербии вновь появилась в работах сербских исследователей. Сам термин “Старая Сербия” стал на сегодняшний день полноценным термином исторической географии (например, [71. С. 247–248, 406–407]). В отечественной историографии рассмотрение Старой Сербии как единого объекта пока еще не стало распространенным, хотя сам термин уже начал использоваться [19. С. 645].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская Беседа. 1858. Т. 3. Ч. 2.
2. Военное обозрение. 1862. Октябрь
3. *Макушев В.* Исторические разыскания о славянах в Средние века. Варшава, 1871.
4. *Ястребов И.С.* Подаци за историју Српске цркве. Београд, 1875; *Ястребов И.С.* Стара Сербия и Албания. Путевья записки. Београд, 1904.
5. *Теплов В.А.* Турецкие реформы в связи с вопросом о Македонии и Старой Сербии. СПб., 1903.
6. *Кондаков П.Н.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.
7. *Селищев А.М.* Славянское население в Албании. София, 1931.
8. Албанский узел. М.; Л., 1925.
9. *Кирова К.Э.* Итальянское проникновение в Албанию (1897–1911) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. III.
10. *Ватаковић D.* The Kosovo chronicles. Belgrad, 1992.
11. *Иванова Ю.В.* Законник Лека Дукаджина. М., 1954; *Иванова Ю.В.* Северная Албания в XIX веке. Общественная жизнь. М., 1973; *Сенкевич И.Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; *Сенкевич И.Г.* Албания в период восточного кризиса

- (1875–1881). М., 1965; *Смирнова Н.Д.* Албания в конце XIX – начале XX века. Завоевание независимости // Балканы в конце XIX – начале XX века. М., 1991.
12. *Смирнова Н.Д.* Документы АВПРИ о Призренской лиге (1878–1881) // Балканские исследования. М., 1982. Вып. 8.
  13. *Искендеров П.А.* Многонациональные области и международные отношения (на примере Косовской проблемы) // Человек в многонациональном обществе: этничность и право. М., 1994.
  14. Краткая история Албании. М., 1992.
  15. История Югославии. М., 1963. Т. I.
  16. На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX вв. М., 1997.
  17. Македония: Проблемы истории и культуры. М., 1999.
  18. Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. М., 1999.
  19. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.
  20. *Иванова Ю.В.* Косовский кризис. Этнические аспекты проблемы. М., 1999; *Коган-Ясный В.В.* Косово: торжество обывательской политики. М., 1999.
  21. *Караџић В.* “Тетово” // Речник. Београд, 1852.
  22. *Гопчевич С.* Старая Сербия и Македония: историко-этнографическое исследование. СПб., 1899; *Žiranić N.* Altserbien und die albanesische frage. Wien, 1912; *Balkanikus (Протич С.)* Албанская проблема и Сербия и Австро-Венгрия. СПб., 1913.
  23. *Vijić J.* La Péninsule balkanique: Géographie humaine, Paris, 1918.
  24. *Јовановић Ј.* Јужна Србија, од краја XVIII века до ослобођења. Београд, 1941.
  25. *Хаџи-Васиљевић Ј.* Арбанашка лига. Београд, 1909; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Муслимани наше крви у Јужној Србији. Београд, 1924; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Четничка акција у Старој Србији и Македонији. Београд, 1928; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Друштво Св. Саве (1886–1936) // Споменици ДСС. Београд, 1936; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Четничка акција у Старој Србији и Македонији. Београд, 1928; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Русија заштитница православља и њени консуларни заступници у нашим крајевима под Турцима. Београд, 1938; *Хаџи-Васиљевић Ј.* Арнаути наше крви – Арнаути. Београд, 1939.
  26. *Гавриловић М.* Привреда Јужне Србије. Скопље, 1933; *Гавриловић М.* Развитак банкарства и привреде у Јужној Србији. Скопље, 1931; *Чемериквић М.* Трговина, занатство, индустрија, кредитне установе од 1875. до 1937. // Споменица двадесетопетогодишњице ослобођења Јужне Србије. Скопље, 1937.
  27. Kosovo. In the heart of the powder keg. New York, 1997.
  28. *Костић М.* Преглед босанско-херцеговачких мухаџира и њихових првака по Косовском вилаету 1883 // Историјски часопис. Београд, 1948. № 1–2.; *Павловић Р.* Сеоба Срба и Арбанаса у ратовима 1876 и 1877–1878 године // Гласник етнолошког института САН. Београд, 1957. IV–VI.
  29. *Petrović D.* Puškarski zanat u Metohiji // Vesnik vojnog muzeja JNA. Beograd, 1955; *Kadri H.* Tabački zanat u Prizrenu. Glasnik Muzeja Kosova i Metohije. Priština, 1956. I.
  30. *Драгојловић Д.* Институција колективне одговорности код Јужних Словена у Средњем веку // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974.
  31. *Nikolić M.* Revolucionarni radnički pokret na Kosovu i Metohiji 1895–1922. Priština, 1962.
  32. *Урошевић А.* Косово. Београд, 1965; *Урошевић А.* Топоними Косова. Београд, 1975.
  33. *Храбак Б.* Арбанашки устанци 1912 // Врањски гласник. 1975.
  34. *Николић-Стојанчевић В.* Лесковац и ослобођење предели Србије 1877–1878 године. Етничке, демографске, социјално-економске и културне прилике. Лесковац, 1975.
  35. *Стоичић С.* Међународни, економски, политички и правни аспект аграрног питања у новоослобођеним крајевима Србије после српско-турских ратова. Лесковац, 1983. *Трајковић Д.* Лесковац и околина до краја XIX века. (највише на основу казивања савременика) // Из прошлости Лесковца и околине. Студије и чланци. Лесковац, 1977.
  36. *Храбак Б.* Идеје о албанској аутономији 1876–1880. // Историјски часопис. Београд, 1980. XXV.
  37. *Храбак Б.* Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988.
  38. *Hrabak B.* Arbanasi i njihova liga prema okupaciji Bosne i Hercegovine 1878. godine. Prilozi. № 16. Sarajevo, 1979; Црна Гора и Арбанаси у Источној кризи 1875–1878. // Стогодишњица црногорско-турског рата 1876–1878. Титоград, 1978.
  39. *Hrabak B.* Arbanasi katolici i prizrenska Liga (1878–1881). Srbija u završnoj fazi istočne krize 1877–1878. godine. Zbornik radova. Beograd, 1980. Knjiga 2.

40. *Храбак Б.* Пољопривреда области САП Косова у последњем периоду османлијске власти (1880–1912). // Врањски гласник. Врање, 1986. Књига XIX.; *Храбак Б.* Почети банкарства на Косову // Историјски гласник. Београд, 1982. № 1–2; *Храбак Б.* Саобраћај на Косову и у Метохији 1870–1912 године // Зборник Матице српске за историју. Нови Сад, 1989. № 40.
41. *Rajović R.* Аутономија Косова: Историјско-правна студија. Београд, 1985; *Vuković I.* Аутономаштво и сепаратизам на Косову. Београд, 1985; *Vukanović T.* Срби на Косову. Вранје, 1986; *Шуља Ж.* Поношење косовске истине. Београд, 1986; *Јовичић В.* Косово у свести и надању српског народа. Београд, 1988; *Dželetović-Ivanov P.* Јевреји Косова и Метохије. Београд, 1988; *Petković R.* Косово: прошлост и садашњост. Београд, 1989; *Петручић Б.* Зулуми ага и бегова у Косовском вилаету. Београд, 1989; *Вујиновић Г.* Косово је грдно судилиште. Београд, 1989; *Самарић Р.* Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989; *Шуља Ж.* Подземни рат на Косову и Метохији 1389–1989. Београд, 1989; *Никић Ј.* Косово: 1389–1989. Београд, 1990; *Јевтић М.* Шиптари и ислам. Пријвор, 1995; *Rot H.* Косовски искони: позадина актуелних збивања на Косову и Метохији. Београд, 1996; *Слијепчевић Б.* Српско-арбанашки односи кроз векове са посебним освртом на новије време, Химелстир, 1983.
42. *Богдановић Д.* Книга о Косову. Београд, 1990.
43. Косово и Метохија током векова. Зубља. Приштина, 1995.
44. *Стојанчевић В.* Срби и Арбанаси. 1804–1912. Нови Сад, 1994.
45. *Батаковић Д.* Косово и Метохија у српско-арбанашким односима: студије и чланци. Приштина, 1991; *Bataković D.* The Kosovo Chronicles. Beograd, 1992.
46. *Батаковић Д.* Погибија Руског конзула Г.С. Шчербине у Митровици 1903. г. // Историјски часопис. Београд, 1987. Кн. XXXIV; *Батаковић Д.* Дечанско питање. Београд, 1989; *Батаковић Д.* Истрага оружја у Ибарском Колашину 1901. године // Косовско-метохијски зборник. Београд, 1990.
47. Косово и Метохија у српској историји. Београд, 1989; Србија и Албанци у XIX и почетком XX века // Научни скупови. Београд, 1990. Књ. LIII.
48. *Микић Б.* Друштвене и економске прилике косовских Срба у XIX и почетком XX века: Од чифчијства до банкарства. Београд, 1988; *Микић Б.* Настојање Србије на отварању руског или енглеског конзулата у Пећи 1908. године // Обележја. Приштина, 1978. Бр. 1; *Микић Б.* Албанци и Србија у Балканским ратовима 1912–1913. године // Историјски гласник. 1985. 1–2.
49. *Борозан Б.* Миграције као последица исламизације и албанизације на примеру Сјеверне Албаније и Старе Србије. Београд, 1998; *Борозан Б.* Велика Албанија: поријекло, идеје, пракса. Београд, 1995.
50. *Војводић М.* Берлински конгрес и Призренска лига. // Историјски гласник. Београд, 1989. № 1–2; *Мартиновић С.* Децембарски и Бечки програм реформи у Турској 1902/1903. године и став Русије према Албанцима // Обележја. Приштина, 1985. 3.
51. *Драшкић С.* Надметање Аустро-Угарске и Италије концем XIX и почетком XX века у Албанији // Марксистичка мисао. 1986. 2; *Мартиновић С.* Русија и албански национални покрет 1877/1878. године // Обележја. Приштина, 1986. 3.
52. *Пејин Ј.* Исељавање из Косовског вилаета и других крајева под турцима у САД 1906–1907. године. // Историјски гласник. 1985. 1–2; *Пејин Ј.* О обнови рада и оснивању српских школа у Старој Србији и Македонији 1897. године // Вардарски зборник. Београд, 1999. 1.
53. *Krstić B.* Kosovo između istorijskog i etničkog prava. Beograd, 1994; *Урошевић А.* Етнички процеси на Косову током турске владавине. Београд, 1987; *Станишић В.* Српско-Албански језички односи. Београд, 1995.
54. *Драшкович В.* Русский консул. М., 1992.
55. *Димевски С.* Стварање, структура и компетенције црквено-школских општина 60-тих година XIX века // Обичајно право и самоуправе на Балкану и у суседним земљама. Београд, 1974; *Трајановски А.* Црквено-училишните општини во Македонија. Скопје, 1988; *Џамбазовски К.* Културно-општествените врски на Македонците со Србија во текот на XIX. Скопје, 1960.
56. *Милославевски С.* Дијалектика развоја македонске националне свести. Београд, 1997.
57. *Гоцев С.* Борби на бугарското население в Македонија срещу чудните аспирации и пропаганда 1878–1945. Софија, 1991; *Панайотов Ј.* Втрешна Македono-Одринска револуционна организация (ВМОРО) // Втрешна-Македono-Одринска револуционна организация. Софија, 1994; *Георгиев В., Трифонов С.* Грецката и срџбската пропаганди в Македонија (Крај на XIX – началото XX в.). Софија, 1995.
58. *Vogičević V.* Emigracija muslimanske Bosne i Hercegovine u Tursku u doba Austro-Ugarske vladavine 1878–1918 // Historijski zbornik. Zagreb, 1950. № 1–4; *Štulli B.* Albansko pitanje (1875–1882). Zagreb, 1959; *Hudelst D.* Kosovo: Bitka bez iluzija. Zagreb, 1989.

59. *Pushka A.* Albanija. Zagreb, 1978.
60. *Redžepagić J.* Razvoj prosvete i školstva albanske narodnosti na teritoriji današnje Jugoslavije do 1918. Godine. Priština, 1968; *Šukri R.* Nastojanja srpske diplomatije da stupi u kontakt sa albanskim nacionalnim komitetima 1898 godine // *Horizonti istorije*. Priština, 1987. № 11; *Хадри А.* Косово и Метохија у краљевини Југославији // *Историјски гласник*. Београд, 1967. № 1–2.
61. *Albanci*. Ljubljana, 1984.
62. *Историјски гласник*. Београд, 1985. № 1–2.
63. *Vucinich W.S.* Serbia between East and West. New York, 1968; *Petrovich M.B.* A history of Modern Serbia. 1804–1918. New York; London, 1976.
64. *Vickers M.* Between Serb and Albanian. A History of Kosovo. London, 1998.
65. *Malcolm N.* Kosovo. A Short History. New York, 1998.
66. Одговор на књигу Ноела Малколма “Косово. Кратка историја” (научна расправа о књизи Ноела Малколма “Косово. Кратка историја” 8. октобар 1999). Београд, 2000.
67. Институт за Српску културу Приштина: (1988–2002). Београд, 2002.
68. *Јовановић Ј.* Лужна Србија, од краја XVIII века до ослобођења. Београд, 1941.
69. *Туцовић Д.* Србија и Арбанија. Београд; Загреб, 1945.
70. *Марковић С.* Србија на Истоку // *Целокупна дела*. Београд, 1995. Т. VIII.
71. Српски духовни простор. Научни скупови. Бања Лука, 1999. Књ. I.

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004. 551 С.

В 2004 г. в издательстве “Наука” под редакцией В.В. Марьиной вышла коллективная монография, посвященная проблеме национальной политики в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на последнем этапе Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Книга подготовлена сотрудниками Института славяноведения РАН Е.Ю. Гуськовой, Ю.Ф. Зудиновым, Б.И. Желицким, В.В. Марьиной, Л.Б. Миляковой, А.С. Стыкалинным при участии сотрудника Института сравнительной политологии И.С. Яжборовской, польского историка Р. Бекера и чешских коллег Я. Ваннера и Х. Носковой. Она состоит из предисловия В.В. Марьиной, двенадцати глав вышеперечисленных авторов (последняя, в качестве заключительной, написана в соавторстве В.В. Марьиной и И.С. Яжборовской), приложения из 17 документов, списка сокращений и именного указателя.

Актуальность выбранной темы не подлежит сомнению. Национальный вопрос, приобретший особую остроту в этом европейском регионе в конце XX – начале XXI вв., имеет исторические корни, без изучения которых невозможно понять суть современных национальных конфликтов. Авторы исследования не случайно выбрали временной отрезок 1944–1948 гг., период переходный, во многом определявший дальнейшее развитие стран, когда закладывались основы как послевоенных международных отношений, так и внутренней национальной политики.

Из огромного спектра проблем, связанных с понятием “национальный вопрос”, они выделили в качестве предмета исследования национальную политику в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии, Югославии, отдельная глава чешского историка Я. Ваннера посвящена массовым депортациям в СССР. В каждой из стран национальная политика имела свою специфику, объяснявшуюся историческими традициями, расстановкой политических сил, и, не в последнюю очередь, поведением национальных меньшинств в годы Второй мировой войны. Включение в книгу главы о национальной политике в Советском Союзе имеет свою логику, так как в центре внимания авторов не только политические концепции решения национального вопроса и их реализация, но и влияние советского фактора на формирование и проведение национальной политики в странах региона.

В монографии поднимаются такие до сих пор политически острые вопросы как выселение немцев из Чехословакии и Польши, положение венгров в Словакии и словаков в Венгрии, трансильванский вопрос, взаимоотношения народов Югославии, албанцы в Косово, политика в отношении еврейского населения.

Книга написана на основе широкого круга документальных материалов, в том числе архивных, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Авторы попытались по-новому взглянуть на государственную политику в отношении национальных меньшинств без прежней

идеологизации, на основе исторических фактов. Многие тезисы авторов дискуссионны. Иногда одна и та же проблема рассматривается в главах, написанных разными авторами, и их мнения не во всем совпадают.

В предисловии, носящем постановочный характер, подчеркивается, что переход к коммунистическому тоталитаризму в странах региона в конце исследуемого периода во многом был облегчен опытом фашистских, профашистских, авторитарных, военно-диктаторских, оккупационных режимов в годы войны, т.е. общество в какой-то степени “привыкло” и адаптировалось к условиям несвободы.

Обширная первая глава (автор И.С. Яжборовская) посвящена всему региону в целом, при этом отмечается его специфика, так как там веками проживали и продолжают бок о бок жить разные малые и средние народы, а государственные границы далеко не всегда совпадают с этническими. В главе предпринята попытка обобщить сложные процессы, происходившие в регионе, начиная с периода образования самостоятельных государств после Первой мировой войны и вплоть до первых лет после окончания Второй мировой. По мнению автора, истоки многих национальных конфликтов и нестабильности региона были заложены еще Версальской мирной системой, что верно, но лишь отчасти, так как, например, резкое противостояние чехов и немцев в Чешских землях существовало уже со второй половины XIX в. Автор не только останавливается на исторических событиях, но рассматривает и советские теории решения национального вопроса, при этом несколько идеализируя ленинскую концепцию национальной политики по сравнению со сталинской. На самом деле, при всем различии их принципиально роднил один момент – признание приоритета классовых интересов над национальными. Очень интересен материал, представленный в последних параграфах главы, где речь идет о национальной политике в Польше и массовых перемещениях населения после войны.

Я. Ваннер, автор главы о депортациях в СССР, достаточно подробно касается обстоятельств выселения советских немцев, кавказских народов, жителей Прибалтики, калмыков, крымских татар, ук-

раинцев, в то же время никак особо не выделяя причин столь жесткой политики в отношении отдельных народов, что вынудило ответственного редактора дать свой комментарий к статье (С. 108). Кроме того, было бы желательно не только дать фактологический материал, но и ответить на вопрос, использовался ли советский опыт депортаций, и если да, то в какой степени, при выселении, скажем, немцев и венгров из Чехословакии.

Главы третья, об отношении чехов и словаков в возрожденной Чехословакии, и четвертая, о выселении немцев из Чехословакии, написанные В.В. Марьиной и основанные на большом количестве документов из опубликованных сборников и российских архивов, содержат новые любопытные материалы, из истории как дипломатических отношений, так и внутренней политики ЧСР. Автор хорошо знакома с чехословацкой, чешской и словацкой историографией вопроса, в том числе с новыми публикациями по проблеме. Марьяна рассматривает чешско-словацкие отношения начиная с межвоенного периода, останавливается на теории “чехословакизма”, большое внимание уделяет взглядам чехословацкого президента Э. Бенеша на отношения к словакам и немцам. К сожалению, она не избежала повторов, в частности в начале обеих глав приводятся одни и те же статистические данные переписи населения 1930 г. Кстати сказать, в следующей пятой главе, написанной Б.И. Желицким и посвященной выселению из Чехословакии венгров, со ссылкой на другую книгу чешского автора, даются незначительно, но все же отличающиеся данные той же переписи. Вообще статистике переписи 1930 г. в отношении национального состава населения вряд ли можно доверять полностью, так как люди нередко фиксировали национальную принадлежность, исходя из политических выгод признания себя представителем титульной нации. В этой главе подробно освещаются как чехословацкая концепция выселения венгров, так и само проведение “трансфера”. Несколько излишними представляются отсылки автором читателей к своим статьям, опубликованным ранее на венгерском языке. Говоря о позиции советского руководства, можно было подчеркнуть его двойственность (чехам и словакам

обещали одно, венграм – другое), рассчитывая добиться усиления влияния в обеих странах, одновременно заставив их решать вопрос об обмене населением путем двусторонних переговоров. Продолжает и дополняет поднятую тему шестая глава о венгеро-словацких отношениях, написанная Х. Носковой. Но здесь также данные о численности венгров в Словакии, приводимые Желицким и Носковой, расходятся (С. 223, 285). Носкова подробно и достаточно объективно описывает переселение не только венгров из Словакии, но и словаков из Венгрии, показывая реальные проблемы, возникавшие при этом. Следующие две главы Л.Б. Миляковой и Р. Бекера касаются проблемы положения национальных меньшинств в Польше. Милякова останавливается на польской политике в отношении украинцев и евреев, а Бекер показывает, как принятая концепция построения мононационального польского государства влияла на отношение к польским немцам, украинцам, евреям и другим национальным меньшинствам, в этом контексте непонятна, правда, фраза (С. 351) о необходимости исследования отношения поляков к русским и солдатам Красной Армии (они ведь не являлись национальным меньшинством в Польше). По мнению автора, националистические настроения в польском обществе после войны облегчили переход к тоталитарному коммунистическому режиму.

Историческому освещению и реальному решению трансильванской проблемы (т.е. вопроса о государственной принадлежности Трансильвании) в указанный период посвящена глава А.С. Стыкалина, отличающаяся весьма образным стилем изложения и основанная на детальном анализе документов, опубликованных в тематическом сборнике под редакцией Т.М. Исламова.

Главы десятая и одиннадцатая (авторы соответственно Е.Ю. Гуськова и, к сожалению, недавно ушедший из жизни Ю.Ф. Зудинов) касаются национальных отношений на Балканах – в Югославии и Болгарии. Гуськова проводит мысль о том, что вывод Й.Б. Тито, сделанный в 1948 г., об окончательном решении национального вопроса являлся явно преждевременным, так как национальные противоречия в стране в социалистический

период не были преодолены и после ослабления центральной власти в 1980-х годах привели к развалу федерации и серьезным национальным конфликтам 1990-х годов. Зудинов обращается к “турецкому” и “македонскому” аспектам межэтнических отношений в Болгарии в 1944–1947 гг.

Вообще, говоря о распределении материала, следует отметить, что наиболее подробно тремя авторами в четырех главах рассмотрена национальная политика в Чехословакии (С. 113–310), самый краткий и сжатый объем пришелся как раз на Болгарию (С. 482–496).

Последняя глава или послесловие нацелена на объяснение связи современных национальных противоречий с событиями и политикой 1940-х годов, особенностей исторической памяти народов, фиксирующей все действительные и мнимые несправедливости и обиды. В главе затронуты многие остающиеся дискуссионными вопросы взаимоотношений наций региона, современные оценки национальной политики послевоенных лет.

Что касается документального приложения, то, естественно, оно обогащает и иллюстрирует текст, но при этом, на мой взгляд, должны соблюдаться некоторые принципы: 1) желательно, чтобы это были не публиковавшиеся ранее архивные материалы либо 2) документы, опубликованные в сборниках, ставших редкими, или 3) хотя бы перевод на русский язык документов, недавно опубликованных за границей. В данном случае в документальное приложение вошли переводы документов, опубликованных в Чехословакии в 1970-е годы и из отечественных сборников на русском языке, поэтому их включение в книгу скорее чисто декоративное.

В целом необходимо отметить, что международный коллектив авторов проделал большую работу и создал весьма интересный и политически востребованный труд, позволяющий всем интересующимся историей региона, международных отношений, дипломатии и национальных проблем подробно ознакомиться с новым взглядом профессионалов-историков на события конца Второй мировой войны и первые послевоенные годы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Дискуссионный характер книги

будит мысль читателей, заставляет задуматься над поставленными проблемами. В монографии не только представлено много нового фактического материала, но ее отличает высокий аналитический

уровень, выразившийся в попытках обобщить и сопоставить национальную политику в разных странах региона.

© 2006 г. *Е.П. Серапионова*

Славяноведение, № 3

Ар.А. УЛУНЯН. После режима. Греция: от военно-политической системы к парламентской демократии (1974–1981 гг.). М., 2005. 242 С.

Доктор исторических наук Ар.А. Улуян, один из крупнейших отечественных историков-балканистов, автор не менее 10 монографий и большого количества статей как по новейшей истории Греции, так и по широкому кругу проблем международных отношений в XX в., опубликовал очередную свою монографическую работу. Она является в известной мере продолжением его недавней книги «Ошибка полковника Пападопулоса. Крах идеи “сильной руки” и системы “управляемой демократии” в Греции (1967–1974 гг.)» (М., 2004), первого в отечественной историографии капитального исследования режима “черных полковников” в Греции. В центре внимания новой работы Ар.А. Улуяна – ситуация в Греции, внешняя и внутренняя политика ее правительства после падения в 1974 г. военного режима и перехода власти к гражданским политикам.

Рассматриваемый период вошел в новейшую историю Греции как время восстановления демократии, возникновения новых центров силы и государственных институтов, коренной реорганизации всей политической системы на основе приближения к западным образцам и моделям. В новых условиях был поставлен на повестку дня вопрос о формах будущего общенационально-политического устройства страны и о характере взаимоотношений между гражданской властью и армией. Стремление гражданской власти не допустить нового вмешательства армии в политический процесс нашло выражение в программе мер, направленных на изменение ее статуса в греческом об-

ществе. Вооруженные силы перестали выступать в качестве одного из элементов исторически сложившейся триархии наряду с институтами монархии и парламента, своего рода “третьей силы”, имевшей возможность брать на себя роль арбитра в моменты обострения внутривнутриполитических кризисов, их функции сводились лишь к задачам оборонного характера. Процесс этот, однако, был длительным, непростым и болезненным, вызывавшим сопротивление немалой части генералитета и офицерства. Ар.А. Улуян показывает тактику “умиротворения” военных, нацеленную на то, чтобы, проводя неизбежные чистки госаппарата и армейского командного состава, не допустить вместе с тем излишнего обострения отношений гражданских политиков и офицерского корпуса, в рядах которого продолжали находиться не только приверженцы демократии, но и влиятельные сторонники “жесткой линии”, исповедовавшие политические принципы “революции” 21 апреля 1967 г. Нежелание оказывать излишнее давление на армию не означало, однако, отсутствия почвы для конфликтов, тем более, что крайне правая тенденция в греческой политической жизни находила поддержку части крупного бизнеса. Угроза для демократии справа на протяжении всего рассматриваемого периода продолжала оставаться реальным фактором греческой политики.

Поступательному движению по пути реформ не в последнюю очередь способствовало ожидание обществом перемен, ведь идеи “сильной руки” и “управляемой демократии” образца 1967 г. связывались

в массовом сознании с экономической стагнацией и внешнеполитическими неудачами (не в последнюю очередь, в кипрском вопросе). Ар.А. Улунян, приводя конкретные данные, уже не в первой своей работе опровергает миф о благотворном влиянии режима “черных полковников” на развитие греческой экономики, получивший в свое время хождение в нашей прессе с легкой руки некоторых журналистов.

На динамике процесса восстановления гражданской власти в Греции, как убедительно показывает Ар.А. Улунян, сказывалось давление не только справа, но и слева. Как партия А. Папандреу, так и силы прокоммунистической ориентации резко критиковали власти за нерешительность в деле “дехунтизации” политической системы и госаппарата, настаивали на осуществлении более радикальной социальной программы. Усилившаяся во внутриполитической жизни поляризация сил не только превращала правительство К. Караманлиса в заложников наметившегося размежевания, но и грозила перерасти в глубокий системный кризис, чреватый возникновением ситуации, аналогичной той, что сложилась в Греции в канун апрельских событий 1967 г. С другой стороны, существовала реальная возможность оказать сильный прессинг на правительство слева с помощью массовых выступлений и направить развитие по “португальскому пути” образца 1974 г. (в работе Ар.А. Улуняна хорошо переданы тревожные настроения в греческом обществе в связи со спорадическими террористическими акциями в центральных городах Греции, а также слухами о возможном заговоре как правых, так и левых). Даже при отказе от радикальных действий сохранялась конфронтационная тональность в политической риторике, что мало способствовало политической стабильности – залогам восстановления демократии. Для того, чтобы минимизировать давление слева, правительство должно было считаться с левыми настроениями в обществе, усиливать социальные аспекты внутренней политики. Отчасти с этим было связано стремление ослабить позиции наиболее влиятельных фигур нефтяного бизнеса, лишить крупнейших магнатов рычагов давления на власть.

Отсутствие стабильных начал в политической жизни Греции второй половины 1970-х годов, уязвимость сформировавшихся демократических институций, как доказывает Ар.А. Улунян, находилось в тесной связи с особенностями партийного ландшафта страны. Основу размежевания партий начиная с 1974 г. составляли вопросы наиболее важные для общественно-политического развития Греции: о путях и методах преодоления наследия “черных полковников”, определении основных направлений социальных реформ, о разрешении внешнеполитических проблем. Вместе с тем из многочисленных партий, возникших на политической арене, далеко не все обладали должной внутренней сплоченностью и ясным идеологическим лицом. Уделяя внимание не только политической практике, но и идеологии реформ, направленных на демилитаризацию системы государственного управления, автор связывает эту проблему с вопросом о вариантах перемен, рассматривавшихся пришедшими к власти гражданскими политиками. В любом случае эта идеология должна была в той или иной пропорции соединить в себе элементы традиционализма со стремлением к интеграции Греции в европейские экономические структуры.

Анализ внутриполитической ситуации 1970-х годов приводит автора к выводу о том, что главный вектор общественного развития страны определила (наряду с ликвидацией особой роли армии как фактора политической жизни и окончательным отказом от института монархии) эволюция партийно-политической системы в направлении двухпартийности. Причем эта тенденция не только отражала влияние греческих условий, но была в некоторой мере созвучна общественно-политическим и идеологическим трансформациям, происходившим в 1970-е годы в ряде других европейских стран, освободившихся от военно-политических режимов – речь идет об Испании и Португалии. Уже начиная с 1974–1975 гг. противостояние Новой демократии К. Караманлиса и Всегреческого социалистического движения А. Папандреу становится главным фактором политического развития страны. При этом, как отмечает Ар.А. Улунян, две противо-

стоявшие друг другу силы должны были политически и идеологически эволюционировать со своих изначальных позиций в сторону центра для того, чтобы добиться наибольшей поддержки избирателей, а с другой стороны, чтобы в период своего пребывания у власти проводить сбалансированную внешнюю и внутреннюю политику, не позволяя себе крайностей. При том, что обе партии сохраняли выраженную (праволиберальную или леволиберальную) окраску и между ними происходило временами довольно острое противоборство по конкретным проблемам внутренней и внешней политики, все это, как правило, не затрагивало принципиальной стратегии национально-государственного развития.

Внешнеполитическая составляющая этой стратегии была направлена на выбор оптимального пути развития с учетом комплекса факторов, таких как принадлежность Греции к северо-атлантическому сообществу; приверженность ее новой политической элиты общеевропейским ценностям и стремление интегрировать страну в европейские экономические структуры; узорегиональные интересы Греции и традиции ее сотрудничества с соседними балканскими государствами; наконец (а возможно даже в первую очередь), острота греко-турецких противоречий из-за различия подходов к решению кипрской проблемы и недовольство греческого общества в связи с позицией США в этом вопросе. Как показывает Ар.А. Улуян, усилившиеся к середине 1970-х годов антиамериканские настроения стали фактором не только внутривнутриполитической жизни страны, но и ее взаимоотношений с главным стратегическим партнером по НАТО. Считаясь с общественными настроениями, Караманлис проводил политику с элементами "контролируемого антиамериканизма", который использовался как средство нажима на Вашингтон, а с другой стороны был способом отвлечь внимание наиболее радикальных сил от внутривнутриполитической ситуации. Это выразилось, в частности, в выходе Греции из военной организации НАТО вплоть до урегулирования кипрского кризиса на приемлемых для нее условиях. Были моменты, когда регулируемый антиамериканизм выходил из-под контроля, что не только наносило

урон внешнеполитическим комбинациям греческого правительства, но и угрожало ограничить возможности контроля НАТО над стратегически важным средиземноморском регионом, имеющим выход к другому, не менее значимому для всего Запада – ближневосточному. Вместе с тем успехи экономической стабилизации, снижение инфляции, сдерживание антиамериканских настроений – все это давало основания отечественным и зарубежным наблюдателям воспринимать Караманлиса как гаранта внутривнутриполитической стабильности в стране.

В работе Ар.А. Улуяна показана многовекторность внешней политики Афин, в которой задача изоляции Турции, как правило, не была самодовлеющей, не заслоняла более приоритетной задачи – позиционирования Греции в европейском политическом пространстве, интеграции в европейское сообщество. Не только в окружении Караманлиса, но и в более левой по своим ориентациям команде Папандреу неустанно заявляли о том, что при всей своей особой позиции в НАТО Греция политически, экономически и духовно принадлежит Западу, добивается вступления в объединенную Европу, видя в этом гарантию демократического развития, безопасности, экономического и социального прогресса. Таким образом, активизировавшийся в ходе межпартийной борьбы спор о внешнеполитической ориентации Греции и ее связях с евроатлантическим сообществом хотя и отражал остроту проблемы взаимоотношений между Афинами и Вашингтоном, но по сути не ставил под вопрос принадлежность страны Западу в целом.

Осложнение отношений с США выдвинуло на первый план в греческой внешней политике взаимоотношение с европейскими странами. Однако европейские ориентиры, как показывает Ар.А. Улуян, органически сосуществовали с ближневосточными и балканскими, что проявилось, с одной стороны, в попытках сближения с арабским миром в целях ослабления Турции, а с другой, в возобновлении традиций балканского сотрудничества (налаживании тесных отношений с нейтральной Югославией, активизации связей с советским блоком). Таким образом, постоянно деклариро-

вавшаяся принадлежность Западу вовсе не исключала заинтересованности Афин в проведении самостоятельного курса, в частности, на Балканах. Столь многовекторная политика имела своей целью оказать давление на Вашингтон, чтобы заставить его более активно реагировать в пользу Афин на существующие греко-турецкие разногласия, ставшие фактором, негативно влиявшим на всю систему обеспечения военно-политического контроля альянса над стратегически важным средиземноморско-балканским регионом. Такая тактика не всегда имела успех, особенно после исламской революции 1979 г. в Иране, усилившей стратегическое значение Турции для США. Однако это не охладило решимости греческой элиты к полному восстановлению членства в НАТО после урегулирования кипрского вопроса.

Как убедительно показывает автор, борьба Западного и Восточного блоков за расширение своего влияния и присутствие в стратегически важных регионах сказывалась на внутривосточном развитии ряда стран-членов противостоящих военно-политических союзов. Для Греции, занимавшей особую позицию в НАТО и в то же время стремившейся стать полноправным участником ЕЭС, восточноевропейское и балканское направления внешней политики превращались в элемент межпартийной борьбы. Как и в случае с внутривосточными вопросами, различие подходов двух конкурирующих партий к основным международным проблемам носило в целом тактический характер. Хотя в связи с расширением влияния ПАСОК в греческом обществе и приходом к власти Папандреу в 1981 г. в Вашингтоне возникли некоторые опасения по поводу возможного отхода Афин от северо-атлантического сообщества (а в Москве надежды на окончательное превращение Греции в "слабое звено" НАТО), никаких кардинальных перемен в политике не произошло. Курс Афин, сохраняя определенную специфику, не противоречил вместе с тем принципам солидарности стран-участниц НАТО. Главным доказательством этому стало смягчение тональности в выступлениях Папандреу по вопросам греко-турецких отношений.

Близость рассматриваемых событий сегодняшнему дню предопределила специфику привлекаемых источников – реже архивные документы, но чаще пресса, опубликованные отклики и воспоминания живых свидетелей событий 30-летней давности. Как у участника публикации хранимых в РГАНИ материалов советского партийного руководства (правда, за более ранний, хрущевский период), у меня возникают некоторые сомнения по поводу достоверности ряда полученных по зарубежным каналам интернета документов Политбюро и Секретариата ЦК КПСС.

Советская внешняя политика времен Брежнева, действительно, нуждающаяся в критической оценке, иногда предстает, на мой взгляд, чересчур конфронтационной. Чтобы выдержать необходимое сгущение тонов, автору приходится оставить без должного внимания Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., некоторые мирные инициативы СССР (пусть и неприемлемые в силу определенных причин для Вашингтона), переговоры вокруг ОСВ-2 и т.д. По моему мнению, советская политика, и в частности на Балканах и Ближнем Востоке, была все же более многослойной, конфронтационные тенденции сочетались в ней с непоследовательными попытками добиться ослабления международной напряженности, хотя, конечно, не за счет далеко идущих уступок Западу и отказа от своих специфических представлений о критериях безопасности СССР. Разные тенденции сосуществовали в советской внешней политике и на узком греческом направлении – от прямой поддержки левозэкстремистских элементов, нацелившихся на подрыв существующей власти, до наведения мостов к команде Караманлиса. Визит греческого лидера в СССР в начале октября 1979 г., его торжественная встреча в Москве свидетельствовали о том, что к этому времени возобладала вторая тенденция. Хотелось бы обратить в этой связи внимание и на такой факт – в 1979 г. служивший послом СССР в Греции жесткий ортодокс И.И. Удальцов, сыгравший довольно зловещую роль в Чехословакии 1968 г., был заменен на менее знаковую в политическом отношении фигуру. Вообще едва ли правильно было бы связывать уг-

розу дестабилизации всей системы международных отношений в этот период почти исключительно с активностью коммунистического блока и его главной силы – СССР, в частности на Ближнем Востоке, а между тем именно такая позиция прочитывается в соответствующей главе работы Ар.А. Улуяна.

Представляет большой интерес вводимый в научный оборот новый материал, свидетельствующий о жестком ограничении со стороны СССР любых попыток союзников проводить сколь угодно независимый внешнеполитический курс. Особую обеспокоенность Москвы вызывала возможность создания с участием Румынии, Югославии и Греции неконтролируемой политической группировки на Балканах, которая могла бы сильно ослабить южный пояс Организации Варшавского договора. Для того, чтобы воспрепятствовать осуществлению нового “издания” Балканского пакта (в измененном составе), в Кремле активизировали давление на Болгарию,

обладавшую очень удобным в этом смысле геополитическим положением. Интересны также свидетельства об озабоченности греческой политической элиты ситуацией в Югославии после смерти Й. Тито. Кризис в этой стране, связанный с обострением национальных противоречий, прогнозировался в Афинах почти за 10 лет до того, как стал реальностью.

Название работы “После режима” представляется не очень удачным. Такое понятие, как “политический режим”, применимо не только по отношению к военным диктатурам.

Греческий материал, на высоком аналитическом уровне осмысленный Ар.А. Улуяном, дает богатую пищу для размышлений над общей проблемой перехода от режимов “управляемой демократии” к многопартийной политической системе, парламентаризму и демократии. И в этом состоит неоспоримая ценность рецензируемой монографии.

© 2006 г. А.С. Стыкалин

Славяноведение, № 3

Н.М. КУРЕННАЯ. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. Из опыта восточноевропейских литератур. 1930–1970 годы. М., 2004. 188 С.

Книга Н.М. Куренной посвящена рассмотрению феномена социалистического реализма как особого типа культуры, сформировавшегося в советский период российской истории. Основными источниками исследования являются различные тексты эпохи – в первую очередь художественные произведения (проза и поэзия), публицистика, а также документы и постановления, журнальные и газетные статьи, агитационные материалы, фрагменты воспоминаний современников, песни и др. В задачу автора (по его собственному определению) не входит комплексный анализ значительного корпуса произведений

какого-либо жанра в его целостности. Она сосредоточивается на отдельных, но наиболее типичных и популярных в широкой среде текстах культуры различной эстетической и идеологической ценности, чтобы наиболее полно показать многогранность явления социалистического реализма. При этом сам термин “соцреализм” понимается в более узком значении, он рассмотрен не как набор нормативных установок и декларируемых задач, не как официально принятое и господствующее художественное направление, но как “большой стиль” не только эпохи (по словам Ф. Гачева), но и повседневной жизни.

Отличный от чисто литературоведческого, подход к проблеме изучения соцреализма как типа культуры обусловил жанр и структуру работы Н.М. Куренной – “очерки”, а также задал две принципиальные особенности анализа исследуемого материала. Во-первых, автор обращается к выявлению и пристальному рассмотрению главных и универсальных категорий культуры – человека и пространства его культуры. Во-вторых, в центре внимания находятся не столько “канонические” (термин автора) тексты, черты и темы нового – советского – реализма как идеала художественной формы, сколько приметы, знаки и проблемы повседневной жизни культуры. Таким образом, сквозной темой, связующей очерки в единое композиционное целое, является обнаружение явного зазора между декларируемыми принципами и установками официального соцреализма и его действительным воплощением, функционированием на уровне массового сознания. Именно в этом поле, как показывает автор, происходит формирование социалистического реализма как типа культуры.

В главе 1 – “Социалистический реализм как историко-культурный феномен” автор не столько определяет свое отношение к существующим в российской и европейской историографии вопросам, противоречиям и позициям сторон, сколько убедительно демонстрирует теоретическую важность поставленной проблемы. Жаркие споры вокруг истории СССР XX в. часто негативно сказывались на исследованиях о советской культуре, что приводило зачастую либо к отождествлению ее с социалистическим реализмом, либо к разделению произведений эпохи на “истинные” и “диссидентские”, причем в разных кругах и в разное время оценки постоянно менялись. Н.М. Куренная ставит вопрос иначе, стремясь выявить элементы единства культуры, прибегая для этого к термину “тип культуры”.

Такой подход позволяет Н.М. Куренной по-новому взглянуть на известные и малоизученные тексты не с оценочных, а с компаративистских позиций. К этому автор приводит анализ категории культурного пространства (глава 2) в широком контексте – пространства социаль-

ного, природного, бытового, который выявляет основания для сопоставления культуры социалистической эпохи с русской культурой до 1917 г. Вопреки многократным утверждениям основателей соцреализма о воплощенных в нем принципиально новых художественных и идеологических качествах, не имеющих ничего общего с предшествующей историей, оказалось, что для того, чтобы существовать и иметь своего потребителя, недостаточно “приказов и указов”. Жизнь культуры не может прерываться и начинаться по желанию и ради блага даже “новых людей”. Родство соцреализма с предшествующими традициями русской культуры привело, как доказывает автор, к тому, что этот стиль задействовал арсенал средств, жанров, мотивики и зачастую идей русского искусства XIX в. Причем даже тогда, когда особенно яростно отрицал их. Впрочем, необходимо заметить, что сравнение этапа так называемого критического и социалистического реализма настолько важно для понимания истинной природы последнего как типа культуры, что заслуживает в ряде случаев (в частности, в главе 2 – “Культурное пространство”) быть разобранным более детально.

Появление сакрализованных форм и отдельных сюжетов в произведениях классического и “маргинального” соцреализма (в частности, на примере творчества Б. Полевого и Н. Рубцова – главы 2, 3), а также фольклорного начала (это убедительно показано автором при воссоздании картины мира персонажей Л. Леонова в главе 2) свидетельствуют о тесной – и неизбежной – связи русской советской литературы с национальными, историческими и православными традициями. Ведь “новый советский человек” создавался именно из крестьянина (см.: [1]), причем зачастую уже лишившегося своей этнической и сословной идентичности.

Отдельной и значимой теоретической проблемой, разрешить которую стремится автор, является вопрос об эволюции социалистического реализма от идеологического догмата, на начальном этапе своей истории бывшего и обязанностью, и “пропуском” к своему массовому потребителю (читателю, слушателю, зрителю и т.п.), к сакральному (неизменно-

му, освященному властью) образцу с особой терминологией, лишенному конкретных примет, особенностей и содержательной специфики (глава 1). Этот процесс и деградации, и одновременно освобождения от четких границ художественного метода приводит к его своеобразному перерождению в российской культуре конца XX в.

Таким образом, согласно выводам Н.М. Куренной, проблема соцреализма как художественного метода и стиля может быть понята только в категориях и терминах историко-культурного характера, а исследование его как типа культуры оказывается весьма конструктивным для изучения истории и эволюции “больших стилей” Европы в XX в.

Особое место в книге занимает четвертая глава “Адаптированный соцреализм”, в которой на венгерском примере рассмотрены процессы, протекавшие в советском соцреализме в 1940–1950-е годы, методы его навязчивого “экспорта” в страны Восточной Европы и их восприятие в европейской неславянской среде. Судьба социалистического реализма на инокультурной почве складывалась несколько отличным образом. Н.М. Куренная показывает, что настойчивое стремление советской стороны сконструировать венгерский “извод” (термин автора) соцреализма привело к его полному краху и как метода, и как художественного стиля. Это еще раз доказывает, сколь укоренен оказался – вопреки проектам и репрессиям – социалистический реализм в традиции русской культуры, если и не в своем генезисе, то благодаря своим творцам, носителям и аудитории. А потому вопрос о национальной специфике социалистического реализма за пределами российской советской культуры XX в. требует более тщательного исследования.

Вместе с тем остаются обойденными вниманием автора следующие вопросы. Один из них касается проблемы отражения национального своеобразия в советской – интернациональной по замыслу – культуре. Стремление нивелировать этнические и традиционалистские нормы, ценности, опыт и предпочтения различных культур приводило не только к созданию общности “нового типа”, но на определенном этапе (1960–1970-е годы)

способствовало появлению произведений (особенно в сфере литературы и кинематографа) истинно национальных по духу и вместе с тем признанных соцреалистическими. Нерешенным, между тем, остается вопрос, в какой степени это соответствовало практике послевоенного соцреализма и как разрешало неизбежные противоречия? Ведь и грузинская, и прибалтийская школы советского кино, творчество Ч. Айтматова, В. Быкова, Ф. Искандера и многих других все же находились в официальных рамках этого направления. Вместе с тем необходимо, на наш взгляд, хотя бы упомянуть о художниках и писателях военного поколения, которые в 1960-х годах совершили своеобразный мирный переворот в содержании и стилистике соцреализма. Как их истинно народное и продолжающее реалистические традиции XIX в. творчество вступило в конфликт с требованиями и задачами социалистического реализма, переживавшего после Великой Отечественной войны период явного кризиса. И как опыт адаптации (или отторжения) этих течений определил формирование проектов “насаждения” (или “прививания”) доктрины соцреализма в новых социалистических государствах (в том числе и в Венгрии).

Ряд вопросов вызывает и глава 3 – “Новый человек”, в которой реконструированы черты идеального советского человека и советского понимания святости. Последнее убедительно и интересно доказано при анализе значения и своеобразия телесного кода в литературе соцреализма. На наш взгляд, в этом контексте следовало бы уделить больше внимания созданию нового идеала женщины – рассмотрению трудов А. Коллонтай недостаточно для того, чтобы определить, сколь важное место и в искусстве, и в быту занимали “женский” и “половой” вопросы, порожденные сложным для советской страны процессом экономической, правовой и культурной модернизации. Это тем более существенно, что в реальной действительности именно женщина, как во времена просвещения, романтизма и т.д. (см.: [2]), вопреки многочисленным проектам современников, оставалась призванной рожать и воспитывать “нового человека”, а потому формирование советской женщины занимало столь важ-

ное место в соцреалистической теории и практике.

К недочетам работы следует отнести и некоторую неоправданность структурирования внутри глав. Не всегда обоснована и логична последовательность параграфов (в частности, главы 2), несколько выбивается из содержания последней главы часть «Социалистическое общество и утопия И. Мадача “Трагедия человека”», включение которой требует специальных оговорок.

Монографию Н.М. Куренной нельзя назвать фундаментальным и широкомасштабным исследованием проблемы социалистического реализма. У нее другая, более скромная, но вместе с тем чрезвычайно важная задача – обосновать возможности нового прочтения и интерпретации этого феномена как типа культуры, выявить его основополагающие принципы и структурообразующие элементы, позволившие ему преодолеть жесткие границы схематичной, искусственно сконструированной идеологемы ново-

го строя. И этим целям работа, проделанная Н.М. Куренной, соответствует вполне. Строго говоря, книга представляется приглашением к размышлению, а не перечислением и обоснованием готовых и бесспорных теоретических выводов. То, что текст книги рождает множество вопросов и желание проверить результаты авторского исследования на других текстах эпохи, – достоинство, а не упущение работы Н.М. Куренной.

© 2006 г. *М.В. Лескинен*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козлова Н.Н., Сандомирская И.И.* “Я так хочу назвать кино”. Наивное письмо: опыт лингво-социологического чтения. М., 1996; *Козлова Н.Н.* Горизонты повседневности. Голоса из хора. М., 1996; *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999.
2. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994. Гл. 1.

К ЮБИЛЕЮ ГРИГОРИЯ ЛЬВОВИЧА АРША

21 ноября 2005 г. исполнилось 80 лет известному историку-балканисту Григорию Львовичу Аршу, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН, крупному специалисту по Новой истории Греции, Албании, международных отношений в регионе, российско-балканских связей в XVIII–XIX вв.

Г.Л. Арш родился в 1925 г. в Архангельске. По окончании в 1943 г. средней школы был призван в действующую армию, получил ранение. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды и медалями. Свою профессиональную подготовку по всеобщей истории Г.Л. Арш прошел в Ленинградском университете, который успешно окончил в 1951 г. Его первая статья была опубликована в “Вестнике ЛГУ” еще в студенческие годы, в 1949 г. Проработав несколько лет учителем в Ленинграде, Г.Л. Арш поступил затем в аспирантуру Института истории АН СССР, посвятив всю последующую жизнь научно-исследовательской работе.

Свой путь в науке Г.Л. Арш начал как по сути дела единственный в СССР специалист по Новой истории Албании. Его кандидатская диссертация “Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII – начала XIX вв.” была защищена в 1959 г. За ней последовала первая монография ученого “Албания и Эпир в конце XVIII – начале XIX в. (Западно-балканские пашалыки Османской империи)” (М., 1963). Не утратив своей научной ценности поныне, она была переиздана в 1994 г. на греческом языке в исправленном и дополненном варианте. К албанской тематике Г.Л. Арш продолжал обращаться на протяжении всех последующих десятилетий. Он входил в круг основных авторов первого в своем роде в российской науке обобщающего труда, “Краткой истории Албании” (М., 1965), был ответственным редактором и одним из авторов “Краткой истории Албании. С древнейших времен до наших дней” (М., 1992). Его перу принадлежат многочисленные статьи и разделы в коллективных трудах, посвященные ключевым проблемам албанской истории начиная с XVIII в. и вплоть до окончания Первой мировой войны. Первопроходческий характер носят исследования Г.Л. Арша по истории русско-албанских связей, в том числе в период русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Вместе с тем к середине 1960-х годов центр тяжести в научных интересах Г.Л. Арша все более переносился на Новую историю Греции. Его занимают вопросы национально-освободительного движения греческого народа, история революции 1821–1829 гг., проблемы становления греческой государственности в XIX в. Г.Л. Арш изучал значение греческого вопроса во внешней политике России, роль русско-турецкой войны 1828–1829 гг. в завоевании греческого суверенитета, место Греции в международных отношениях на Балканах на протяжении всего XIX в. (в том числе в период Восточного кризиса конца 1870-х годов), много занимался российско-греческими общественными и культурными связями, историей греческой диаспоры в Российской империи. В его работах по историко-культурной тематике рассматривалось влияние русской культуры на новогреческое Просвещение. На основании впервые вводимых в научный оборот архивных документов он исследовал также воздействие Великой Французской революции на балканские народы, особенно на греческое освободительное движение.

В центре внимания работ Г.Л. Арша – такие ярчайшие индивидуальности новогреческой истории, как А. Ипсиланти и И. Каподистрия, в особенности их деятельность в России, обширные российские связи, в том числе с видными деятелями культуры. Первым в науке Г.Л. Арш глубоко изучил балканские проекты Каподистрии и попытки их практического воплощения в его бытность на русской дипломатической службе, а также отношение декабристов к греческому национально-освободительному движению. Опираясь главным образом на греческий и албанский мате-

риал, Г.Л. Арш обращался и к общим проблемам кризиса Османской империи, изучал специфику разложения феодальных отношений в балканских странах в условиях османского владычества. Занимался он и сравнительной характеристикой национальных движений на Балканах в первой трети XIX в.

В 1965 г. в научно-популярной серии издательства “Наука” вышла книга Г.Л. Арша «Тайное общество “Филики Этерия”. Из истории борьбы Греции за свержение османского ига». В 1969 г. Г.Л. Арш защитил в Институте славяноведения и балканистики АН СССР докторскую диссертацию, опубликованную затем в виде книги “Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи” (М., 1970). Монография “Ионанн Каподистрия и греческое национально-освободительное движение. 1809–1822 гг.” (М., 1976) была в последующем переработана в книгу “Каподистрия в России (1809–1822)” (СПб., 2003). Автор показал не только связи Каподистрии с греческим освободительным движением, но также место и роль выдающегося государственного деятеля Греции, ее первого президента в общественно-политической жизни России времен Александра I. По инициативе Г.Л. Арша и под его руководством был подготовлен (отчасти усилиями его учеников) сборник: “Греческая культура в России XVII–XX вв.” (М., 1999), вызвавший немалый интерес в профессиональной среде.

Г.Л. Арш был ответственным редактором многих выпусков “Балканских исследований”, входил в круг основных авторов семитомной серии монографий “Международные отношения на Балканах” под редакцией В.Н. Виноградова, участвовал в коллективных трудах “Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII–70-е годы XIX в.)” (М., 1986), “Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в.–1878 г.)” (М., 1995), “Греки России и Украины” (СПб., 2004) и др. В последнее десятилетие он много занимается историей Балкан в XVIII в. – статьи о “греческом проекте” Екатерины II и по другим проблемам в сборниках “Век Екатерины II. Россия и Балканы” (М., 1998), “Век Екатерины II. Дела балканские” (М., 2000), разделы в обобщающем труде “История Балкан. Век восемнадцатый” (М., 2004).

Статьи Г.Л. Арша по широкому кругу проблем балканской истории многократно публиковались в журналах “Вопросы истории”, “Новая и новейшая история”, “Отечественная история”, “Славяноведение”, энциклопедиях. Он принимал также участие в подготовке разделов по Новой истории Греции и Албании для учебников и хрестоматий и сам отдал дань педагогической работе – руководил аспирантами.

Имя Г.Л. Арша известно коллегам-историкам далеко за пределами России. Начиная с первого конгресса (1966 г.) он неоднократно представлял СССР и Россию на международных конгрессах по изучению стран Юго-Восточной Европы, выступал с докладами на международном конгрессе исторических наук 1990 г., других представительных международных форумах. Новаторские работы Г.Л. Арша по истории российско-греческих связей в Новое время неизменно находят положительный отклик в Греции и с начала 1960-х годов многократно публиковались в переводе на новогреческий. Серьезный научно-культурный резонанс получила в этой стране хранившаяся в российских архивах и опубликованная в 1999 г. переписка А. Ипсиланти с современниками за 1816–1828 гг. Исследования Г.Л. Арша выходили также в других балканских странах – в Румынии, Болгарии, Албании, в том числе на английском и французском языках. Г.Л. Арш – член редколлегии американского научного издания “Modern Greek Studies Yearbook”.

В свои 80 лет Г.Л. Арш продолжает трудиться над воплощением новых замыслов. Совместно с Институтом новогреческих исследований в Афинах им подготовлен к печати сборник документов АВПРИ, освещающих взаимоотношения России и полунезависимых пашалыков Албании и Эпира, под властью которых в последние десятилетия XVIII – первой трети XIX вв. находилось население западной части балканского полуострова. Вводимые в научный оборот документы проливают свет на сложные процессы развития межнациональных отношений в этой части Балкан, свидетельствуя также о том, что престиж России был значителен в глазах не только православных жителей, но и мусульманских правителей Албании и Эпира. Продолжается работа над главами обобщающего коллективного труда по истории Балкан в XIX веке.

Коллеги желают одному из видных отечественных историков-балканистов крепкого здоровья и новых творческих свершений.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Stankov N.N.</i> (Volgograd). The 1922 Rapallo Treaty and Czechoslovakia	3
<i>Maryina V.V.</i> (Moscow). Once More About “The Munich Conspiracy” (New Documents from Czech Archives)	16
<i>Morozov S.V.</i> (Moscow). Poland and Czechoslovakia During the 1938 “May” Crisis	38
<i>Salkov A.P.</i> (Minsk). Settlement of Transylvanian Problem in the USSR Foreign Policy (1945–1947).....	44
<i>Petrovskaya O.V.</i> (Brest). Institutions of Higher Education in Bulgaria and Poland: Approbation of “the Stalinist” Model (1948–1956).....	62
<i>Khorev V.A.</i> (Moscow). The Shadow of War in Tadeusz Rozewicz’s Poetry	80

COMMUNICATIONS

<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). USSR – Yugoslavia: Zigzags of Bilateral Relations (Second Half of 1950-ies – Early 1960-ies)	95
<i>Tymofeev A.Yu.</i> (Belgrade). About Historiography of the Notion “Old Serbia”	103

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Serapionova E.P.</i> Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948	115
<i>Stykalin A.S.</i> Ар.А. Улуян. После режима. Греция: от военно-политической системы к парламентской демократии (1974–1981 гг.).....	118
<i>Leskinen M.V.</i> Н.М. Куренная. Социалистический реализм. Историко-культурный аспект. Из опыта восточноевропейских литератур. 1930–1970 годы.....	122

ANNIVERSARIES

Towards the Anniversary of Gregory Lvovich Arsh.....	126
--	-----

Сдано в набор 03.02.2006 Подписано в печать 31.03.2006 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,6 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 528 экз. Зак. 1250

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН
Издатель – Научно-производственное объединение «Издательство “Наука”»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”
Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Фирма “Наука-Экспорт” является распространителем за рубежом книг и журналов старейшего издательства России “Наука”, отметившего недавно свой 275-й юбилей.

Помимо литературы издательства “Наука”, фирма экспортирует газеты, журналы и книги десятков других издательств России и стран СНГ.

Тематика поставляемой литературы представляет историю, географию, этнологию, литературоведение, языкознание, литературу для изучающих русский язык и многое другое.

По желанию заказчиков фирма высылает списки тематических подборок литературы, а также списки выходящих новинок.

Фирма приглашает к сотрудничеству всех желающих.
Обращайтесь к нам по адресу:

Россия, Москва, 117997, Профсоюзная, 90, фирма “Наука-Экспорт”,
телефон/факс (495) 334-71-40, 334-74-79
e-mail: naukaexport@naukaran.ru

“Nauka-Export” Company is a subsidiary of “Nauka” Publisher, the oldest Russian publisher which has just celebrated its 275th anniversary. “Nauka-Export” distributes worldwide all journals and books published by “Nauka”.

Besides Naukas’s publications “Nauka-Export” exports periodicals and books by other publishers of Russia and CIS.

The literature is supplied on various subjects: history, ethnology, geography, linguistics, Russian language textbooks and much more.

At clients’ request lists of the publications available and of those to be published could be forwarded to them.

“Nauka-Export” would welcome any offer on cooperation.

Please approach us on the following address:

“Nauka-Export” Company,
Profsoyuznaya, 90,
Moscow, 117997,
Russia.

Tel/fax (495)334-71-40, 334-74-79
e-mail: naukaexport@naukaran.ru

